

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ»
ФАКУЛЬТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
Кафедра теории и истории международных отношений

PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
HUMANITARIAN AND SOCIAL SCIENCES FACULTY
Theory and History of International Relations Chair

**СИТУАЦИЯ В АФГАНИСТАНЕ
И ФОРМИРОВАНИЕ
РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
БЕЗОПАСНОСТИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

**Материалы
VII научной международной конференции**

Москва, 6 декабря 2013 г.

Москва
Российский университет дружбы народов
2014

УДК 372(51)(063)

ББК 66.4(54)

С41

НАУЧНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ:

Председатель –

зав. кафедрой ТИМО, к.э.н., доцент *Д.А. Дегтерев*

Сопредседатели:

д.и.н., профессор кафедры ТИМО *М.А. Шпаковская,*

к.и.н., профессор *В.Г. Джангирян*

Рецензенты:

зав. кафедрой истории и политологии

Государственного университета управления, доктор исторических наук

С.П. Костриков;

зав. отделом Института востоковедения РАН

доктор исторических наук, профессор *А.М. Хазанов*

С41 Ситуация в Афганистане и формирование региональной системы безопасности в Центральной Азии : материалы VII научной международной конференции. Москва, 6 декабря 2013 г. / сост. М. А. Шпаковская, Д. А. Дегтерев. – Москва : РУДН, 2014. – 385 с. : ил.

В сборнике представлены материалы VII научной международной конференции «Ситуация в Афганистане и формирование региональной системы безопасности в Центральной Азии», организованной и проведенной кафедрой теории и истории международных отношений РУДН. На конференции рассматривался целый ряд актуальных вопросов, связанных с поисками путей по обеспечению безопасности как в Афганистане, так и в регионе в целом.

Для специалистов по истории международных отношений, регионоведению, внешней политике России, аспирантов, студентов.

The collection contains materials of the VII International Scientific Conference entitled “The situation in Afghanistan and the formation of regional security in Central Asia”, organized by the Chair of Theory and History of International Relations of PFUR. A number of current issues connected to the searches for ways to ensure security, both in Afghanistan and in the whole region, were under analysis at the conference.

For specialists in history of the international relations, regional studies, foreign policy of Russia, graduate students, students.

ISBN 978-5-209-06221-9

© Коллектив авторов, 2014

© Российский университет дружбы народов,
Издательство, 2014

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ АФГАНИСТАНА

Д.А. Дегтерев, В.Г. Джангирян*

На протяжении последних семи лет кафедра теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук РУДН ежегодно проводит конференцию по ситуации в Афганистане и региональной безопасности в Центральной Азии. Постоянными участниками данных конференций являются ведущие афганисты Российской Федерации - представители академической науки из Института востоковедения РАН, Института мировой экономики и международных отношений РАН, МГУ им. М.В.Ломоносова, МГИМО (У) МИД России, Дипломатической академии МИД России, НИУ Высшей школы экономики. Многолетним участником нашего мероприятия был и заведующий сектором Афганистана Института Востоковедения РАН д.и.н. В.Г.Коргун, который скончался в январе 2014 г. Мы скорбим об утрате выдающегося исследователя, коллеги, учителя.

Афганская проблематика традиционно тесно связана с вопросами военной безопасности, борьбы с терроризмом, наркотрафиком. Неслучайно, участниками нашей конференции являются представители Российского института стратегических исследований, Военной академии Генерального штаба ВС РФ, Института демографии, миграции и регионального развития, а также Шанхайской

* **Дегтерев Денис Андреевич** - зав. кафедрой ТИМО РУДН, к.э.н.,
Джангирян Владимир Гургенович - проф. кафедры ТИМО
РУДН, к.и.н.

организации сотрудничества, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков и других аналитических центров, министерств и ведомств.

Центральными участниками ежегодной конференции в РУДН являются сотрудники Посольства Афганистана в Российской Федерации, а также афганцы, проживающие в России. Среди них видные афганские исследователи, на протяжении нескольких десятилетий интегрированные в российскую науку и образование; представители общественных организаций, заинтересованных в активизации российско-афганского сотрудничества; студенты-бакалавры РУДН из Афганистана, а также магистры Сетевого университета СНГ по направлению "Международные отношения" из Центральной Азии. Ежегодная конференция в РУДН стала для них своей, уникальной экспертной площадкой, где дух дружбы народов - это повседневная реальность.

Примечательно, что для российских участников конференции хорошо представленная афганская научная общественность - это своего рода полиция логики, повышающая качество аналитической экспертизы. Любые умозрительные концепции и заключения экспертов в режиме реального времени подвергаются конструктивной критике со стороны неравнодушных очевидцев событий в Афганистане, которые не понаслышке знакомы со сложной внутри - и внешнеполитической обстановкой своей страны. В пылу дискуссий на конференции по особо острым вопросам многие участники внезапно переходят с русского языка на пушту и дари, но ожесточенные споры - это необходимый этап для постижения истины.

За многие годы своего существования научная конференция в РУДН стала одним из центральных научных мероприятий в России по Афганистану, со своими сложившимися традициями и обычаями, главным хранителем

которых является бессменный координатор мероприятия - д.и.н., профессор кафедры теории и истории международных отношений М.А.Шпаковская. Отрадно встречать многолетних участников нашей конференции в РУДН, внимательно слушать их научные доклады, фиксируя как изменилась внешне- и внутривосточная обстановка в регионе за год.

Сохраняя академические традиции, кафедра теории и истории международных отношений РУДН вместе с тем последовательно вводит и новации в исследования Афганистана. Одной из таких новаций является применение современных компьютерных методов анализа международных отношений, прикладных количественных методик. Например, в данном сборнике представлены результаты анализа молодых, но перспективных исследователей из МГИМО (У) МИД России Я.А.Чижевского и А.С.Тетерюка, которые применили количественный инвент-анализ для оценки эффективности военной кампании США в Афганистане. Будем и впредь расширять спектр применяемых методов исследования.

Стоит отметить, что ежегодная конференция по Афганистану вписана в общий контекст научно-образовательной работы кафедры по проведению ситуационных анализов международных конфликтов. В апреле 2014 г. прошел ситуационный анализ "Африка пост-Каддафи: новая дуга нестабильности", а в апреле 2015 г. ожидается проведения ситуационного анализа "Большой Ближний Восток: двадцать лет спустя (1994-2014 гг.)". За последние несколько лет на кафедре сложилась своя ниша в области анализа международно-политических ситуаций. Отличительная особенность данных исследований – это акцент на выявлении причин нестабильности и возникновения международных конфликтов в странах Азии, Африки, Латинской Америки, междисциплинарный подход при

проведении ситуационных анализов, а также широкое применение математического моделирования и компьютерных технологий, построение баз данных международных конфликтов. Сформировались и методические подходы кафедры в данной сфере, представленные в виде соответствующего пособия [1].

Убеждены, что сочетание традиций и инноваций позволит вывести на качественно новый уровень российские исследования афганской проблематики!!

ЛИТЕРАТУРА

[1] Комплексная междисциплинарная методика РУДН ситуационного анализа международных конфликтов: Учебно-методическое пособие / Под ред. Д.А.Дегтерева, В.Г.Джангиряна, В.А.Цвыка. - М.: Издательство РУДН, 2014. - 103 с.

Виктор Григорьевич Коргун
(14 мая 1940 г. – 4 января 2014 г.)

АФГАНИСТ МИРОВОГО УРОВНЯ

М.А. Шпаковская *

К сожалению в 2014 г., на нашей очередной конференции «Ситуация в Афганистане и проблемы формирования региональной безопасности в Центральной Азии» не будет присутствовать и выступать доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором Афганистана Института востоковедения РАН Виктор Григорьевич Коргун. Его не стало 4 января 2014. Незадолго перед его кончиной мы с ним виделись 6 декабря 2013 у нас в РУДН, на нашей прошлой конференции, на которой, он выступил, как всегда с докладом. Но кто же знал, что это будет его последнее публичное выступление. Да он был тяжело болен, все коллеги и друзья знали о его тяжелой болезни. Но то мужество, с которым он боролся за жизнь, вселял во всех нас надежду, что он выйдет победителем. До конца своих дней он был бодр, весел, шутил, смелся, участвовал в научных обсуждениях.

Я не могу сказать, как его давние коллеги и товарищи, что я была с ним давно знакома. Наше первое знакомство с этим замечательным человеком состоялось в мае 2009 года, когда наша кафедра – кафедра теории и истории международных Российского университета дружбы народов организовала и провела конференцию, посвященную 90-летию установления дипломатических отношений между Россией и Афганистаном: «Российско-афганские отношения в контексте процесса формирования новой системы международных отношений», в которой он принимал участие. На этой конференции он представил

* Шпаковская Марина Анатольевна – д.и.н., профессор кафедры ТИМО РУДН

ней свой доклад «Некоторые вопросы из дипломатической истории Афганистана». Через год был круглый стол «Формирование образа России в мире в контексте афганского кризиса и создания системы региональной и глобальной безопасности», в работе которого он также принимал участие. А начиная с 2011 года на нашей кафедре ежегодно организуются и проводятся научные конференции на тему «Ситуация в Афганистане и формирование региональной системы безопасности в Центральной Азии», в работе которых он был активным участником и всегда с готовностью откликался на наши приглашения и приходил к нам на кафедру неоднократно.

Его неформальное сотрудничество с РУДН не ограничивалось только участием в научных конференциях. Виктор Григорьевич выступал оппонентом на Диссертационном совете в РУДН Д 212.203.03, он охотно делился своими знаниями со студентами и аспирантами, к нему всегда тянулись люди.

Отдавая дань памяти этому замечательному человеку, ученому с мировым именем, блестящему востоковеду мы бы хотели дать слово человеку, с которым его связывала долгая человеческая и научная дружба доктору исторических наук, профессору кафедры востоковедения Гуманитарного Факультета Новосибирского Государственного Университета Пластуну Виктору Никитовичу, материал которого мы помещаем ниже.

ПАМЯТИ ВИКТОРА КОРГУНА

В.Н. Пластун*

В январе этого года тяжёлый неизлечимый недуг унёс из жизни известного специалиста и эксперта по проблемам Афганистана, доктора исторических наук Виктора Григорьевича Коргуна.

Писать о Викторе, моём однокашнике по Институту восточных языков при МГУ им. М. В. Ломоносова (ныне Институт стран Азии и Африки – ИСАА), и легко и трудно. На первый взгляд он не производил впечатления солидного кабинетного учёного, автора не-скольких монографий и огромного количества статей и разного рода публикаций. Быстрый на подъём, энергичный, остроумный – он практически всегда находил общий язык с коллегами по работе и в Москве, и в Афганистане, и в США и в других странах мира.

Виктора Григорьевича Коргуна без всяких натяжек можно назвать выдающимся афгановедом. Именно Афганистану, в котором он бывал в длительных служебных и научных командировках, он посвятил почти всю свою научную жизнь. Свободное владение языком дари в сочетании с присущей ему ненавязчивой манерой общения привлекало к нему афганцев из различных социальных слоёв. Виктор удивительно легко адаптировался к любой среде – академической и «базарной», улавливая оттенки в тональности языка собеседника и настраивая его на ведение разговора на интересующую тему.

* **Пластун Владимир Никитович** - Доктор исторических наук, профессор Отделения востоковедения Гуманитарного Факультета Новосибирского Государственного Университета

Книги В. Г. Коргуна – «Афганистан в 20-30-е годы XX в. Страницы политической истории» (1979), «Интеллигенция в политической жизни Афганистана» (1983), «Афганистан: политика и политики» (1999), «История Афганистана. XX век» (2004), «Россия и Афганистан. Исторические пути формирования образа России в Афганистане» (2009) – посвящены углубленному анализу деятельности политических сил в Афганистане и стали отражением его многолетних научных исканий. Его работы отличаются неповторимой индивидуальной манерой автора, широким охватом явлений, глубиной проникновения в тему.

Закончив аспирантуру в Институте востоковедения АН СССР (ныне ИВ РАН), под-готовив там же кандидатскую и докторскую диссертации, В. Г. Коргун поднялся и по административной лестнице – от младшего научного сотрудника до заведующего сектором Афганистана в Отделе стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН.

За годы работы в Институте он подготовил не один десяток молодых кадров востоковедов для России и стран СНГ, редактировал монографии и сборники статей, неоднократно участвовал в международных научных конференциях, выступая с докладами и принимая участие в дискуссиях.

Виктор Григорьевич Коргун пользовался заслуженным уважением многочисленных друзей и коллег из разных регионов нашей страны и за рубежом.

Светлая ему память!

26 июня 2014 года

I. СИТУАЦИЯ В АФГАНИСТАНЕ ПОСЛЕ 2014г.

АФГАНИСТАН. ДОРОГА В НИКУДА

В.Коргун *

Афганистан – одна из тех стран, где наиболее выпукло проявляется зависимость нестабильности, хрупкости и уязвимости, в первую очередь политической, от развития экономики. Причем речь сводится не только к экономике страны, а к ее общему социально-экономическому и политическому развитию. Ибо экономическая отсталость Афганистана сопровождается плохим управлением, слабым контролем правительства над провинциями, тотальной коррупцией, беззаконием и произволом военных и чиновников на местах, ограниченным доступом населения к социальным благам, расширением масштабов вооруженных действий исламских экстремистов. И все это вместе порождает слабость государственных институтов, отсутствие национального единства и, соответственно, хрупкость государственного суверенитета. Недаром в настоящее время, в условиях вялотекущей войны НАТО против терроризма, известные западные эксперты по Афганистану называют его «несостоявшимся» государством (failed state).

* **Коргун Виктор Григорьевич** - д.и.н., профессор зав. сектором Афганистана Отдела Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН. Скончался 4 января 2014 г.

Выводимые в настоящее время войска НАТО из Афганистана выполнили лишь часть поставленных перед ними задач и то лишь в сфере ликвидации источников исламского экстремизма и терроризма. Созданные при содействии Запада политические институты существуют большей частью формально и демонстрируют свою неэффективность. Это в первую очередь касается конституции, которая по-прежнему остается не более чем «декларацией о намерениях». Созданная же новая структура государственного управления содержит в себе явное противоречие: при всей ее излишней централизованности власть президента Х.Карзая, конституционные полномочия которого чрезвычайно широки, и его правительства носит весьма ограниченный характер.

Глава государства контролирует лишь часть провинций. В остальных власть принадлежит лояльных Центру, но фактически самостоятельных лиц, занимающих официальные посты губернаторов, начальников полиции, командующих войсками, руководителей служб безопасности. Многие из них – бывшие полевые командиры моджахедов, использовавшие силу для фактического захвата власти и сохраняющие до сих пор свои собственные незаконные вооруженные формирования. Более того, ряд из них долгое время (а некоторые и ныне) получали финансовую и иную поддержку США в обмен на услуги в обеспечении безопасности в провинциях. Учитывая их силу и влияние, президент Х.Карзай вынужден пойти на предоставление легитимной власти этим уорлордам и даже оказывать им финансовую поддержку. Такое положение несомненно ослабляет власть и функционирование самого центрального правительства.

В свою очередь, структура государственного управления Афганистана сама по себе хрупкая и подвержена эрозии, ввиду всепроникающей коррупции, nepотизма, клановости, влияния этнических, религиозных и родственных связей.

Коррупцией охвачены высшие эшелоны власти. Ярким свидетельством служит громкий скандал вокруг крупнейшего частного банка – «Кабул-банка», который в 2010 г. с помощью и прямым участием его бывшего директора Шир-хана Фарнуда был практически разорен его ключевыми акционерами, в том числе из числа родственников президента и первого вице-президента маршала М.К.Фахима [6]. Вследствие финансовых махинаций вокруг банка, многие представители афганской элиты обзавелись дорогостоящей недвижимостью в Дубае [4].

В этих условиях правительство было вынуждено использовать государственные средства для спасения банка от полного банкротства. «В первую очередь за счет простых вкладчиков, - резюмирует автор статьи «Афганская полиция проигнорировала ордер Интерпола на арест основателя банка», - средний годовой доход которых не превышает 500 долларов и которые будут вынуждены оплатить массовую кражу, совершенную жадной элитой» [3]. При этом ни одна из крупных фигур, причастных к банковской афере, не была привлечена к серьезной ответственности. Хотя помимо официальных судебных органов и соответствующего законодательства, в стране функционирует ряд специальных государственных структур по борьбе с коррупцией. Афганистан продолжает занимать третье место в мире по масштабу коррупции, уступая лишь Сомали и КНДР. Ею в наибольшей мере поражены полиция и система правосудия. Согласно данным агентства ООН по борьбе с наркотиками и преступностью (UNDOC), ежегодно население Афганистана тратит на взятки 2,5 млрд долларов [8]. Это больше национального бюджета.

Коррупция тесно переплетается и подпитывается наркобизнесом, который является чрезвычайно выгодным источником доходов для различных категорий неформальных «предпринимателей», таких как крупные землевладельцы,

местные и региональные торговцы внутри Афганистана, трансграничные контрабандные группировки, уорлорды и коррумпированные чиновники. В локальную наркоторговлю вовлечена также значительная часть населения – от лавочников, таксистов до преподавателей университетов, министров и губернаторов. Производством наркотиков, зачастую выступающим единственным источником существования семьи, вынуждены заниматься около 1,5 млн крестьян. В то же время растет и их потребление: в 2009 г. в стране насчитывалось более 350 тысяч лиц, потребляющих наркотики [9]. Афганистан является и крупнейшим наркопроизводителем в мире: согласно данным Агентства ООН по наркотикам и преступлениям, в 2011 г. там было произведено 82% мирового объема опия [1]. И хотя доля наркопроизводства в ВВП страны неизбежно сокращается (в 2011 г. стоимость опия на «выходе из фермы» составила 1,4 млрд долларов, т.е. 9% ВВП, а на границах страны – 2,6 млрд долларов, т.е. 15% ВВП) [2], нарко-индустрия по-прежнему подрывает легальную экономику Афганистана и, следовательно, его экономическую устойчивость и состоятельность.

Торговцы опиумом действуют, не боясь легальных последствий, и платят часть своего дохода коррумпированным чиновникам, местным влиятельным лицам и мятежникам. Многие крупные наркобароны сами становятся публичными фигурами, политиками и бизнесменами. А некоторые из них не порывают с опийным бизнесом, замешаны в коррупции, связанной с наркотиками и отмыванием денег. И, наоборот, часть коррумпированной элиты вовлекается в крупный наркобизнес. Примером может служить брат президента Ахмад Вали Карзай, которого обвиняли в рейдерских захватах земли, предприятий, фальсификации выборов президента страны в 2009 г. Его называли в числе крупнейших наркобаронов Афганистана. В

2011 г. он был убит своим телохранителем. В зарубежных СМИ полагали, что его убийство явилось итогом «разборки» в среде наркобизнеса.

В то время как опиумная экономика в Афганистане помогает фермерам во многих случаях кормить их семьи, она обогащает наркобаронов, коррумпированных чиновников и других влиятельных лиц и в целом угрожает будущему страны. Она стимулирует растущее внутреннее потребление опиума, распространяет коррупцию, усиливает инфляцию национальной валюты, поднимает стоимость ведения легального бизнеса и таким образом тормозит развитие здоровой экономики. Опиумная экономика также подкрепляет – не меньше, чем действия мятежников – представление о слабости и неэффективности правительства. В конечном счете Афганистан стоит в центре общерегиональной опиумной экономики и выступает источником наркотрафика, который серьезно влияет на его соседей и другие крупные рынки, такие как Россия и другие государства Европы и Азии, в то же время создавая высокую прибыль для транснациональных преступных группировок и тех, кто занимается отмыванием денег.

Прибыль от наркотиков иногда реинвестируется в некоторые сферы легальной экономики, такие как недвижимость, товары, дорогие автомобили и т.д. Часть таких средств идет прямо или косвенно на финансирование расширения масштабов наркотрафика, что создает порочный круг. И, наоборот, наркоденьги, утекающие из Афганистана, как правило, не поступают в афганскую легальную экономику. По данным Афганского центрального банка, в 2011 г. из страны только через кабульский аэропорт было вывезено 4.6 млрд дол-ларов – вдвое больше, чем в 2010 г. [7]. Эта сумма, однако, не отражает реальный объем наличной валюты, вывезенной из страны. Она превышает афганский

национальный бюджет и составляет четверть всей экономики, ослабляя ее эффективность и функционирование [5].

Доходы от наркобизнеса используются для покупки за границей предметов роскоши и последующей их перепродажи на местном рынке. Это составляет известный риск для легального бизнеса, не способного конкурировать с отмываемыми средствами от наркотиков, которые сбивают цены на легальные товары. А для самого Афганистана риск состоит в том, что его экономика становится все более зависимой от нелегальной экономики. Отсталость юридических и других институциональных механизмов, подкрепляемая низким уровнем функциональности и легитимности афганского правительства, сочетается с повсеместным доминированием коррупции и снижает возможности и желание властей заниматься расследованием финансовых преступлений. Более того, широкий диапазон уголовной деятельности, которая зачастую связана с наркотрафиком – контрабанда оружия, краденых товаров, похищение людей или участие в организованной преступности – рэке и вымогательстве – даже не преследуются в судебном порядке в Афганистане.

Еще один фактор, влияющий на экономическое развитие страны, - связь наркобизнеса с вооруженным конфликтом. Причем здесь важна не столько роль доходов от наркотрафика как источника финансирования мятежников, сколько более общая роль конфликта и связанного с ним насилия в ослаблении и подрыве функциональности государства, его коррумпировании и ограничении доступа в районы, контролируемые мятежниками, где концентрируется производство наркотиков. Существует сложная связь между вооруженным насилием в форме уорлордизма, локальной и региональной борьбы за власть и действиями мятежников, с одной стороны, и функционированием и легитимностью государства – с другой. В отсутствие функционального

управления в беспокойных районах, где сосредоточено производство наркотиков, меры по борьбе с производством наркотиков не срабатывают. Для успешного развития и борьбы с мятежниками там надо обеспечить элементарную безопасность и наладить нормальное функционирование местных властей. Для этого надо покончить с вооруженным насилием. В принципе этого можно достичь или с использованием силы, которое не было эффективным во время пребывания сил НАТО в стране и тем более не будет после их ухода, или посредством мирного, переговорного процесса. Пока Афганистан еще далек от этого процесса, контуры которого появились лишь в последнее время.

Итак, структура управления государством в Афганистане, более того – сама молодая афганская государственность, оказалась внутри порочного круга негативных факторов, которые продолжают удерживать страну в подвешенном состоянии, неспособную даже с помощью мирового сообщества разорвать этот круг. Это станет возможным лишь при достижении национального примирения и обеспечения всеобщей безопасности. К сожалению, вывод войск международной коалиции из Афганистана не прибавляет оптимизма. Есть лишь надежда, что противники перехода Афганистана в мирное русло общественно-го развития осознают бессмысленность своих усилий и после 2014 г. не ввергнут страну в новый виток гражданской войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. “Afghanistan Opium Survey 2011,” United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC), December 2011, 5.
2. “Afghanistan Opium Survey 2011,” United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC), December 2011, 2, 73, 77.
3. *Graham-Harrison Emma*. Afghan police 'ignored Interpol arrest warrant for Kabul Bank founder'. Guardian.co.uk. Wednesday 28 November 2012.

4. *Najafizada Eltaf*. U.S. Exit Risks Afghan Economy as Cash Pumped Into Dubai. Bloomberg July 6, 2012. <http://www.bloomberg.com/news/2012-07-05/u-s-exit-risks-afghan-economy-as-cash-pumped-into-dubai-villas.html>.
5. *Najafizada Eltaf*. "U.S. Exit Risks Afghan Economy as Cash Pumped Into Dubai," Bloomberg, July 6, 2012.
6. Senators Accuse Karzai, His Family of Corruption. TOLONews.com. Sunday, 12 August 2012; Shakeela Ahbrimkhil. Kabul Bank Chiefs Name Afghan Leaders in Court. TOLONews.com. Wednesday, 14 November 2012.
7. Trofimov Yaroslav. "Afghanistan Targets Flight of Cash," The Wall Street Journal, February 22, 2012.
8. "Corruption in Afghanistan: Bribery as Reported by the Victims," United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC) Report. January 2010, 4.
9. "Opiate Flows Through Northern Afghanistan and Central Asia: A Threat Assessment," United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC), May 2012, 17; "Drug Use in Afghanistan: 2009 Survey," Executive Summary, United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC), 2010, 5.

НОВЫЙ ЭТАП В ИСТОРИИ АФГАНИСТАНА

Шинвари Наджибулла *

В последнее время часто проводятся конференции и круглые столы по Афганистану. Все говорят о 2014 г. Внимание всего мира приковано к Афганистану, точно так, как это было 12 лет тому назад. После терактов 11 сентября 2001 г. в США, международное сообщество обратило внимание на тот, факт, что небольшая страна в центре Азии стала угрозой безопасности и стабильности региона и всего мира. Совет безопасности ООН принял резолюцию о создании

* Шинвари Наджибулла -атгаше по культуре Посольства Исламской Республики Афганистан в Российской Федерации

международной антитеррористической коалиции. Согласно этой резолюции были созданы и направлены в Афганистан международные силы содействия безопасности. Перед международными силами в Афганистане стояли такие важные задачи, как:

- борьба против международных террористических организаций до их полного уничтожения,
- борьба против наркопроизводства ,
- оказание помощи афганскому народу в достижении мира и стабильности, создании структур политической системы, восстановлении национальной экономики.

Именно с такими целями Международные силы в 2001 г. вступили в Афганистан и к концу 2014 г. они должны покинуть Афганистан. Если в 2001 г. в истории Афганистана начался новый этап, то после 2014 г. Афганистан также вступает в новый этап своего развития. В чем же заключается особенность нового этапа в жизни и истории афганского народа? Она заключается в том, что мы должны полностью афганизировать все наши военные, политические и экономические дела. Что значит афганизация всех дел и процессов? Это значит, что афганцы должны взять на себя ответственность за защиту свободы, независимости, территориальной целостности и национального суверенитета страны, достижение и сохранение мира и стабильности, совершенствование политической системы и восстановление национальной экономики.

С учетом огромной исторической важности вышеуказанных задач, к выполнению которых афганский народ должен быть полностью готов к концу 2014 г., многие эксперты считают наступающий год определяющим в судьбе афганцев.

Прежде чем рассказать об основных задачах, которые стоят перед афганским народом на новом этапе, необходимо взглянуть на развитие событий в стране после 2001 г.

Как уже было сказано, в 2001 г. в жизни афганского народа начался новый этап. Этот этап начался с нуля. В стране существовал вакуум политической власти. Экономика страны была полностью разрушена. Женщины не имели права учиться и работать. Афганистан находился почти в полной изоляции от остального мира. В таких условиях при помощи международного сообщества начался процесс создания вертикалей государственной власти и социально-экономической инфраструктуры Афганистана. За 12 лет афганский народ добился огромных успехов в различных областях жизни. В 2003 г. была принята Конституция страны, которая по своему демократическому содержанию является одним из самых лучших и прогрессивных основных законов в регионе.

Согласно принятой Конституции два раза состоялись президентские и парламентские выборы в стране. Сегодня Афганистан имеет избранные народом Президент и Парламент. В стране действует судебная власть, которая состоит из судов первой инстанции, апелляционных судов и Верховного суда.

После 2001 г., одной из основных задач, стоящих перед новым правительством страны, было создание национальных вооруженных сил Афганистана. За прошедшие годы и в этом направлении также можно отметить заметные успехи. Сегодня общая численность национальной армии Афганистана составляет около 200 тысяч военнослужащих. Общая численность полицейских сил составляет около 150 тысяч человек. Все они хорошо подготовлены.

Афганское правительство добилось больших успехов в восстановлении национальной экономики. Если в 2001 г. в национальном банке Афганистана (Де Афганистан банк) не было не одного доллара, то сегодня его валютный резерв составляет 7,5 миллиардов долларов США. В стране асфальтировано более 15 тыс. км. дорог. Построено огромное

количество новых современных зданий для школ, больниц, поликлиник.

Мы добились больших успехов в сфере образования. Если в 2001 г. только 180 тыс. учеников ходили в школу, то сегодня 9,5 млн. афганских детей и юношей имеют возможность учиться в школах. Если в 2001 г. девушки вообще были лишены права учиться, то сегодня почти 50 % всех обучающихся в школах составляют девушки.

Произошли большие позитивные изменения в сфере высшего образования. Если в 2001 г. в Кабуле и некоторых других городах функционировали только государственные высшие учебные заведения и в них учились не более 6 тыс. студентов, то сегодня почти во всех крупных городах страны действуют университеты и другие высшие учебные заведения. Количество студентов достигло более 300 тыс. человек, 40% которых составляют девушки. 12 лет тому назад всего лишь 10 афганских студентов учились за рубежом. Сегодня более 10 тыс. афганских студентов обучаются в высших учебных заведениях РФ, США, Германии, Франции, Турции, Индии, Пакистана, Египта, Саудовской Аравии, Казахстана и ряда других стран мира. Необходимо отметить, что более 500 афганских студентов обучаются в высших учебных заведениях РФ. Бывший Советский Союз и сегодняшняя Россия внесли и продолжают вносить большой вклад в подготовке высококвалифицированных кадров для Афганистана, за что афганский народ очень благодарен руководству, правительству и народу РФ.

За этот период Афганистан добился больших успехов и в сфере внешней политики. Как уже было сказано, в 2001 г. у Афганистан находился в полной изоляции от остального мира. Сегодня Афганистан является активным членом международного сообщества, поддерживает дипломатические отношения со многими странами мира, в 70 стран мира имеет дипломатические представительства.

Афганистан принимает самое активное участие в деятельности как региональных, так и международных организаций. Афганистан получил статус наблюдателя в ШОС. Кроме того, Афганистан является наблюдателем Азиатско-тихоокеанской Межпарламентской ассамблеи и Межпарламентской ассамблеи стран ОДКБ.

С такими достижениями афганский народ вступает в новый этап своей истории. Как уже было отмечено, афганский народ должен взять на себя полную ответственность за все дела, касающиеся его политической, военной, экономической и социальной жизни.

Какие основные задачи стоят перед афганским правительством и народом на этом новом этапе, особенно в 2014 г., о котором так много сейчас пишут и говорят?

В 2014 г. нижеуказанные задачи имеют определяющее значение:

- проведение президентских и парламентских выборов;
- передача афганским вооруженным силам полную ответственность за обеспечение безопасности в стране;
- подписание с США двустороннего соглашения о безопасности;
- начало процесса переговоров с талибами.

Что касается проведения выборов, то необходимо отметить, что сейчас основное внимание приковано именно к этому вопросу. Действующий Президент Афганистана Е.П. г-н Хамид Карзай согласно Конституции страны не имеет права баллотироваться на третий срок. Он после 2001 г. руководил страной. Весь этот период, о котором мы говорили, а также все достижения за эти годы, тесно связаны с его именем. Афганский народ под его руководством добился больших успехов в различных сферах своей жизни. Значение предстоящих выборов заключается не только в избрании нового Президента, но в передаче власти демократическим путем. Понятно, что проведение выборов в любой стране

является актуальной задачей, решение которой требует немало усилий. Однако, проведение выборов в таких странах, которые только что пережили или еще переживают глубокий политический, экономический, военный кризис- дело не легкое. Афганистан тоже относится к такой же категории стран. В таких странах при проведении выборов имеют особое значение такие факторы, как:

- будет ли народ принимать активное участие в голосовании или нет? От активного участия народа в голосовании зависит уровень легитимности и прочности правительства, которое в результате выборов придет к власти.

- да, избиратели будут принимать активное участие в голосовании, но будут ли они голосовать в духе национального единства или нет? Если голосование будет проходить в духе национального единства, в таком случае результаты выборов будут способствовать дальнейшему укреплению единства народов, сплочению общества. Но если избиратели будут голосовать по языковым, религиозным, клановым и другим признакам, в таком случае результаты выборов способствуют возникновению и углублению нового социально-политического раскола в обществе.

- да, избиратели будут принимать активное участие в голосовании, и голосование тоже будет проходить в духе национального единства, но сделают ли они правильный выбор или нет? То есть, будут ли избиратели голосовать за того кандидата, который способен руководить страной?

Когда мы проводили первые и вторые президентские и парламентские выборы, эти вопросы стояли перед всеми и конечно, они со всей своей актуальностью будут стоять и при проведении предстоящих президентских выборов.

Нельзя недооценить тот факт, что у нас уже есть опыт предыдущих выборов. Принят новый закон о выборах. Полностью обновлен состав Независимой избирательной комиссии Афганистана и комиссии по рассмотрению жалоб о

нарушении избирательного законодательства. Необходимо отметить, что раньше в состав комиссии по рассмотрению жалоб о нарушении избирательного законодательства входили и два иностранца. Но согласно новому закону, указанная комиссия состоит только из афганцев. Это тоже шаг к афганизации всех процессов, о чем мы уже говорили. Но, несмотря на это, ни у кого не должно быть сомнений в том, что выборы будут проходить в трудных условиях. Прежде всего, это связано с угрозами безопасности. Тут необходимо отметить, что ответственность за обеспечение безопасности во время проведения президентских выборов полностью лежит на афганских вооруженных силах.

Афганский народ надеется, что президентские выборы, а также выборы в провинциальные советы будут проходить в строгом соответствии с национальным законодательством. Народ осознает свою историческую ответственность на этом новом этапе. Необходимо отметить, что за последние 12 лет уровень политической самосознания афганского народа значительно вырос, и мы с полной уверенностью можем сказать, что, несмотря на угрозы со стороны вооруженной оппозиции, афганские избиратели примут самое активное участие в голосовании. Мы также надеемся, что голосование будет проходить в духе национального единства, и избиратели будут голосовать за самого достойного кандидата на пост президента страны.

Что касается второй важной задачи в 2014 г., то есть передача афганским вооруженным силам полную ответственность за обеспечение безопасности в стране, то необходимо сказать, что наши вооруженные силы уже готовы взять на себя эту ответственность. Ответственность за обеспечение безопасности в большей части территории Афганистана (более 80%) уже взяли на себя национальные вооруженные силы. Афганская национальная армия проводит 90% боевых операций самостоятельно, то есть без участия

международных вооруженных сил. Но это не значит, что все вопросы с подготовкой афганских вооруженных сил уже полностью решены. К сожалению, существуют серьезные проблемы с оснащением афганских вооруженных сил, в частности армии, тяжелой боевой техникой. Также серьезная работа предстоит и в сфере подготовки афганских ВВС. В 2014 г. афганское правительство и международное сообщество должны ускорить процесс решения этих вопросов.

Подписание двустороннего соглашения между Афганистаном и США также является одной из главных задач 2014 г. Президент Афганистана Е.П. господин Хамид Карзай неоднократно высказал свое мнение по данному вопросу. Он за подписание данного соглашения, но при определенных условиях. По словам господина Хамида Карзая, соглашение будет подписано лишь тогда, когда эти условия будут соблюдены США. Самое главное условие для подписания данного соглашения – это содействие и помощь США в достижении мира и безопасности в Афганистане. Как можно говорить о подписании соглашения о безопасности, если в стране не будет безопасности. Господин Хамид Карзай требует от США гарантий обеспечения безопасности в Афганистане.

Процесс мирных переговоров с вооруженной оппозицией тоже имеет особое значение для достижения мира и безопасности в стране. Афганское руководство выступает за проведение эффективных мирных переговоров с представителями вооруженной оппозицией. Международное сообщество должно помочь в создании благоприятных условий для начала таких переговоров. Афганский народ надеется, что в 2014 г. процесс мирных переговоров с вооруженной оппозицией будет развиваться.

Таким образом, мы видим, что в 2014 г. стоят перед Афганистаном важные задачи, которые имеют особое значение для определения его дальнейшей судьбы.

Афганское руководство в решении этих задач рассчитывает на помощь и содействие всего международного сообщества, в том числе и Российской Федерации. Афганороссийские отношения своими корнями уходят вглубь истории. После официального визита Президента Афганистана Е.П. господина Хамида Карзая в Москву в январе 2011 г., открылась новая страница в истории дружеских отношений между нашими странами. Создана межправительственная комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству. Второе заседание этой комиссии состоялась в сентябре 2013 г. в Кабуле. Было принято решение создать рабочие группы в различных сферах сотрудничества. Афганское правительство выступает за дальнейшее развитие сотрудничества с Россией, и с радостью будет приветствовать готовность российских компаний для принятия участия в осуществлении социально-экономических объектов.

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ В АФГАНИСТАНЕ В НАЧАЛЕ XXI в.

М. М. Слинкин*

К концу 2001 г. в ходе первой фазы военной операции «Несгибаемая свобода», проведенной США и их союзниками в ответ на террористические акции в Нью-Йорке и

* Слинкин Михаил Михайлович – старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии ГШ ВС РФ, к.и.н., доцент.

Вашингтоне, вооруженные силы Исламского эмирата Афганистан и выступившие в их поддержку отряды экстремистской организации «Аль-Каида» потерпели поражение. Руководители Исламского движения «Талибан» (ИДТ) и «Аль-Каиды» вместе с оставшимися боевиками рассредоточились на большой территории, укрылись в пещерных комплексах либо бежали в Пакистан. Таким образом, в этот период, учитывая сохранявшийся немалый военный потенциал ИДТ и «Аль-Каиды», можно было говорить об их поражении, нежели разгроме[1. С. 35], что подтвердило и дальнейшее развитие вооруженной борьбы в Афганистане.

Присутствие иностранных войск и формирование новых государственных структур не привели к миру, безопасности и стабильности на территории этой страны. Уже в январе 2002 г. авиация антитеррористической коалиции возобновила авиаудары в различных районах Афганистана. Против перешедших к партизанским формам и способам борьбы талибов и боевиков «Аль-Каиды» были развернуты военные действия. Они планировались в виде проводимых, как правило, последовательно войсковых (специальных) операций, целью которых было уничтожение силами антитеррористической коалиции во взаимодействии с правительственными войсками (1) Афганистана и отрядами лояльного правительству полевых командиров выявленных разведкой групп противника в различных районах страны. В марте 2002 г. многонациональные силы участвуют в операции «Анаконда» в провинции Пактия. Весной проводится еще несколько операций: 1 мая начинается операция «Снайп» (англ. "snipe" – охота на бекасов) в труднодоступных горных районах юга провинции Пактия; США объявляют о начале операции «Горный лев», которая охватывает всю территорию Афганистана; 19 мая на востоке Афганистана около 1000 военнослужащих принимают участие в операции «Кондор».

Затем последовали операции «Горный лев», «Горный удар», «Буря в горах», «Доблестный удар», «Горная змея» и «Снежная буря в горах» и др. [9]

Война в Афганистане и сейчас далека от завершения, и это несмотря на официально определенные сроки вывода сил антитеррористической коалиции из этой страны в конце 2014 г. Вместе с тем длительный период пребывания и особенности применения иностранных войск (сил) уже сейчас позволяют сделать некоторые выводы, в том числе и о периодизации более чем 12-летней вооруженной борьбы против иррегулярных формирований радикальных военно-политических группировок. Взяв за основу ее интенсивность, характер и особенности применения войск (сил), масштабы (соотношение) участия в ней контингентов иностранных контингентов и афганских силовых структур (армии, полиции, «местной» полиции, спецслужб), потери сторон можно выделить следующие ее этапы.

Первый этап – 2002–2003 гг. Исламское движение «Талибан», потерпевшее поражение в октябре-декабре 2001 г. в ходе операции «Несгибаемая свобода», но не разгромленное окончательно провело реорганизацию своих сил, восстановило источники финансирования, базу по подготовке новых боевиков на неконтролируемых Международными силами содействия безопасности (МССБ) и афганскими государственными структурами территориях. Успешной реализации поставленных руководством ИДТ на этом этапе задач способствовали следующие факторы:

– неудовлетворительная работа разведывательных органов контртеррористической коалиции, в результате которой ИДТ на длительное время выпало из поля их зрения и получило возможности для реорганизации и накопления своих сил;

– наличие «тыловой базы» на пакистанской территории в Северо-западной пограничной провинции (центр провинции

г. Пешавар) и Белуджистан (г. Кветта), где скрывались руководящие органы ИДТ и находились его учебные центры, что стало возможным в результате попустительства пакистанских властей с одной стороны на словах выступавших на стороне контртеррористической коалиции, с другой – продолжавших через органы Межведомственной разведки (ISI) и радикальные религиозные организации оказывать содействие ИДТ в реализации его целей;

– сохранение поддержки ИДТ со стороны ряда исламских организаций, в том числе экстремистских, и частных лиц в мусульманских странах, что позволило обеспечить финансирование вооруженной борьбы;

– национальные особенности афганцев (пуштунов), никогда не мирившихся с присутствием на их территории иностранных войск, способствовавшие привлечению в ряды ИДТ новых боевиков.

При этом необходимо особо отметить пассивность европейского командования МССБ, сохранявшуюся и на последующих этапах до замены его на американских военных и имевшую в своей основе два фактора – желание избежать весьма болезненно воспринимаемых на Западе собственных потерь и слабость разведывательного обеспечения, что привело к нежеланию ставить перед подчиненными силами решительные цели по окончательному разгрому противника, позиции, которую по выражению одного из отечественных исследователей, можно сформулировать как ожидание, что война пройдет «как простуда, надо только проявить достаточно терпения» [4].

Военные действия против выявленных разведкой отрядов и групп талибов и боевиков «Аль-Каиды» с начала 2002 г., как уже было отмечено, были организованы коалиционными силами (КС) в виде проводимых, как правило, последовательно войсковых (специальных) операций, к которым привлекались создаваемые в то время

формирования национальной афганской армии. Самой крупной из них стала операция «Анаконда», проведенная в марте 2002 г. в приграничной провинции Пактия. Ее результаты оценивались неоднозначно. Несмотря на то, что поставленные на операцию задачи были все же решены, она подтвердила слабость разведывательного обеспечения участвовавших в ней сил, а также ненадежность афганских союзников (2).

Многочисленные последующие операции на этом этапе отличались невысокой эффективностью. Наиболее показательным примером проведенной в августе 2002 г. южнее городов Хост и Гардез в восточной провинции Пактия операции «Горная чистка», в которой были задействованы 2000 иностранных военнослужащих и афганские силы. В ходе ее проведения они захватили всего несколько единиц оружия и боеприпасы, задержали 10 чел. Участники операции потерь не имели, не были зафиксированы потери и среди противника. Похожими были результаты большинства других операций 2002-2003 гг. [4, 6]

Вооруженные формирования ИДТ, «Аль-Каиды» и других радикальных военно-политических организаций на этом этапе продолжали лишь ведение подрывной и диверсионной деятельности небольшими мобильными отрядами и группами боевиков, осуществляли нападения на гарнизоны и патрули иностранных и местных проправительственных сил, а также развернули террористическую деятельность в целях дестабилизации обстановки в стране.

Администрация Х. Карзая и МССБ контролировали лишь столицу и ряд крупных городов. Власть на местах де-факто принадлежала местным полевым командирам и племенным авторитетам, сохранявшим собственные вооруженные формирования, что вынуждало центральные власти признавать де-юре их полномочия.

На **втором этапе в 2004–2006 гг.**, (точнее – с конца 2003 до февраля 2007 г.) одновременно с расширением зоны ответственности МССБ на территорию всей страны в соответствии с решением СБ ООН от 13 октября 2003 г. действия ИДТ становятся все более организованными и результативными. Помимо засад, нападений на гарнизоны, патрули и конвои, диверсий на важных инфраструктурных и экономических объектах, ведения «минной войны» на дорогах и в городах, отряды талибов переходят к захвату населенных пунктов и целых сельских районов, в которых выстраивают собственные властные структуры, облагают население налогами и рекрутируют новых боевиков. Талибы впервые начинают использовать для проведения террористических акций шахидов-смертников.

На этом этапе, особенно в 2006 г., наиболее интенсивные боевые действия происходили в вошедших зону ответственности регионального командования «Юг» МССБ южных провинциях Афганистана Гильменд, Забуль, Кандагар, Урузган и Пактика.

Третий этап – с 2007 по 2010 г. – характеризовался ростом интенсивности и масштабов боевых действий как со стороны МССБ и КС, так и ИДТ и других радикальных военно-политических группировок. Одновременно происходило и расширение зоны их ведения с южных на восточные и северные провинции страны, в том числе на районы расселения национальных меньшинств.

На этом этапе в Афганистане происходит заметный рост численности иностранных войск (сил) и расширяется применение в борьбе с незаконными вооруженными формированиями афганских армии и полиции. Одной из главных особенностей проводимых ими совместно войсковых операций становится не столько уничтожение или вытеснение противника из занимаемых им районов с выводом войск после их зачистки, как это было прежде, сколько создание на

занятых территориях условий для функционирования подчиненных центральному правительству органов власти, имеющих возможность опереться на формируемые в зоне их ответственности еще в ходе ведения боевых действий силы обеспечения безопасности, в которые включаются военные базы, передовые посты и посты наблюдения МССБ, афганской армии, а также укрепленные гарнизоны и посты полицейских сил.

Наиболее показательной в этом отношении стала крупнейшая с начала афганской кампании операция «Моштарак» в провинции Гильменд (13 февраля – 7 декабря 2010 г.). Ее проведение знаменовало собой изменение характера действий МССБ и КС. Их главными приоритетами при этом были объявлены защита гражданского населения и обеспечение контроля центрального правительства над территориями через легитимные органы власти [2].

С 2009 г. все более широкое применение находят рейдовые операции по уничтожению/захвату (kill/capture operations), проводившиеся под общим руководством Объединенного командования специальных операций ВС США. Их основной целью была ликвидация или пленение командиров, а также рядовых боевиков и задержание пособников талибов, которые могли стать источниками разведывательной информации [8]. Высокая эффективность таких рейдов, многие из которых проводились в темное время суток, обеспечивалась высокой мобильностью и уровнем подготовки, лучшим оснащением средствами поражения, связи, навигации и ночного видения участвующих в них подразделений.

На этом же этапе, в 2009 г., «борьба с терроризмом» в Афганистане была объявлена основным приоритетом новой администрации США. В рамках НАТО этот курс был закреплен в ноябре 2010 г. на Лиссабонском саммите альянса [3].

На четвертом этапе с первой половины 2011 г. была начата реализация решений руководства США и НАТО по обеспечению условий для вывода иностранных войск из Афганистана. Ключевым элементом этого процесса была передача ответственности за безопасность в стране афганцам. К концу 2011 г. афганская армия выросла до 179,6 тыс. чел., полиция – до 143,8 тыс., то есть, общая численность силовых ведомств ИГА составляла уже 323,4 тыс. чел. [4]

К этому времени позиции ИДТ были значительно подорваны. Сократилось число засад, нападений и рейдов, связанных с открытыми боестолкновениями с проправительственными силами. Основную ставку боевики были вынуждены сделать на диверсионные и террористические акции с применением взрывных устройств в населенных пунктах и на связывающих их дорогах, все чаще прибегать к использованию террористов-смертников. Это вело к росту жертв среди местного населения и существенно снижало поддержку им повстанческого движения. В 2011 г. те или иные симпатии к талибам испытывали менее 30% населения страны (в 2009 – 56%) [4].

Вместе с тем полностью проблема обеспечения безопасности на всей территории страны решена не была. Однако укрепление афганских национальных силовых структур все же позволило в 2012 г. начать процесс вывода иностранных войск из Афганистана. К сентябрю 2013 г. их численность была сокращена до 65222 чел., иностранных контрактников – до 54 тыс. чел. МССБ и КС закрыли или передали афганцам 728 из 812 своих военных объектов. Коалиция оставила также за собой менее 40 объектов, используемых силами специальных операций [5].

К этому времени, согласно данным военного ведомства США, афганские силовые структуры осуществляли контроль над большей частью территории страны, решали 95% задач по ведению боевых действий и проводили 98% всех специальных

операций против вооруженных формирований противника, теряя в летнее время еженедельно убитыми более 100 чел. и около 300 чел. ранеными, тогда как потери иностранных военнослужащих колебались между 13 и 27 чел. в месяц. Безвозвратные потери афганских силовиков в три раза превысили общие потери коалиционных и афганских проправительственных сил 2010 и 2011 годов, на которые пришлось и наиболее крупные потери американских военнослужащих. Глава МССБ американский генерал-лейтенант Марк Милли даже посчитал, что уровень потерь афганской армии и полиции приближается к уровню, который был характерен для Вьетнама [7]. При этом за полгода, с 1 апреля по 30 сентября 2013 г., радикальные военно-политические группировки осуществили 6600 вооруженных акций. Из них 1700 нападений на афганские полицейские силы, потери которых составили более 2000 чел. [5] Вооруженная оппозиция, наряду с продолжением террористических акций и использованием взрывных устройств для дестабилизации обстановки в стране, вновь вернулись к таким формам и способам борьбы, как засады и нападения на проправительственные силы. В ряде боестолкновений было отмечено участие до нескольких сотен боевиков.

Передача ответственности за безопасность в стране афганским силовым ведомствам и вывод иностранных войск продолжаются. Итоги этого процесса, а также достаточность предлагаемой периодизации военных действий против иррегулярных вооруженных формирований в Афганистане станут известны с его завершением, то есть по истечении 2014 г.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.). – М., 2002.

[2] В афганской операции делается упор на предотвращение потерь среди гражданского населения. – 2010. – 25 февраля // Интернет-портал Государственного департамента США “IP Digital”.

<http://iipdigital.usembassy.gov/st/russian/article/2010/02/20100225170530esnamfuak0.2122461.html#axzz2mm09M4st> [Дата обращения: 7.12.2013]

[3] Декларация Лиссабонского саммита НАТО // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова. <http://constitutions.ru/archives/4446> [Дата обращения: 16.12.2013]

[4] Мендкович Н. А. История Афганской войны (2001-2012) // Интернет-журнал «Новое восточное обозрение»: <http://www.ru.journal-neo.com/node/119989> [Дата обращения: 22.03.2013]

[5] Плеханов И. Военные новости: Афганская арифметика // Интернет-портал «ИноСМИ». <http://www.inosmi.ru/overview/20131112/214697842.html> [Дата обращения: 14.12.2013]

[6] *Garamone J.* Coalition Forces Complete Operation Mountain Sweep // Интернет-портал министерства обороны США. <http://www.defense.gov/News/NewsArticle.aspx?ID=43532> [Дата обращения: 22.03.2013]

[7] *Hodge N., Stancati M.* Afghan Army Deaths Hit Record as U.S. Exits. - The Wall Street Journal. – 2013. – September 20. <http://online.wsj.com/news/articles/SB10001424127887324665604579081193199072318> [Дата обращения: 14.12.2013]

[8] Kill/Capture // Интернет-портал “AVclub.com”. <http://www.avclub.com/review/frontline-killcapture-55744> [Дата обращения: 3.12.2013]

[9] Operation Enduring Freedom // Интернет-портал «Global Security». <http://www.globalsecurity.org/military/ops/enduring-freedom-ops.htm>. [Дата обращения: 20.12.2011].

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) После свержения в Афганистане режима талибов, учитывая наличие противоречий между представленным национальными меньшинствами «Северным альянсом» и пуштунскими лидерами антиталибской оппозиции, имевшими собственные вооруженные отряды, национальные вооруженные силы, создаваемые с помощью западных союзников, не стали использовать в качестве организационного ядра ни те, ни другие вооруженные формирования, несмотря на наличие у них сносной военной организации и богатого боевого опыта. Первые подразделения новой афганской армии численностью 600 чел. были подготовлены союзниками к началу апреля 2002 г.

(2) Подробнее об операции «Анаконда» см.: *Никольский М.* Операция «Анаконда» // Интернет-журнал «Уголок неба». – 2004; Операция «Несгибаемая свобода». Заметки западных наблюдателей // Солдат удачи. – 2003. – № 4; *Шишкин С.* О проведении операции «Анаконда» в Афганистане // Зарубежное военное обозрение. – 2002. – № 9; Operation Enduring Freedom // Интернет-портал «Global Security». <http://www.globalsecurity.org/military/ops/enduring-freedom-ops.htm>. [Дата обращения: 20.12.2011].

**ТЕКУЩАЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА
В АФГАНИСТАНЕ И СЦЕНАРИИ ЕЁ РАЗВИТИЯ
ПОСЛЕ 2014 ГОДА**

В.В. Карякин*

*В гимне Афганистана есть строки:
«Эта страна будет вечно сиять,
как солнце в груди Азии
Она всегда будет оставаться её сердцем»*

Это точное определение истинного положения этой страны в регионе Среднего Востока. Без фундаментально прочного мира в этой стране никогда не будет стабильности ни в Центральной Азии, ни на южных границах России.

Важность Афганистана для современной системы международной безопасности обусловлена тем, что ситуация в Афганистане на протяжении многих десятилетий является источником угроз и вызовов как регионального, так и мирового масштаба. Череда войн, приведших к разрушению хозяйственной инфраструктуры страны и бедности населения, какая была во времена средневековья, создали условия для перманентного социально-экономического кризиса, который обострили силовые акции США и НАТО, которые были проведены без учёта национального характера народов Афганистана и истории данной страны, что создало благоприятную среду для сопротивления иностранной агрессии, религиозного экстремизма и наркоторговли.

Современный Афганистан превратился в зону конфликтогенности, в которой сконцентрировались идеологические, политические, экономические, социальные и религиозные противоречия, породившие угрозы безопасности

* **Карякин Владимир Васильевич** – ведущий научный сотрудник
Российского института стратегических исследований; кандидат военных наук

для прилегающих к нему регионов. Афганская нестабильность может распространиться на государства Центральной Азии, политические режимы которых могут дать достойный отпор исламским радикалам. В случае продвижения идеологии талибов на север в зоне политической нестабильности могут оказаться, помимо Северного Кавказа такие исламские регионы России как Татарстан и Башкирия. В дальнейшем эти процессы могут затронуть также исламские диаспоры Урала, Сибири и центральных регионов нашей страны.

Несостоятельность политики США и их союзников по НАТО в решении афганской проблемы вызвана двумя основными причинами: стремлением Запада внедрить в традиционный и архаичный в своей основе афганский социум свою модель общественных отношений и непониманием со стороны Запада процессов, происходящих в исламском мире. Консультируемое американскими политтехнологами правительство Афганистана в качестве выхода из тупика предлагало талибам переговоры с целью прекращения вооруженного противостояния и последующей интеграции их в политическую систему страны. В ответ талибы поставили условие полного вывода из страны иностранных войск.

Так уже было во времена советского присутствия в Афганистане, когда оппозиция заявила о возможности примирения после ухода советских войск из страны. Но после этого в Афганистане началась гражданская война и к власти пришли талибы. Наверняка так будет и после ухода основного контингента войск коалиции из страны. Как считают в Вашингтоне, для предотвращения такого развития событий необходимо дальнейшее присутствие иностранных войск [5]. А это ведёт к необходимости проведения противоповстанческих операций, как на территории Афганистана, так и в зоне племён на афгано-пакистанской границе[1]. При этом, как считает большинство экспертов,

военного решения афганская проблема не имеет ни в ближайшей, ни в отдалённой перспективе[2],[4]. Это объясняется сильным влиянием талибов в большинстве провинций страны. По различным оценкам, уровень поддержки со стороны населения движения Талибан, Исламской партии Хекматиара и других противников существующего режима составляет более 80 %[2].

Разрозненное сопротивление полевых командиров в первые годы иностранной оккупации трансформировалось в общенациональную борьбу, в ходе которой представители большинства афганских этносов – пуштунов, таджиков, узбеков, туркмен и хазарейцев – консолидировались, выступая против иностранных интервентов и нелегитимного, по их мнению, центрального правительства уже как афганцы в целом.

Присутствие сил коалиции позволило в какой-то степени обеспечить баланс сил и сохранить контроль за военно-политической обстановкой в стране. А оставшееся время до вывода основных сил контингента НАТО западные политтехнологи рассчитывают использовать для поиска путей политического урегулирования афганской проблемы. При этом политика поиска и вовлечения «умеренных талибов» во власть под лозунгом «национального примирения» оказалась тщетной. Сотрудничество с «умеренными талибами» не дало ожидаемых политических дивидендов ввиду их малочисленности и незначительного влияния на политические процессы в афганском обществе.

Эмиссарам США и Великобритании и проводящему политику Вашингтона в Афганистане Х. Карзаю не удалось расколоть движение Талибан с целью его ослабления и последующего уничтожения оставшихся очагов сопротивления по частям. Происходит обратное. Повстанцы укрепляют свои позиции в целом ряде провинций, что ставит

под угрозу существование нынешней политической системы Афганистана[6].

Основные задачи внешней политики США в Афганистане состоят в установлении контроля над транспортировкой энергетических ресурсов из Ближнего Востока для осуществления экономического давления на Китай. А средой, в которой они реализуют свою политику, является «управляемый хаос», который вызывается путём манипулирования конфликтным потенциалом данного региона[3].

Какими видятся возможные сценарии развития военно-политической ситуации в регионе Среднего Востока и в Афганистане на период после 2014 года?

Здесь можно составить две группы сценариев:

1. Сценарии, охватывающие регионы Центральной Азии и Ближнего Востока.

2. Сценарии, касающиеся развития обстановки в Афганистане.

Возможные сценарии развития политической обстановки в регионах Центральной Азии и Ближнего Востока представляются следующими:

Региональный сценарий №1. Рост политического и экономического доминирования Китая. Китайцы расширяют своё экономическое влияние в Центральной Азии. Этому благоприятствует ослабление позиций США в регионе в связи с их уходом из Афганистана и пассивность России. Вместе с тем этот процесс будет в ближайшей перспективе происходить постепенно с использованием экономических инструментов и ненавязчивого политического влияния. По мере укрепления позиций Пекин подключит свою «мягкую силу» в форме распространения языка и культуры среди образованных слоёв и светских элит в центрально-азиатских государствах. Вполне возможно, что у китайцев найдутся общие интересы с исламистами в вопросе противодействия

западному влиянию. Это может создать предпосылки углубления политической и экономической интеграции в рамках «шанхайского процесса», что может отодвинуть границы будущей китайской неоимперии далеко на запад.

Региональный сценарий №2. Включение центрально-азиатских государств сначала в Таможенный, а затем в Евразийский союз. Здесь речь идёт уже о возрождении России как образования имперского типа на современных экономических и военно-политических началах. В Москве вспомнят, что Центральная Азия представляет собой богатейшие территории, потерянные при развале Советского Союза. Именно из-за богатств данного региона идёт спор между Китаем, США и Россией. Но Соединённые Штаты из-за удалённости территории региона Центральной Азии никогда не смогут присоединить их к себе. Здесь Китай и Россия обладают неоспоримыми геополитическими преимуществами.

Россия имеет реальные возможности для расширения зоны своего экономического и военно-политического влияния, но для осуществления данной идеи Москве необходимо разработать притягательную для соседей модель социально-экономического развития, которая облекла бы форму евразийского цивилизационного проекта, который должен предшествовать притоку финансовых инвестиций и реализации крупномасштабных экономических проектов.

Региональный сценарий №3. Центрально-азиатская интеграция по образцу Европейского союза. Это так называемый проект создания «Большой Центральной Азии», автором которого являются Соединённые Штаты. По замыслу американцев, в это объединение должны войти кроме государств Центральной Азии, также Афганистан, Пакистан и Иран. Совершенно очевидно, что данный проект будет иметь ярко выраженную антироссийскую направленность.

Региональный сценарий №4. Интеграция регионов Центральной Азии и Среднего Востока в Арабский халифат под эгидой движений радикального ислама. В данном случае государства Большого Среднего Востока вполне могут обойтись без участия ведущих субъектов мировой политики: Китая, России и США. Совершенно ясно, что это повлечёт рост влияния радикального ислама со всеми последствиями и угрозами для России и Китая. Кроме того, опасность реализации данного сценария состоит ещё в том, что такое образование может сомкнуться с сепаратистскими движениями на Северном Кавказе и в Поволжье, что обойдётся новой кровопролитной войной.

Региональный сценарий №5. Превращение региона в зону социально-политического хаоса и нестабильности. При реализации данного сценария регион охватят гражданские межэтнические войны, следствием которых будет фрагментация государств на более мелкие, которые не возможно будет объединить ни Китаю, ни России, ни США. В данном случае интеграция стран региона будет возможна на основе общего исламского проекта с созданием халифата.

Что касается вероятности реализации каждого из выше перечисленных сценариев, то, по нашему мнению, наиболее вероятным является сценарий №1 поскольку позиции Китая в настоящее время выглядят наиболее сильными. В данном случае Россия может быть избавлена от исламского экстремизма и наркотрафика, но, в то же время, на её границах появится мощный геополитический сосед, экспансия которого не ограничится своими новыми западными границами.

Что касается сценариев, касающихся ситуации внутри Афганистана, то они могут быть следующими:

Афганский сценарий №1. Фрагментация страны. Ввиду раскола национальной элиты Афганистана, вероятность которого возможна по результатам президентских выборов в

апреле 2014 года, на пуштунский центр и юг и таджикско-узбекский север, в стране усилятся противоречия на этнической почве. В настоящее время политическая структура Афганистана представляет конгломерат провинций, обладающих слабой политической связностью, обеспечиваемой центральным правительством за счёт распределения иностранной финансовой помощи. При этом задачей последнего является сохранение влияния на провинциальные власти при их значительной самостоятельности, что всегда было естественным состоянием афганского общества.

Афганский сценарий №2. Конфедеративное политической устройство страны. Этот сценарий предусматривает сохранение ограниченного военного присутствия США пока политическая система Афганистана не приобретёт устойчивость, а сама страна перестанет быть источником региональной нестабильности и конфликтогенности.

Конфедеративное государственное устройство Афганистана вполне может соответствовать интересам США так как в таком случае у американцев появляется возможность оказывать влияние через предоставление экономической, военной и гуманитарной помощи каждой из региональных элит в отдельности при управляемом из Вашингтона центральном правительстве в Кабуле, которое номинально будет символом единого государства. В этом случае американцы смогут оставить свои базы и военную группировку в стране на неопределённый срок под предлогом необходимости сохранения целостности страны по просьбе центрального правительства и молчаливом согласии региональных элит, подпитываемых внешней финансовой помощью. Таким образом, Вашингтон сохранит плацдарм для военно-политического влияния на Иран, Китай, Россию, Пакистан и центрально-азиатские государства. А Талибан

окажется вытесненным в зону проживания пуштунских племён.

Афганский сценарий №3. Наступление Талибана, которое приведёт к установлению контроля над Северным Афганистаном и созданию плацдарма для последующей их экспансии в Центральную Азию.

Однако на сегодняшний день отчётливо вырисовывается **сценарий №4**, связанный с перспективой заключения американо-афганского соглашения. Это сценарий торга между Х. Карзаем и американской администрацией. Карзай потребовал от Обамы извинения за ошибки, допущенные силами коалиции во время проведения ими военной операции, которые не должны повторяться в будущем. Это условие Б. Обама выполнил. 4 ноября с.г. Лойя-джирга рекомендовала президенту Афганистана подписать договор, позволяющий США сохранить военное присутствие в Афганистане после 2014 года. Однако перечень условий, выдвинутых Карзаем, этим не ограничился. Он заявил, что готов подписать договор только после президентских выборов, которые состоятся 4 апреля 2014 г. В ответ американцы заявили, что они настаивают на немедленном подписании договора. Это объясняется тем, что немедленное подписание договора позволит им сохранить лицо и достойно завершить кампанию. Если же подписание будет отложено на апрель, то ещё неизвестно кто будет президентом страны. Совершенно ясно, что если президентом страны станет представитель оппозиции, то подписание такого акта будет выглядеть как капитуляция с имиджевыми потерями для США.

Пока не ясно, с какой целью затеял Карзай эту «игру». Сохранение себя на политической арене страны, вынудив американцев обеспечить свою поддержку? Видимо он рассчитывает на перенос президентских выборов на два года и создание на этот срок переходного правительства, в которое могут войти представители движения Талибан и партии Хизб-

и-Ислами Гульбеддина Хекматияра. Решив вопрос с переносом даты подписания американо-афганского договора, Карзай станет модератором переговорного процесса внутри многоугольника, обозначенного США, центральным правительством в Кабуле, Талибаном и партией Хезб-и-Ислами. На наш взгляд, это был бы правильный путь решения афганской проблемы. Вместе с тем можно предположить, что затеянная Карзаем «игра» имеет целью взятие под контроль процесс возвращения во власть афганских традиционалистов и радикалов, который он может реализовать возглавив Совет национальной безопасности Афганистана на переходный период.

Время покажет, какой будет следующая глава истории Афганистана. Но ясно одно – политические игры вокруг данной страны будут всё более многоплановыми и противоречивыми. В 2014 году вряд ли будет завершено оформление афганской политической системы. Поэтому маловероятно, что Вашингтон оставит эту страну без своего «зонтика» безопасности в виде 9-ти военных баз и соответствующего контингента военнослужащих.

По нашему мнению, наиболее разумным как для Кабула, так и для внешних игроков на афганском политическом поле, было бы обеспечение широкой автономии провинций страны при сохранении за центральным правительством основных ключевых функций, включающих контроль силовых структур правительства, финансовой сферы, реализации экономических программ развития страны, распределения внешней экономической помощи, а также осуществление внешней и оборонной политики. Важность стабилизации обстановки в Афганистане, являющейся приоритетным направлением для региональной безопасности бесспорна. В этом заинтересованы многие региональные и внерегиональные субъекты международной политики.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Афганистан – поворотный пункт в системе международных отношений XXI века // США и Канада, №7(463), июль 2008.
- [2] *Князев А.* У афганской проблемы нет военного решения, 23.01.2009 - <http://www.centrasia.ru>
- [3] *Маначинский А.Я.* Афганистан: когда дуют ветры войны. Киев. Изд. Дом “Румб”, 2006.
- [4] *Одинаева М.* Афганская проблема не имеет военного решения // Курьер Таджикистана, 22 января 2009.
- [5] *Таривердиева Э.* Афганистан – жизнь после НАТО. Новое Восточное Обозрение. 16.01.2013. <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1358304000>
- [6] Stumbling into Chaos. Afghanistan on the Brink. SENLIS Afghanistan. November, 2007.

РАЗДЕЛЕНИЕ АФГАНИСТАНА КАК УТОПИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

В.Б. Кравцов*

В последние три года активно раскручивается идея разделения Афганистана как одна из наиболее оптимальных форм стабилизации Афганистана после вывода основного контингента НАТО в 2014 году. Однако продвижение этой идеи пытаются осуществить вне исторического контекста по данному поводу, равно как и иные современные вариации афганского урегулирования большинство экспертов пытается не увязывать с имевшими место ранее многочисленными как положительными, так и отрицательными попытками подобного рода.

* **Кравцов Василий Борисович**- к.п.н., независимый исследователь региона Аф-Пак

На протяжении всей истории Афганистана враги этой страны разворачивали самые разнообразные интриги по расколу Афганистана. И только подлинные друзья Афганистана, к которым безусловно следует отнести Царскую Россию, Советский Союз и современную Российскую Федерацию, всегда выступали категорически против раскола и фрагментации Афганистана в любых формах.

Как известно, наиболее вопиющим проявлением политики разделения Афганистана является проведение т.н. "линии Дюранда" по соглашению с **Мортимером Дюрандом** о разграничении сфер влияния, подписанное эмиром Абдуррахманом только в одном экземпляре для английской стороны. Как оказалось, это была лишь первая, но далеко не последняя попытка разорвать Афганистан и поставить его народы на колени перед якобы более могущественными властителями.

42 года назад, осенью 1971 г. Пакистан без объявления войны напал на Индию. Пакистан предпринял тогда третью за 25 лет своего существования вооруженную агрессию против Индии. Советский Союз естественно встал на сторону Индии. США и Китай отказались поддержать Пакистан. В течение короткого времени пакистанская армия была разгромлена и Пакистан потерял Восточную Бенгалию (Бангладеш). То был тяжелейший период в истории Пакистана, заставивший Исламабад серьезно переосмыслить свою роль и место в регионе.

Пришедший к власти синдх-шиит Зульфикар Али Бхутто и его окружение пришли к достаточно простому, на их взгляд, выводу: прекратить любую подрывную и военную деятельность на индийском направлении и сосредоточить все свои усилия на направлении афганском с тем, чтобы методично ослаблять Афганистан и добиваться его последовательной аннексии с перспективой превращения Афганистана в пятую провинцию Пакистана. Уже в 1975 году

с санкции З.А.Бхутто в Афганистан были засланы первые вооруженные банды и были предприняты первые вооруженные попытки поднять мятежи в различных районах Афганистана: в Панджшире, Нангархаре, Пактии. Все они были оперативно подавлены. Характерно, что население Панджшира самым активным образом участвовало в подавлении антидаудовского мятежа и считало это своим патриотическим долгом. Эта авантюра З.А.Бхутто явно указывала на то, что в тот период пакистанцы претендовали на формирование вооруженной оппозиции на территории всего Афганистана, не подвергая его какой-то фрагментации.

Из этой неудавшейся истории пакистанскими властями были извлечены достаточно полезные уроки и в антиафганской деятельности на первое место был поставлен национально-этнический фактор, не без оснований позволявший, по мнению Исламабада, добиться ослабления и раскола Афганистана на части как можно быстрее. С того момента, то есть с 1975 года разжигание межнациональных противоречий и межэтнической вражды становится генеральной линией Пакистана по подрыву Афганистана, которая в полной мере стала реализовываться после совершения т.н. Апрельской революции.

С вводом советских войск в Афганистан, ставшим на тот момент главным фактором сохранения целостности и суверенитета Афганистана и недопущения его раскола, пакистанские спецслужбы развернули не только бурную активность по экстремному формированию отрядов вооруженной оппозиции строго по национально-религиозному признаку и разрушению всей афганской государственной инфраструктуры, но и по разжиганию обострившихся или обостренных национально-этнических противоречий. Более того, Исламабад через своих ставленников в Москве предпринимал неоднократные попытки убедить советское руководство в необходимости

выделить пуштунские районы Афганистана от Кунара до Кандагара в самостоятельный отдельный автономный административный район с выводом оттуда всех советских и афганских воинских подразделений. Согласно пакистанским доводам, излагавшимся в Москве Ганковским Ю.В., создание "пуштунской автономии" позволило бы стабилизировать обстановку в Афганистане и сконцентрировать усилия Кабула на укреплении государственной власти в других районах страны. Все советские ведомства, занятые в тот период афганской проблематикой, категорически отвергли такие предложения как направленные на аннексию Пакистаном пуштунских районов Афганистана и полный раскол афганского государства.

Некоторые историки и мемуаристы утверждают, что накануне вывода советских войск из Афганистана кое-кто в советском руководстве разрабатывал планы разделения Афганистана на два сектора с тем, чтобы обеспечить сохранение власти президента Наджибуллы в Кабуле. Такого рода утверждения являются прямой ложью, дезинформацией и дезориентацией общественного мнения в регионе и направлены на фальсификацию и извращение принципиальной советской линии на сохранение Афганистана в качестве независимого, территориально целостного и суверенного государства.

С падением режима Наджибуллы в апреле 1992 года правительство Наваз Шарифа, посчитав Афганистан уже своим, предприняло новые попытки по превращению Афганистана в собственный протекторат со значительным ограничением его суверенитета. К тому времени уже ряд уездов и волостей провинции Кунар и волость Бармаль в провинции Пактика находились под полным административным управлением Пакистана. Однако против этих планов наиболее активно выступило Исламское общество Афганистана во главе с Бурханудином Раббани и

Ахмад Шахом Масудом, ставших летом 1992 г. во главе Афганистана согласно плану переходного периода. Пакистанская разведка в ответ на "предательскую", на их взгляд, позицию ИОА резко активизировала вооруженную активность ИПА-Г Г.Хекматияра. В стране развернулась гражданская война. По этому поводу много сказано и написано и всё, как правило, в контексте внутриафганского соперничества и не более. На самом деле стержнем гражданской войны в Афганистане после падения Наджибуллы был вопрос о том быть или не быть Афганистану под протекторатом Пакистана.

Исламабад, вскормивший группировки афганских моджахедов, считал вполне обоснованными свои претензии на реальное управление Афганистаном и контроль над его внешней политикой по аналогии с англичанами в 19-м столетии. Однако афганские танзимы (вооруженные группировки), равно как и афганский народ в массе своей, признавая роль и значение Пакистана в афганском джихаде, не могли согласиться на любые кабальные результаты того вооруженного противостояния в стране. Афганцы считали, что в джихаде победил афганский народ и результаты этой победы должны принадлежать ему, а Пакистан был хотя и важнейшей, но все-таки одной из стран, оказывавших афганскому джихаду всестороннюю поддержку. Развернувшаяся в стране гражданская война не давала Пакистану особых шансов подчинить Афганистан, а его прямое участие уже в новой афганской компании лишь дискредитировало внешнюю политику Исламабада.

В этой обстановке премьер-министр Пакистана Беназир Бхутто приняла решение о формировании движения Талибан и развертывании его вооруженной активности по восстановлению пакистанских позиций в Афганистане. Весной 2001 года Ахмад Шах Масуд имел конфиденциальные контакты с Малден Олбрайт - государственным секретарем

США. Последняя стала настойчиво предлагать Ахмад Шаху согласованный с Пакистаном план внутриафганского межэтнического урегулирования путем раздела Афганистана на два сектора на переходный период до определения в каждом из них государственного статуса. По свидетельству очевидцев, Ахмад Шах, выслушав доводы госсекретаря США, позвонил одному из руководителей Талибана в Кабул и после короткого разговора с ним отказал Олбрайт в согласии пойти на разделение Афганистана, поскольку это никак не решало межэтническое противостояние в стране, ибо в Афганистане нет не только одной провинции, нет даже одного уезда, где бы не проживали постоянно представители только пуштунов или только таджиков. Таким образом, следует констатировать, что как Северный альянс, так и тогдашний Талибан не соглашались ни на какие варианты афганского разделения, равно как и на признание линии Дюранда в качестве государственной границы. Понятно, что каждая из этих сил преследовала порой самые разнополярные политические цели, однако по этим двум вопросам их позиции были идентичными, что еще раз говорит не столько об их взаимной конъюнктурности, сколько об их глубокой ответственности за прошлое и будущее своей Родины.

По состоянию на лето 2001 года Пакистан находился в полшага от достижения своей "голубой мечты" - превращения Афганистана в собственный протекторат, в собственную пятую провинцию. Привлеченная пакистанской разведкой к участию в гражданской войне в Афганистане Аль-Каида верно служила ISI и отрабатывала выплачиваемые ей субсидии по принуждению афганского народа к присоединению к Пакистану. Оставалось дело за малым. Разработанная по заказу ISI акция Аль-Каиды по физической ликвидации Ахмад Шаха Масуда должна была нанести последний сокрушительный удар по Северному альянсу, привести к его разгрому и заложить основы для

последовательной аннексии Афганистана. При этом важно обратить внимание на одну деталь. Пакистан, контролируя силами Талибан большую часть территории Афганистана не удовлетворялся достигнутым, а настойчиво и варварски стремился к контролю над всей территорией Афганистана, не желая мириться с контролем на частью разделенного Афганистана.

Однако определенные высшие силы не позволили Пакистану достичь своих целей даже после убийства Ахмад Шаха Масуда. Терракты 9/11 и последовавшая за ними интервенция США в Афганистан поставили большой жирный крест на планах Пакистана. Это вызвало невиданную по масштабам протестную активность в Пакистане. При этом особой активностью выделилась провинция Панджаб и наименьшей - Синд и Белуджистан. Как Пакистан не пытался противиться американской оккупации, она все-таки состоялась и, несмотря на создание в Афганистане огромного количества проблем, нельзя не видеть в этой американской оккупации один исключительно важный положительный элемент. Американская оккупация позволила Афганистану сохранить свою территориальную целостность, независимость и суверенитет. И не будь этой оккупации, афганскому народу под натиском Пакистана вряд ли удалось бы возродить афганскую государственность в обозримой исторической перспективе.

После определенного осмысления произошедшего Исламабад с утерей Аль-Каеды произвел перегруппировку сил и средств на афганском направлении и развернул в основном силами самих афганцев активное вооруженное сопротивление оккупантам.

Сегодня мы констатируем, что позади 12 лет различной по интенсивности боевых действий новой войны в Афганистане. Западная коалиция понесла многотысячные жертвы и многомиллиардные убытки. Однако война западной

коалицией проиграна. Об этом открыто пишет вся западная пресса. И проиграна не столько афганскому народу, сколько проиграна пакистанской разведке ISI. Огромная военная машина западной коалиции во главе с самой передовой в мире американской армией проиграла войну пакистанской военной разведке. Именно ISI является победителем этой войны, а афганский народ - её заложником и жертвой.

И в этой обстановке победитель не может не вернуться к своим старым претензиям и амбициям. Понимая, что в нынешней обстановке в Афганистане, при качественно новом изменении соотношения сил, Пакистану не по силам в открытую и в наглую вновь добиваться протектората над Афганистаном, западной коалиции, США и НАТО исподволь предлагался так называемый план Б. Бывший американский посол Роберт Блэкуилл, имеющий смутное представление об Афганистане, предложил миру нечто якобы абсолютно новое, а на самом деле - давно забытое старое. А именно: четко расчленив Афганистан на две части как некое "меньшее из зол по сравнению с другими альтернативами". Выступая явно с пропакистанских позиций, Блэкуилл не сдерживает себя в откровениях и прямо пишет, что "пакистанские военные... не примут подлинно независимый Афганистан" и поэтому раздел Афганистана "стабилизирует ситуацию, поскольку станет понятно, какую территорию контролирует каждая из сторон". То есть для того, чтобы кому-то якобы чего-то надо понять, для этого следует расчленив страну?!

К горькому сожалению иницируемый Блэкуиллом подход имеет горячих сторонников не только среди политической элиты Пакистана, но и среди радикальных сил в самом Афганистане и даже среди некоторых исследователей региона в странах СНГ. При этом, естественно, никто не спрашивает мнения собственно афганского народа по обе стороны Гиндукуша. Автор уверен в том, что афганский народ в массе своей, наученный горьким опытом разного рода внешних

интриг, кровавыми последствиями английского раздела Британской Индии на Индию и Пакистан, горьким опытом раздела Советского Союза и Югославии, никогда не согласиться с расколом своей Родины. При всех внутриафганских противоречиях совершенно очевидно, что за последнее столетие сформировалась устойчивая общность - афганский народ, афганцы, которые очевидно похожи друг на друга по множеству внешних и содержательных характеристик, приобрели конкретную идентичность и явно отличаются от соседних народов по этим же параметрам.

Афганский народ проходит уже пятую войну за свою независимость, суверенитет и территориальную целостность, за свою идентичность. И во всех этих войнах все основные народности Афганистана вносили и вносят свой достойный вклад. Воевать ради того, чтобы оказаться расколотым, оказаться в худшем положении нежели до очередной войны - это не тот путь, с которым может согласиться афганский народ. Совершенно очевидно, что любой раздел Афганистана - это неизбежные многочисленные безвинные жертвы только лишь по причине этнической или религиозной принадлежности, это неизбежное ухудшение и без того тяжелого социально-экономического положения во всех без исключения регионах Афганистана. Любой раздел Афганистана выгоден только внешним силам, ни одна из которых не желает добра афганскому народу.

Гипотетически о "плане Б" в отношении Афганистана как о средстве военно-политического и межэтнического урегулирования можно было бы говорить лишь в одном случае. Поскольку в Пакистане межэтнические и межконфессиональные противоречия носят гораздо более глубокий и более острый характер нежели в Афганистане, то можно предложить Пакистану и его внешним саттелитам реализовать план Б вначале в Пакистане. То есть расколоть Пакистан на несколько этнических секторов, а афганский

народ в это время понаблюдает за тем, к каким позитивным результатам для народов Пакистана приведет такой раскол и только по истечении 10 лет после раскола Пакистана можно будет посоветовать Роберту Блэкуиллу предложить план Б Афганистану. Такой вариант, на мой взгляд, наиболее приемлем для искренних друзей Афганистана и абсолютно неприемлем для искренних друзей Пакистана.

По поводу перспектив после 2014 года. Следует заметить, что на фоне невероятных истерик, раздирающих политические кланы в США, в НАТО, в соседних с Афганистаном странах собственно афганский народ ведет себе абсолютно спокойно и даже порой индифферентно. Веками его пытались и пытаются построить в одну шеренгу самые разного рода региональные и международные игроки и все эти попытки заканчивались провалом. Афганский народ никогда не принимал и не примет никаких прямых или промежуточных вариантов внешнего гегемонизма, кроме концепции собственного государственного устройства, основанного на балансе интересов объективно фрагментарного Афганистана.

Пакистанская элита и пакистанские спецслужбы питают иллюзии и обнадеживают себя тем, что с наступлением 2014 года афганский Талибан станет в Афганистане легальным политическим игроком, благодаря которому Пакистану удастся удерживать Афганистан в орбите своего жесткого давления. Однако это иллюзии краткосрочные. На первых порах возможно так и будет, но уже в среднесрочной перспективе афганский Талибан как политическая сила вынужденно встанет на позиции Афганистана, ибо природа этого повстанческого движения все-таки афганская.

В заключение хотелось бы отметить, что как ранее Советский Союз, так и в последнее время Российская Федерация выступали и Россия будет последовательно выступать за независимый, суверенный и территориально

целостный Афганистан. И никакая внутри афганская, или вне афганская сила не найдет в Москве союзников по афганскому разделению. Это действительно традиция советской и российской внешней политики, заложенная еще в далекие царские времена. Афганистан был и будет суверенным, независимым и целостным. И в России этот урок четко усвоен в 80-е гг. XX в. ценой многочисленных потерь наших солдат и офицеров. Наша собственная афганская история научила нас многому.

К ВОПРОСУ О ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В АФГАНИСТАНЕ

М.Е. Байболова*

Военно-политическая обстановка в Афганистане, по мнению большинства российских экспертов, характеризуется определенной активизацией деятельности Движения Талибан (ДТ) при низкой результативности действий иностранных воинских контингентов и правительственных вооруженных сил по противодействию вооруженной оппозиции. Наиболее интенсивные боевые действия ведутся в южных и восточных провинциях страны. Несмотря на масштабные совместные антитеррористические операции афганских силовых структур, включая армию и полицию (АСНБ), и Международных сил содействия безопасности (МССБ),

* **Байболова Мадина Ернаркызы** – магистрант кафедры Теории и истории международных отношений РУДН. Научный руководитель – к.и.н., доцент кафедры ТИМО К.П. Курылев

вооруженная оппозиция продолжает укреплять свое влияние практически по всей территории ИРА.

Одновременно с ДТ, в стране традиционно продолжают действовать Исламская партия Афганистана Г.Хекматъяра (ИПА), «Аль-Каида», Исламское движение Узбекистана (ИДУ), Союз исламского джихада, отколовшийся от ИДУ, и группировка Хаккани. Как считают специалисты, ситуация также осложняется тесным взаимодействием афганских и пакистанских талибов и масштабной инфильтрацией боевиков через афгано-пакистанскую границу.

По информации НАТО, численность вооруженных боевиков в Афганистане достигает более 35 тыс. человек. Однако по данным афганских источников, их число приблизилось к 60 тысячам. При этом общая численность боевиков на севере ИРА превышает 7 тыс. человек (участники ИДУ – более 3 тысяч). Число атак этих боевиков против АСНБ только в 1-ом полугодии 2013 года выросло на 60% по сравнению с аналогичным прошлогодним периодом. Резкое возрастание их деятельности было отмечено осенью этого года. При этом ведется активная минно-взрывная война, с использованием кустарных устройств, а также террористов-смертников.

Российские специалисты не исключают, что нынешнее усиление позиций ДТ и ИДУ на севере ИРА может оказать негативное влияние на развитие обстановки в Таджикистане и Кыргызстане.

По-прежнему, одним из ключевых источников финансирования деятельности террористических группировок являются доходы, связанные с наркопроизводством и наркоторговлей. По оценке руководства МССБ (апрель 2013 г.), 35–40% средств на цели боевиков поступает от наркоторговли.

За период с января по август 2013 г. потери МССБ в Афганистане составили 54 военнослужащих убитыми и 574 ранеными. В отчете НАТО, представленном в СБ ООН в сентябре, отмечается, что потери АНСБ во втором квартале увеличились вдвое по сравнению с первым кварталом 2013 года (минобороны ИРА данные не публикует).

В этих условиях продолжается начатый в 2011 году процесс вывода войск коалиции из Афганистана. Так, в 2012 - 2013 гг. Великобритания сократила свой контингент почти на 1500 человек (до 8 тыс. военнослужащих по состоянию на март 2013 г.) и к концу 2013 г. планирует сократить численность контингента до 5200 военнослужащих. Что касается США, то в 2012 году американцы вывели из Афганистана 33 тыс. военнослужащих, присланных «на усиление» в 2009 году. В феврале 2013 года Президент Б.Обама объявил о сокращении американского контингента к февралю 2014 года с 68 тыс. до 34 тыс. человек.

18 июня 2013 года объявлено о начале последнего, пятого этапа передачи ответственности за обеспечение безопасности Афганистана, по завершении которого в декабре 2014 году она будет полностью возложена на афганские национальные силы безопасности. Как отмечают российские эксперты, проблемами для АНСБ являются низкая боеспособность, дезертирство, недостаточный уровень денежного содержания, широко распространенная коррупция. Каждые 3 из 10 новобранцев АНСБ ежемесячно дезертируют, гибнут, получают ранения или попадают в плен. Общие ежемесячные потери АНСБ порой составляют более 5 тыс. военнослужащих.

К марту 2013 года общую численность афганских национальных сил безопасности планировалось довести до 352 тыс. человек, однако, согласно отчету НАТО, в апреле численность АНСБ составила только 339 тыс. военнослужащих. Количественный уровень в 352 тыс.

человек МССБ планирует достичь к концу 2013 года, а поддерживать его до 2018 года, во многом из-за обещанного Вашингтоном соответствующего финансирования.

После 2014 года МССБ планируется преобразовать в миссию НАТО «Resolute support» (8-12 тыс. человек, из них не менее 50-60% – американцы). Ее заявленные цели – подготовка кадров для АНСБ и консультирование высшего командного состава. Отдельный американский контингент (2-4 тыс. человек), к которому могут присоединиться и другие союзники США, будет решать контртеррористические задачи по борьбе с «Аль-Каидой». Это связано с тем, что талибами, якобы, будут заниматься АНСБ. Планируется, что командовать обоими формированиями будут представители США.

На фоне завершения военной миссии МССБ, Кабул активизировал попытки добиться прогресса в процессе национального примирения. В январе Х.Карзай назначил Высший совет мира эксклюзивным представителем властей ИРА на официальных переговорах с ДТ. В марте он посетил Катар по приглашению эмира этой страны Х.Аль-Тани, где провел переговоры по поводу процесса примирения в Афганистане и открытия в Дохе контактного офиса талибов. Такой офис в Дохе был официально открыт 18 июня 2013 года. В июле ДТ заявило о приостановке его деятельности и свернуло все международные политические контакты в связи с якобы неурегулированностью вопроса о праве называть офис «Политическим бюро Исламского Эмирата Афганистан», а также иметь над ним флаг исламистов. Предпринимаются попытки добиться согласия ДТ на открытие офиса и проведение переговоров в Кабуле с гарантиями безопасности и иммунитета офиса и его сотрудников. В начале сентября официальный представитель МИД ИРА Д.Мусазаи заявил, что правительство Афганистана работает над открытием талибского офиса в стране. Однако если ДТ не желает

открывать его в ИРА, то правительство готово на проведение мирных переговоров на территории Саудовской Аравии или Турции.

Одновременно в стране продолжается подготовка к президентским выборам, намеченным на 5 апреля 2014 года. Избирательная кампания стартовала 17 ноября и завершится 2 апреля 2014 года. Летом начался процесс регистрации и перерегистрации избирателей. Тогда же Парламент ИРА принял новую редакцию избирательного закона, утвержденную Президентом страны. Х.Карзай также подписал одобренный законопроект о деятельности Комиссии по жалобам на нарушения в ходе выборов. В соответствии с документом, членами комиссии будут назначены граждане ИРА, а входившие ранее в эту структуру сотрудники ООН будут освобождены от занимаемых должностей.

Новым Председателем Независимой избирательной комиссии (НИК) избран М.Ю.Нуристани, ранее занимавший посты заместителя министра обороны ИРА и губернатора провинции Герат (имеет также гражданство США). Заместителем председателя НИК стал А.Р.Хотаки, секретарем Комиссии – Г.Ачакзай.

В начале сентября в Кабуле официально объявлено о формировании оппозиционного блока «Выборный альянс Афганистана», созданного с целью выдвижения единого кандидата на президентских выборах. Всего в состав блока вошли 14 политических партий и ряд ведущих политиков страны: Национальный Фронт Афганистана (А.З.Масуд), Партия исламского единства народов Афганистана (М.Мохаккек), Национальная коалиция Афганистана (А.Абдулла), Национальное исламское движение Афганистана (А.Р.Достум), губернатор провинции Балх А.М.Нур, бывший руководитель ГУНБ (спецслужба) А.Салех, бывший спикер Парламента Ю.Кануни, глава Высшего Совета мира С.Раббани и другие. Также объявлено о создании

другого предвыборного блока (до сих пор не получившего названия), в состав которого вошли бывший Постпред США в ООН и Посол в Ираке и Афганистане З.Халилзад, министр торговли и промышленности ИРА А.Х.Ахади, а также бывший министр внутренних дел А.А.Джалали.

6 октября завершилась независимая избирательная кампания по регистрации кандидатов на пост Президента ИРА. Всего было зарегистрировано 27 кандидатов, включая нынешнего министра иностранных дел З.Расула и бывшего – А.Абдуллы (таджик), А.Г.Ахмадзая (пуштун), А.Р.Сайяфа (пуштун), Каюма Карзая (пуштун, брат Х.Карзая), бывшего министра обороны А.Р.Вардака (пуштун) и ряд других политических деятелей страны.

Первый этап регистрации избирателей начался еще в конце мая. По состоянию на ноябрь в стране зарегистрировано более 2 млн. новых избирателей, в т.ч. более 650 тыс. женщин. Вместе с тем, глава секретариата НИК ИРА З.Амархейл отметил наличие серьезных опасений относительно обеспечения безопасности избирательных участков. Кроме того, 3410 из 6845 участков подвергаются значительным угрозам, что ставит под сомнение возможность проведения выборов как таковых[3].

В этой связи никто не может с уверенностью определить, по какому сценарию будут развиваться события в Афганистане. Пока там находятся значительные силы НАТО и их союзников, определенная стабильность в Кабуле и крупных городах еще гарантирована. Однако, как считают специалисты, подобная ситуация может начать обрушаться как снежный ком, приведя сначала к анархии, а потом к приходу к власти Талибов.

Обращает на себя внимание, что в складывающейся ситуации Вашингтон прилагает усилия по закреплению своего долгосрочного военного присутствия в стране после 2014 года. В мае 2012 года между США и ИРА было

подписано Соглашение о долгосрочном стратегическом партнерстве на срок до 2024 года. Документ носит рамочный характер и определяет принципы сотрудничества двух стран в сфере безопасности, а также американского содействия социально-экономическому развитию страны[1].

На этом фоне одним из ключевых моментов, определяющих развитие Афганистана, является планируемое в дополнение к данному Соглашению отдельное Двустороннее соглашение о безопасности (The Bilateral Security Agreement). Речь идет о проекте, который, по планам Белого дома, должен начать действовать с начала 2015 года и до 2024 года, а возможно, и позднее. По настоянию Вашингтона, соглашение определяет достаточно широкие полномочия военного американского присутствия в этой стране в количестве порядка 15 тыс. военнослужащих. По мнению экспертов, эта сделка должна будет позволить Пентагону «распоряжаться по собственному усмотрению» девятью главными военными базами в Афганистане в восьми различных регионах страны. В частности, речь идет об авиабазах Баграм (к северу от столицы), Кандагар и Шораб (на юге страны), Шинданд (около западной границы с Ираном), Джелалабад и Гардез (на восточной границе с Пакистаном), а также об упрощенном доступе в международные аэропорты Кабула, Герата, Мазари-Шарифа и на ряд других стратегических объектов. В настоящее время войска МССБ располагаются на примерно 300 военных базах и объектах. Документ также предусматривает нахождение в эксклюзивной собственности США военной инфраструктуры – как имеющейся, так и будущей. Военная техника и американские самолеты не должны будут подвергаться досмотру со стороны афганских властей, а американские военные будут иметь полный иммунитет, и их нельзя будет задерживать или арестовывать в случае совершения ими преступлений[2].

Эксперты уверены, что очевидная цель этого двустороннего соглашения о безопасности состоит в укреплении Вашингтоном главенствующей роли не только в Афганистане, но и в сохранении постоянной военной точки опоры в стратегически важном для США регионе, включающем в себя юг России, Китай, Иран и Каспийский бассейн. Специалисты сходятся во мнении, что при рассмотрении этого соглашения официальный Кабул оказался вынужденным поступиться национальным суверенитетом. Но с другой стороны, отказ от него и полный вывод американских войск чреват самыми отрицательными последствиями для нынешнего руководства, опасностью гражданской войны в стране и передела власти.

Вместе с тем, в последнее время в Афганистане заметно усиливаются антиамериканские настроения. При этом вопрос о выводе американских военнослужащих из-под афганской юрисдикции является предметом острого обсуждения. На улицы городов все чаще выходят афганцы, недовольные политикой Вашингтона и нежелающие подписания любого соглашения, которое позволило бы войскам США оставаться в Афганистане. Росту такой враждебности способствовали многочисленные инциденты, повлекшие по вине американских солдат смерть афганских женщин и детей, надругательства над заключенными, сожжение сотен экземпляров Корана на военной базе США в 2012 году и многие другие.

В этих сложных для официального Кабула условиях и в целях «разделить ответственность с народом» по решению весьма чувствительных для афганцев вопросов, Х.Карзай вынес обсуждение Двустороннего соглашения о безопасности с США на созванный 21 ноября 2013 г. совет старейшин – Лойя-джиргу. Однако, несмотря на достигнутые предварительно договоренности с американцами, Президент Афганистана, обращаясь к Лойя-джирге, призвал совет

отложить принятие пакта о военном и стратегическом сотрудничестве с США до президентских выборов в стране. В связи с тем, что сам Х.Карзай не сможет по конституции баллотироваться на очередной (третий) срок и принять участие в этих выборах, указанный шаг афганского президента, безусловно, является его стремлением «переложить ответственность» в этом весьма сложном вопросе на своего преемника.

Российские специалисты отмечают, что результаты проведенного обсуждения проекта Двустороннего соглашения о безопасности явно не удовлетворили Белый дом. Так же, как в Вашингтоне не могут согласиться и на неясную перспективу решения этого вопроса в зависимости от предстоящего расклада политических сил в этой стране после президентских выборов в Афганистане весной 2014 года.

Все вышеизложенное дает основания утверждать, что официальный Вашингтон не намерен упускать из рук «ключи» (в виде продления присутствия американских войск в Афганистане) от стратегически важного региона мировых энергоресурсов и транспортных путей. Посредством подобных инструментов США стремятся контролировать не только регион ЦА, Россию, Иран и Каспийский бассейн, но также и Китай.

Обращает на себя внимание фактический провал переговоров по Двустороннему соглашению. Однако уже на следующий день после отъезда американской делегации Х.Карзай заявил, что его условия будут переданы главе Белого дома, и американская делегация в ближайшее время вернется в Афганистан для продолжения переговоров.

Тем не менее, в Вашингтоне придерживаются совсем другого мнения и не собираются пока возобновлять переговорный процесс с афганским президентом, предпочитая применить выжидательную тактику, пока Х.Карзай не сменит свою позицию. По мнению российских

аналитиков, в Белом доме прекрасно понимают, что подключение им Лойя-джирги для решения этого вопроса и отказ Х.Карзая подписать соглашение в данный момент подтверждает намерения Президента Афганистана получить для себя больше концессий от Вашингтона, а также обусловлено беспокойством за сохранение своей собственной безопасности перед афганским народом.

С высокой долей вероятности можно утверждать, что Вашингтон и в дальнейшем намерен использовать свой военный потенциал и американские базы в Афганистане. Не исключено, что Белый дом будет вынужден также усиливать свое давление на Кыргызстан, чтобы с уверенностью сохранить военные позиции если не в ИРА, то в этом государстве для осуществления в будущем военно-стратегических планов США в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Братерский А.* Старейшины остановят НАТО
http://www.gazeta.ru/politics/2013/11/21_a_5763021.shtml
- [2] *Куликов В.* США – Афганистан и двустороннее соглашение о безопасности
<http://ru.journal-neo.org/2013/11/27/rus-ssha-afganistan-i-dvustoronnee-soglashenie-o-bezopasnosti/>
- [3] *Титов В.* Тихая деградация ситуации в Афганистане
<http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1383720360>

ОСНОВНЫЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ОСОБЕННОСТИ БЕЛУДЖСКОГО НАРОДА

М.М. Сугралинов*

Исторический экскурс. Историческая область Белуджистан расположена в Азии на юго-востоке Иранского нагорья, между провинцией Керман на западе и рекой Инд на востоке, вдоль побережья Аравийского моря (1). В древние времена территория современного Белуджистана служила своеобразным мостом между цивилизациями, сформировавшимися в Месопотамии, Иранском нагорье, Индо-Гангской низменности. На старых картах эта территория именуется античным названием «Гедросия». Это название присутствует на одной из карт, где показан маршрут возвращения Александра Македонского из похода в Индию (325 г. до н.э.), а также на картах персидской династии Сасанидов (с 1 пол. 3 века н.э.). Согласно историческим хроникам, сами белуджи (2) упоминаются арабо-язычными историками и географами, начиная с X в. как «балусы» или «народ балочей» [1, 2012, с.54]. К этому времени относится и начало процесса образования в ходе борьбы племенных союзов белуджей.

В средние века эта территория последовательно входила в состав различных государств. В XII веке, на территории, населенной белуджами, простиралась Хорезмская империя. В XIII-XIV веках современный северный Белуджистан находился под властью Чингисхана, Тимур-Ленка (Тамерлана). В XVII веке воевавшим против Великих Моголов брагуйским и белуджским племенам удалось создать

* Сугралинов Марлен Муратбекулы – научный сотрудник, Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КН МОН РК

Келатское ханство. В XVIII веке значительная часть этой территории была объединена под властью Мир Насир-хана Белуджа, которому удалось подчинить всех местных правителей и расширить территорию ханства до границ современной провинции Белуджистан в Пакистане.

В конце XIX века в результате заключения соглашения между Персией, Афганистаном и Британией территория Белуджистана была разделена на Западный (персидский) и Восточный (британский) Белуджистан. Британский Белуджистан в т.ч. охватывал всю бывшую афганскую территорию (Шахригх, Саба, Дуки, Пешин (3), Чаман, Шораруд). В настоящее время эта территория разделена между Пакистаном, Ираном и Афганистаном, занимая общую площадь 647 тысяч кв.км.

Происхождение, расселение белуджей. О происхождении белуджей было выдвинуто несколько гипотез. Ряд авторов доказывало, что белуджи происходят от арабов, другие приписывали им туркменское происхождение, третьи считали белуджей потомками индийских раджпутов и т.д. Современный белуджский историк Н.К.Балоч считает, что «Великий народ курдов является прародиной, матерью нации белуджей...» [14, 2013, с.17-18]. Наиболее компетентный исследователь истории и этнографии белуджей англичанин

М.Джеймс полагает, что белуджи являются выходцами из северных районов Ирана (южное побережье Каспийского моря). Широкое развитие ковроткачества у белуджских племен, по его мнению, свидетельствует об их тесном контакте в прошлом с туркменами [2, 1904, с.6]. К мнению М.Джеймса присоединяется и известный антрополог Л.В.Ошанин.

Большинство же белуджей иранского и пакистанского Белуджистана считают себя потомками арабов, а своей первоначальной родиной г. Халеб (Алеппо) в Сирии. Согласно одной из легенд, корни белуджского этноса уходят во времена халифа Али (зять и двоюродный брат пророка Мухаммада). Якобы, в те времена дядя Али переселился в область Мекран, где женился на явившейся ему фее; у них родился сын, от которого и происходят все белуджи [3, 1958,с.191].

О происхождении белуджей из Алеппо говорится также в английских и пакистанских источниках, по-видимому, на основании рассказов самих белуджей. Безусловно, в племенах белуджей, особенно в таких как ринды, есть арабские элементы, вошедшие в их состав во время захвата белуджами мекранского побережья, где проживало немало арабов.

Известные источники не дают определенного указания, когда началось переселение белуджей с севера Ирана на юг - в Фарс и Керман. Английский исследователь А.Хьюз относит его к концу VI - началу VII в. н. э. Прямо не отвечая на вопрос о времени переселения белуджей, британский специалист М.Джеймс отмечает, что основной причиной, побудившей белуджей к передвижению на юг Ирана, послужило нашествие на северные области Ирана эфталитов (белых гуннов) во второй половине V века н. э.

По мере роста численности населения, белуджам стало недоставать пастбищ на юге Ирана, основного условия ведения скотоводческого хозяйства. Поэтому уже в начале X

в. происходит первое переселение части белуджских племен из Кермана на восток в Систан и на север в Хорасан. Процесс расселения белуджей на занимаемой ими ныне территории, продолжавшийся с X-XI по XVI в., сопровождался ожесточенной борьбой за землю. Кочевники-белуджи, захватывая земли своих соседей, разрушали подчас более высокую земледельческую культуру покоренных народов и превращали поля в пастбища. Местное население белуджи либо истребляли (если встречали вооруженное сопротивление), либо обращали в рабов или зависимых земледельцев. Однако после первого переселения белуджи недолго находились в Хорасане и Систане.(4) Из этих районов массовое переселение белуджей в иранский и пакистанский Мекран было вызвано, прежде всего, нашествием в XII веке на Хорасан тюрков-сельджуков. Однако вследствие ограниченности площадей орошаемых земель и пастбищных угодий наиболее крупные и сильные белуджские племена ринд, магаси, гурчани и др. продолжали дальнейшую миграцию. Это переселение сопровождалось порабощением и захватом земель различных племен и народностей: медов, хотов, маки - на юге, джатов, раджпутов и других племен. Продвигаясь из Мекрана на север, в Севистан (Сиби) и Келат, белуджи столкнулись, прежде всего, с брагуями. (5)

Вероятно, белуджам не удалось захватить исконные земли брагуев в центре современного пакистанского Белуджистана и, обойдя эти земли с запада и востока, белуджи вышли на территорию Келата, Сиби, Кач-Гандовы. Оттуда они продвинулись в Синд, где расселились по направлению на юг, вплоть до Хайдарабада и Карачи. *Белуджи-кочевники заселяли в основном предгорные равнины западных районов Синда.* С конца XIV в. белуджи передвигались из Севистана и Кач-Гандовы севернее - в Мултан и Панджаб, так как лучшие земли, пастбища в Синде были уже заняты и освоены.(6)

Классификация, численность племен белуджей. На территории, отошедшей после раздела 1947 г. к Пакистану, насчитывалось около 200 белуджских племен. Разделенные широкой полосой брагуйских поселений, пакистанские белуджи образуют две большие группы племен - западную и восточную, или, как их называет английский исследователь М.Джеймс, «сулеймани-белуджи» (восточные) и «мекрани-белуджи» (западные) [2, 1904, с.2].

Восточные белуджи - ринды, буздар, дришак, марри, бугти, хетрани, домбки, кахери, джакражи, магаси, умрани, гурчани, калматы, легхари, мазари - занимают северо-восточную часть Белуджистана и преобладают в Сиби (районы Джатпат и Уста- Мухаммед), Келате, Кач-Гандове, а также в т.н. «странах» Марри и Бугти, Домбки и Кахери. *Западные белуджи* населяют Мекран, Харан, Чагай, Санджерани и Джелаван. Половина западных белуджей живет на территории Мекрана. Значительное число белуджей расселилось в княжестве Харан. Наиболее крупными племенами западных белуджей являются рахшани, ринды.

На территории иранского (западного) Белуджистана ныне обитает меньшая часть белуджей, относящихся к старым *наиболее крупным* племенам (ринд, лашари, чандиа, хот, магаси и др.). Достаточно крупными племенами белуджей в Иране считаются риги, наруи, исмаилзаи, лашари, даштиари, баранзаи, фанудж, себи-сурани, баху-келат, горгедж (гургич), ярахмедзаи, хитвадж, бампушт, магаси, сияхани, касркенд, шахвелибер, мирбалучзаи, абдуллахи, дамани, расек, пишин, раисани (райсани), нушервани. В иранском Белуджистане также расселены около 150 белуджских кланов, среди которых преобладают мелкие по 100-150 и даже по несколько десятков семей.(7)

В тоже время, отдельные чешские исследователи выделяют среди белуджей, говорящих на родном языке, три основные группы:

- *восточные белуджи*, численность которых составляет ныне около 1,8 млн. человек. Они проживают главным образом в Пакистане (провинция Белуджистан, северо-западная часть провинции Синд, юго-западный Панджаб, провинция Хайбер-Пуштунхва.(8) В тоже время, здесь необходимо заметить, что в провинции Хайбер-Пуштунхва ныне проживают только отдельные белуджские рода, но не целые племена. Небольшая часть (до 800 человек) проживает в Индии, штат Уттар-Прадеш. (9)

- *Западные белуджи*, их численность также составляет около 1,8 млн. человек. Из них около 1,1 млн. человек проживают в Пакистане (северо-западный Белуджистан), 400 тыс. – в Иране (северный Систан), 200 тыс. – в Афганистане (10), около 30 тыс. – в Туркменистане.

- *Южные белуджи*, насчитывают около 3,4 млн. человек. Из них около 2,77 млн. проживают в Пакистане (в основном, южном Белуджистане), 400 тыс. в Иране (Южный Систан), 130 тыс. – в Омане, 100 тыс. – в ОАЭ [1, 2012, с.51]. (11)

Формирование культурно-цивилизационной идентичности белуджей. По мере расселения белуджских племен на территории исторической области Белуджистан происходило постепенное складывание белуджской народности. Важным свидетельством этого процесса служит появление общего для всех вошедших в ее состав племен собирательного имени, под которым эта народность становится известной окружающему населению, а также переход от племенных диалектов к единому белуджскому языку - балочи.

Как писал Ибн Хаукаль, язык балочи значительно отличался от общепринятого в Кермане персидского языка. У белуджей, в то время не имевших письменности, предания о происхождении отдельных племен и их подразделений сохранялись в народной памяти и передавались из поколения в поколение в песнях, поэмах и балладах. Известные наиболее

старинные поэмы и баллады относятся к XI – XII в.в., времени переселения белуджей из Систана в Мекран. Следует отметить, что в старое время певец (дум) занимал более высокое положение в белуджском обществе. Он был участником совета старейшин и при решении споров нередко давал справки из кодекса племенной чести, подкрепляя их сведениями из легендарного прошлого белуджских племен [5, 1949, с. 7]. В этих произведениях, хранимых и исполняемых народными певцами, упоминается о 44 (в некоторых - 26) основных белуджских племенах (булаках). Однако, отдельные исследователи приводят иные сведения: «Согласно сказаниям, белуджи делились на 44 болака (40 белуджских и 4 клана, которые считались рабскими) [1, 2012, с.53].

Для белуджей Пакистана, Ирана и Афганистана общим легендарным героем является Мир Чакар. Он является главным персонажем и белуджского эпоса «Хани и Шах Мюрид». «Как указывает белуджский автор М.Балох, уже в XV веке предводителю белуджей Мир Чакару удалось объединить племена и создать империю на землях юго-восточной Персии, южного Афганистана и нынешнего пакистанского Белуджистана (уже тогда вероятно, белуджи расселились на занимаемых ими сегодня территориях)» [1, 2012, с.54].

В работе таджикского философа-востоковеда М.С.Асимова и английского историка К.Э.Босуорта отмечается следующее: «Во второй половине XV века было основано государство белуджей под властью Мир Чакара из белуджского племени ринд...Это государство прекратило свое существование в результате гражданской войны между обоими племенами. Предводителем племени лашари был Мир Горан хан Лашари. После этой войны (известной как Тридцатилетняя война) племена лашари и ринд населили прежде всего (прим: районы современных) провинции Синд и Панджаб» [4, 1999, с.304-305].

В настоящее время языком белуджей является белуджский язык. Принадлежит к северо-западной группе иранских языков индоевропейской семьи языков и схож, в частности, с курдским языком. Следует отметить, что между самими белуджами, проживающими на территории Ирана, Афганистана, Пакистана, а также Туркменистана существуют немалые различия. В тоже время, белуджи – один народ, отдельные группы которого имеют определенные локальные различия и особенности, в т.ч. языковые.

Несмотря на то, что во второй половине XIX века делались попытки кодифицировать грамматику белуджского языка (балучи), приблизительно до 1940-х г.г. письменной формы этого языка не существовало. В XIX - XX веках белуджи часто использовали для записей персидский язык. Во второй половине XX века часть из них (в основном проживающая в Пакистане) перешла на урду. В 1930-х г.г. еще в советском Туркменистане на языке балучи (с использованием латинского алфавита) начали издаваться учебники (в Ашхабаде) и газеты (Мары), но только до 1938 года. В 1940-х г.г. в Пакистане появилась печатная литература на белуджском языке с использованием арабского алфавита. В настоящее время в Пакистане проживают представители всех групп диалектов белуджского языка.

Следует отметить, что на формирование и дальнейшее развитие идентичности белуджей оказывает неблагоприятное влияние политика, проводимая местными властями. Так, например, чешские исследователи отмечают: «Ограничения на проявление белуджского самосознания заметны и в провинции Систан и Белуджистан. Здесь в личных документах белуджей вписываются не национальность, а принадлежность к какому-либо клану (эсези, наутани, калбети и т.д.). Таким образом, клан оказывается выше национальности; это приводит к дроблению этнической группы и неправильному отображению ее численности в

статистических данных. Между тем известно, что интересы малочисленных этнических групп зачастую оказываются вне поля зрения властей.» [1, 2012, с.57].

Особенности взаимодействия белуджей и пуштунов.

Рост имущественного и социального неравенства внутри белуджских, пуштунских племен был одной из главных причин втягивания их в посредническую торговлю, войны, завоевательные походы и грабежи. В конце XVII века долго живший в Иране французский католический миссионер М.Сансон следующим образом характеризует афганцев и белуджей: «Белуджи и афганцы суть народы, которые населяют горы и живут в шатрах как первые люди» [6,1965, с.164]. Он также писал об афганцах и белуджах: «Они воинственны, хорошо стреляют из лука, но являются большими разбойниками, не дающими пощады караванам» [6,1965, с.104].

Интересна информация известного специалиста по исмаилизму Фархада Дафтари в отношении белуджей и пуштунов: «Хасан-'Али-Шаху было всего лишь 30 лет, когда он наследовал отцу как сорок шестой исма'илитский низаритский имам... следующий каджарский монарх, Мухаммад-Шах, вскоре после своего восшествия на престол Персии в 1251/1835 году назначил имама (Ага-Хана I) губернатором Кермана.

В то время в Кермане царил постоянный беспорядок из-за непрекращавшихся набегов афганских и белуджских банд и мятежных акций некоторых каджарских принцев» [7, 2004, с.54].

История взаимоотношений белуджей и пуштунов хранит немало свидетельств вооруженных столкновений между ними. Переселяясь в Мултан, другие районы южного Панджаба белуджи столкнулись с уже захватившими земли афганцами племен марвати (марваты), даулат-хель, уштурани, гандапур, миан-хель и др., оттеснивших часть белуджей

обратно в Синд, Северный Белуджистан, иных обратив в подневольных крестьян-арендаторов - райят-хамсайя [8, 1954, с.88]. Повсюду, где появлялись афганские (пуштунские) пришельцы-завоеватели, судьба коренного населения решалась одинаково. Оно лишалось каких бы то ни было прав на землю и становилось в качестве подневольных и зависимых (хамсая) как бы придатком и принадлежностью земли, перешедшей в собственность афганских племен [8, 1954, с.100]. У дуррани и гильзаев(12) это были главным образом таджики, хазара, какары (13) , *белуджи*. У афганских племен правобережья Инда преобладали аваны, гуджары, *белуджи*, а также представители различных индийских сословно-кастовых групп: джатов, кхатриев и из неприкасаемых каст [8, 1954, с. 58-59].

Как пишет И.Рейснер: «Дурранийские и гильзайские ханы получали от сефевидских и могольских правителей Афганистана (в начале XVIII века граница между Сефевидской державой и Могольской Индией проходила около Келат-и Гильзаи примерно на полпути от Кандагара и Газни) (14) титулы, денежные подарки и земельные пожалования, облакались функциями сборщика налогов, обязывались поставлять воинские контингенты из числа своих соплеменников...Совместно с персидскими войсками они принимали участие в столкновениях с белуджами и какарами [8, 1954, с.261]. Вероятно, и в этой связи, как свидетельствуют доступные источники, *в гвардии* Ахмад-шаха (Дуррани) и последующих шахов Афганистана белуджам места не было: «Ударной силой войска Ахмад-шаха была конная гвардия, известная под названием гулямов. ... По своему национальному составу гвардейцы, как правило, вербовались не из числа членов афганских племен, а из кызылбашей, таджиков, а впоследствии, при Тимур-шахе, из хезарейцев и чар-аймаков» [8,1954, с.360].

В тоже время, история этого периода свидетельствует и о эпизодах военного сотрудничества белуджей и пуштунов. Так, «во время похода 1757 г. *в войсках* этого шаха (Ахмад-шах Дуррани) имелись конные контингенты белуджей во главе с Насир-ханом (Белуджем), гератский контингент из чар-аймаков и хезарейцев под командованием Дервиш Али-хана и крупный отряд узбекской конницы» [8, 1954, с.363]. Во время правления в Афганистане эмира Дост-Мухаммед-хана (1826-1868) и затем Шер-Али-хана (1868-1878) ханам Харана была установлена ежегодная субсидия в размере 6 тыс. афганских рупий, 50 мешков ячменя и 200 мешков пшеницы [9, 1959, с 177; 13, 1910, с. 296].

Следует отметить также, что взаимодействие пуштунов с белуджами, другими этническими меньшинствами, населявшими историческую область Белуджистан и соседние территории, происходило на фоне противоборства между ведущими пуштунскими племенными союзами.

Вследствие значительного численного преобладания (по оценкам специалистов, в Афганистане и Пакистане проживает в общей сложности от 42 до 46 млн. пуштунов; в исторической области Белуджистан – от 8 до 10 млн. белуджей), пуштуны, как и в прошлые времена, естественно доминируют над белуджами, другими этническими меньшинствами. В то же время, происходит культурно - цивилизационное их взаимодействие. Например, представители пуштунского племени баречи (барец) традиционно населяли вместе с белуджами самые южные районы Афганистана, между ними сложились вполне толерантные взаимоотношения. Тесные отношения веками у белуджей с какарами и ацакзаями. Пуштуновед В.Б.Кравцов в одной из бесед с автором статьи предложил следующую характеристику этих взаимоотношений: «По поводу взаимодействия белуджей с пуштунскими племенами, я бы не назвал его в целом активным и имеющим место по большей части в

приграничных друг с другом районах. Наиболее конструктивно такое взаимодействие с Какарами. С Ацакзаями - гораздо меньше, а с кандагарскими Нурзаями в силу задиристости последних и того меньше. Есть определенное взаимодействие в Гильменде с окружающими или соседствующими с ними дурранийскими, по большей части зиракскими, племенами южнее трассы Кандагар - Шинданд, которые политически спокойнее панджпайских племен. Севернее данной трассы панджпай белуджей никогда не подпускали. В Нимрузе взаимодействие пуштунских племен и белуджей носит скорее конкурентный характер за власть в провинции, с вытекающими последствиями. Следует учитывать и активное взаимодействие панджпай с белуджами в Гильменде по контрабанде наркотиков. Это взаимодействие было выстроено с помощью зираков...».

В целом, раскрытие особенностей взаимоотношений белуджей и пуштунов в исторической области Белуджистан и прилегающих районах, заслуживает более внимательного исследования применительно к конкретным племенам, географическим особенностям мест их традиционного расселения.

Особенности сосуществования белуджей с другими этносами. Постоянные передвижения белуджей-кочевников на большие расстояния, войны за пастбища и кочевья, вооруженные набеги на торговые караваны и земледельческие поселения, естественно, вызвали сокращение численности коренных белуджских племен, вынуждая пополнять племена инородными элементами.

Этот процесс стал причиной исчезновения первоначальных белуджских племен (болаков) и привел к возникновению новых, более мелких групп. В Афганистане и Иране они получили название *тайфа*, в пакистанском Белуджистане – *тумен*; «их создание основывается не столько на клановом, сколько на политическом принципе, предполагающем

подчинение тому или иному хану» [1, 2012, с.53]. Вливались подразделения соседних, ослабленных племен, нередко не белуджского происхождения. Наблюдая этот процесс в конце XIX века Т.Г.Торнтон писал: «некоторые племена брагуев, так же как и белуджей, до такой степени перемешаны, что трудно определить, к какому племени ранее принадлежали» [11, 1888, с.63].

Учитывая, что племя у белуджей, как впрочем, и у других в прошлом кочевых народов, давно уже перестало быть строго эндогамной общностью, а также большую свободу брачных обычаев у белуджей по сравнению с соседними племенами, происходит постепенный процесс ассимиляции у белуджей. Мужчина-белудж, например, может жениться на любой женщине-мусульманке, независимо от ее национальной принадлежности.

В отличие от Панджаба и пакистанского Белуджистана, где белуджские племена и даже отдельные их подразделения живут разобщенно, в Синде каждое более или менее крупное подразделение белуджей расселилось в определенном районе. В тоже время, в южном Панджабе и Синде многие племена белуджей подверглись ассимиляции и продолжают ассимилироваться синдхами, раджпутами и другими окружающими их народами. Примером ассимилированных белуджей можно считать и жителей больших городов Мешхед (северный Иран), Захедан (Систан и Белуджистан), Кветта (Пакистан) и Маскат (Оман). По рассказам самих белуджей-горожан и навещающих их родственников, они сохранили национальную самоидентификацию и даже язык. Однако, их образ жизни и некоторые элементы быта (например, одежда) уже довольно радикально отличаются от традиционнo-народных [1, 2012, с.58], «их невозможно отличить от местного населения» [1, 2012, с.62].

Белуджи, проживающие на территории прежнего иранского Систана не образуют компактных поселений, поэтому

перенимают язык и традиции соседних племен. Напротив, территория прежнего иранского Белуджистана является единственным местом их компактного проживания и никакой ассимиляции белуджей не происходит. Типичной чертой пакистанских белуджей является их дисперсное расселение среди других народов – афганцев (пуштунов), панджабцев, брагуев, ласов, синдхов и др., при этом составляя не более 30% общей численности населения области (т.е. провинции Белуджистан). Однако, несмотря на этническое разнообразие Пакистана, местные белуджи хотя и не селятся в высокой мере компактно, в тоже время, сохранили свою идентичность и язык. Более того, соседние народы нередко принимают многие элементы культуры и язык белуджей и в каком-то смысле ассимилируются ими (например, некоторые брагуи заимствовали белуджский язык). Как отмечают чешские исследователи, «...в Пакистане ассимиляции белуджей не происходит (или происходит в небольшой степени), хотя здесь они проживают некомпактно. Более того, в некоторых случаях соседствующие с белуджами народности принимают их обычаи и язык» [1, 2012, с.51-52].

Эти обстоятельства отмечала в 1960-х г.г. и В.А.Фролова, как основное отличие поселений белуджей в Пакистане и иранском Белуджистане, с одной стороны, в иранском Систане, с другой [9, 1957, с.126]. В целом, изучение доступной литературы и мнений ряда исследователей по белуджской тематике позволяет сделать вывод, что заимствование языка и некоторых элементов культуры белуджей характерно исключительно для брагуев. При этом, об ассимиляции белуджами хотя бы части пуштунского этноса не может быть речи.

Как отмечал А.М.Дьяков, «Крепнет территориальная общность белуджей с афганцами и особенно брагуями, живущими на территории восточного Белуджистана, вследствие которой не только издавна установились тесные

экономические связи, но и начался процесс ассимиляции брагуев белуджами. Расселяясь на территории современного Белуджистана, белуджи не растворились среди племен и народностей, наоборот, сами ассимилировали последних, сохранив свой язык, национальные традиции и культуру и проявляя за последнее время тенденцию к превращению в нацию» [12, 1948, с.127].(15)

В тоже время следует заметить, что в вопросах дисперсности расселения пакистанских белуджей среди исследователей присутствуют разные мнения. Например, существует также точка зрения, согласно которой, большинство пакистанских белуджей проживают компактно племенами, меньшинство расселено чересполосицей с разными соседними народами. Более того, в среде исследователей существуют порой совершенно разные трактовки относительно господствующих ассимиляционных трендов в исследуемом регионе.

Принимая во внимание существенную разницу в указанных мнениях, для внесения ясности, наряду с изучением дополнительной литературы по теме, целесообразно также проведение полевых исследований.

Социально-экономические аспекты развития и взаимодействия белуджей. В целом, исследователи истории белуджей полагали, что земледелие у белуджей не было развито в широких размерах вплоть до XVI в., так как передвижения на огромные расстояния, естественно, не создавали условий для занятия оседлым земледелием.

Характеризуя процесс и специфические условия оседания белуджей на землю, советский афганист М.Г.Пикулин отмечал: «Белуджи восточного Белуджистана, переходя к оседлому земледелию, имели готовый образец высокой земледельческой культуры покоренного ими населения (джаты и др.) в самом Белуджистане, а также в соседних областях Индии – Панджабе и Синде. Это способствовало

более быстрому социально-экономическому развитию восточных белуджей и ускорению процесса их феодализации». У белуджей иранского Белуджистана «переход к оседлости происходил в условиях известной изоляции от народов со сложившимися феодальными отношениями» [9, 1959, 27]. И далее: «Разбросанность земельных угодий одного и того же племенного подразделения, не говоря уже о племени в целом, не только подрывала прежние племенные связи, но и приводила к тому, что белуджские земледельческие общины пополнялись, если они располагали достаточным количеством орошаемой земли, и за счет выходцев из других, даже не белуджских племен. В северном Белуджистане, например, многие селения издавна носят название «Батто», что на языке балочи означает «смесь» [10, 1886, с.198; 9, 1959, с.28].

Вместе с тем, представляется, что в этом суждении Пикулина М.Г. присутствует некоторое несоответствие с отдельными важными выводами А.М.Дьякова, в частности, о проявлении тенденции к постепенному складыванию белуджской нации. В т.ч. в этой связи, было бы правильным в данном вопросе согласиться с оценкой эксперта В.Б.Кравцова, изложенной им в беседе с автором статьи: «Важно не ставить на одни весы белуджские племенные общины, с одной стороны, выходцев – не белуджей как индивидуумов - с другой. Вовлечение индивидуумов в племенную общину белуджей не приводило к качественным изменениям в самой общине. Как правило, эти индивидуумы появлялись в инородных племенных общинах скорее по причине пленения, взятия в заложники, принуждения к рабству на принципах «хамсая».

Более того, учитывая утверждение Пикулина М.Г. о «покорении» белуджами джатов, представляется целесообразным, дополнительно исследовать допустимость использования трактовок «покорение» и/либо «захват земель»

белуджами у джатов, памятуя, что последние стояли у истоков формирования панджабской нации, и их традиционное расселение северо-восточнее восточного Белуджистана и на левом берегу Инда.

В некоторой мере представляется неверным и утверждение Пикулина М.Г. о том, что «поселения оседлых земледельцев у белуджей обычно называются именем какого-либо знатного родовича с прибавлением суффиксов «кила», «кот», «шахр»: Кила-Сейфулла, Шал-кот (так называется у белуджей Кветта), Шахре-Келат и др. [9, 1959, с.174]. Так как, «кила» и «кот» в переводе с пушту - «деревня» и «стоянка», «шахр» с фарси - «город». Кроме того, Кила-Сайфулла считается исконно пуштунским районом и населенным пунктом, к которому белуджи не имели и не имеют никакого отношения. Он находится в пуштунских землях пакистанской провинции Белуджистан, где преобладают представители различных пуштунских племён, в основном Какары. С 14 декабря 1988 года Кила-Сайфулла стал самостоятельным уездом провинции, выделенным из состава уезда Жоб. Назван в честь вождя клана Мирдадзаи племени Какар Сайфулла Хана, известного борца с британскими колонизаторами (16).

В тоже время, исследователи полагают, что захват белуджами земель соседних народов, образование земледельческой общины, чересполосное расселение белуджских племён и отдельных подразделений у сравнительно редких источников воды, пополнение выходцами из не белуджских племён явились важными причинами и условиями к постепенной трансформации у белуджей старой племенной организации в новую со значительным содержанием феодальных и даже капиталистических элементов.

Экономические, политические и культурные связи белуджей с соседними народами оказали по своей сути огромное влияние на хозяйственную и общественную жизнь,

язык, быт и культуру белуджей. Так, институты общинных слуг и ремесленников, райят-и-хамсайя, обычай веша (периодический передел земли) (17), структура джирги, некоторые нормы обычного права (адата), несомненно, были заимствованы земледельческой общиной белуджей у афганцев (пуштунов).

Одним из исторически обусловленных различий между белуджами и пуштунами является организация (перекочевков). Известны две важные составляющие кочевой пуштунской общности: кочевничество ради выращивания скота и кочевничество как торгово-посреднический промысел («повинда»). В существующих условиях афганцы-пуштуны постоянно кочевали большими группами на огромные расстояния от долины р.Гумал (18) и дельты Инда и оттуда в Бухару, Самарканд, Сирию и даже Египет. Белуджи и брагуи кочевали и продолжают кочевать более мелкими группами на сравнительно небольшие расстояния.

Религиозные взгляды белуджей. По религии белуджи в основном - мусульмане-сунниты ханафитского толка, хотя часть белуджей исповедуют шиизм, являются приверженцами иных ответвлений, сект в Исламе. Общественная жизнь кочевых и земледельческих общин белуджей восточного, иранского, т.н. «афганского» Белуджистана регулируется обычным правом и шариатом.

В существенной мере социальную значимость служителей религиозных культа подчеркивал Кодекс чести белуджей (майяр), как и обычное право (ривадж), продолжавший действовать и после английской оккупации региона. В кодексе, в частности, зафиксированы следующие положения:

- прощать оскорбление, которое могло быть нанесено при заступничестве за женщину, сейида или муллу;
- не допускать убийства человека, который вошел в склеп (мазар) пира, до тех пор, пока он там находится;

- прекращать борьбу, если женщина, мулла или сейид с Кораном на голове станет между враждующими;
- за убийство или увечье служителя религиозного культа, сейида или человека из сардар-хеля (род, из которого происходил вождь племени) компенсация взималась в двойном размере.

В сознании (подсознании) белуджей до сих пор сохраняются некоторые религиозные предрассудки, предубеждения. Например, до недавнего времени у белуджей существовали общинные слуги - «малыхквала» (заклинатели саранчи), получавших по 4 анна деньгами с каждого джора посева, спасенного от саранчи благодаря их заклинаниям [9, 1959, с.108]. В судебной практике белуджей до 1960-х г.г. сохранялось испытание огнем.

В тоже время, считая себя правоверными мусульманами и отдавая должное служителям религиозного культа, белуджи не отличаются особой набожностью [9, 1959, с.230]. В сельских местностях мечети встречаются редко, белуджи их посещают мало, так как больше верят в добрых и злых духов, местных «святых». Темному, невежественному крестьянину культ «святых» понятнее, нежели догмы ортодоксальной религии. Поклоняясь различным зиаратам (места захоронения «святых людей», деяния которых уходят в глубь веков), белуджи обращаются с молитвами не к абстрактному божеству, а к конкретной личности, своему местному «святому», которому по их убеждениям, будут более понятны их нужды и просьбы [9, 1959, с.63].

Целые подразделения кочевых племен не придерживаются обязательных для мусульман обрядов. Иранский исследователь М.Кейхан дает следующую характеристику белуджским племенам Иранского Белуджистана: «Ярахмедзай – не связаны с религией», «мирбалочзай к религии не имеют склонности», «гумшодзай в религии не заинтересованы» [9, 1959, с.96].

Говоря о религиозной принадлежности белуджей, необходимо отметить достаточно широкую распространенность среди них сектантства, особенно развитого в пакистанском Мекране. В восточном и западном Белуджистане, а также в Синде, наиболее распространена мусульманская секта зикри («дай-мазгаби») (19), численность последователей которой составляет, по оценкам отдельных пакистанских наблюдателей, существенно больше упоминаемых в разных интернет ресурсах 150 тыс. человек. В то же время, представляется, что вопрос о действительной численности последователей секты может быть предметом отдельного изучения. (20). Последователи зикри верят в скорое пришествие Махди - мусульманского мессии, которого эти белуджи почитают больше пророка Мухаммада. Главный храм секты и место паломничества ее последователей расположен в Кух-е-Мурат, вблизи г.Турбат, на юге пакистанского Мекрана. Особенностью секты являются свобода брачных отношений и массовые оргии после молитв. К секте зикри принадлежат, в частности, представители племени гички, проживающие в Мекране в богатых оазисах Кедж, Дашт. Это племя происходит от индийских раджпутов, выходцев из Синда.

Представляется также, что последователями секты зикри являются и члены племени ярахмедзаи, подразделяющегося на племенные группы сахрабзаи, махмудзаи, ширзаи, раушанзаи, мирхельзаи, существенной особенностью которого является свобода брачных отношений. У ярахмедзаев широко распространены разводы, более чем у других белуджских племен Ирана [9, 1959, с.37].

Из других религиозных сект, существующих в восточном Белуджистане, известны секты рафаи, члены которой периодически подвергают себя самоистязаниям; биадья – наиболее презираемая правоверными мусульманами секта,

члены которой весьма легко относятся к выполнению религиозных обрядов; таиби и др. [9, 1959, с.98].

Как известно, в Пакистане сложилась значительная местная община шиитов, по оценкам экспертов, в целом по стране достигающая 20% от общей численности населения. Например, внушительная колония афганских шиитов-хазарейцев, по некоторым сведениям, до 1 млн. человек, сформировалась в пакистанской провинции Белуджистан, в т.ч. как следствие репрессивной политики проводившейся в конце 1880-1890 г.г. афганским эмиром Абдуррахман-ханом в отношении непутунских меньшинств Афганистана.

История развития Ислама шиитского имамитского толка, длительного сосуществования последователей суфизма, исмаилизма и др. конфессий с приверженцами господствующей религиозной общины в Иране с определенной степенью вероятности допускают (ново-)обращение части иранских белуджей в шиизм. И действительно, как отмечают чешские исследователи, «к другим, более мелким группам белуджей, частично сохраняющим свою самобытность, относятся белуджи-шииты, проживающие в деревне Балуч-Хан к западу от иранского г. Мешхед (недалеко от г. Сабзевар). Деревня находится в горах, в относительно недоступном месте. Местные белуджи, в отличие от большинства белуджей Систана и Белуджистана, приняли ислам шиитского толка, но сохранили свой язык, красочную одежду (иранские женщины носят в основном черные чадры), убранство дома и национальное самосознание. Они занимаются сельским хозяйством, в частности, выращиванием миндаля. У ирано-туркменской границы можно встретить другие поселки белуджей-шиитов, сохраняющих полукочевой образ жизни. На лето несколько семей из поселка уходят сообща пасти скот. Они живут в особых шатрах, геданах и являются полностью самодостаточной общностью» [1, 2012, с.58].

В тоже время, в ходе дальнейших исследований представляется целесообразным обратить внимание на данный аспект религиозной ориентации белуджей для возможного выявления общих закономерностей, особенностей, динамики их обращения в шиизм.

Белуджи Афганистана. Территория т.н. «Афганского Белуджистана» (21) составляет существенно менее 100 000 кв.км., в основном включает районы, прилегающие к реке Гильменд. В настоящее время афганские белуджи в численном (процентном) соотношении к общей численности населения страны составляют малую ее долю. По сведениям за 1985 г., в Афганистане насчитывалось 200 тыс. белуджей. По данным Мировой книги фактов Центрального разведывательного управления США, доля белуджей в Афганистане в 2010 г. составляла всего 2% (*пуштунов - около 42%, таджиков - 27%, хазарейцев - 9%, узбеков – 9%, аймаков (чораймаков) – 4%, туркменов – 3%, всех прочих - 4%*). По сведениям российских источников, общая численность населения Афганистана в 2011 г. составила 35 млн. 250 тысяч человек, при ежегодном приросте 2.6%. Если воспользоваться вышеприведенной статистикой, численность белуджей Афганистана к 2011 г. должна составлять примерно 705 тыс. человек. В тоже время, отдельные исследователи из числа белуджей существенно завышают указанные цифры, сообщая о проживании в Афганистане до 3 млн. 500 тыс. белуджей (22). По мнению же большинства местных экспертов, численность афганских белуджей не превышает 300-400 тысяч человек.

В Афганистане большинство крупных белуджских племен - наруи, рахшани, сарбэнди (сарбанди), санджерани (санджарани) и горгедж (гургич) - исторически расселены в южных районах провинций Кандагар, Гильменд, Фарах, Нимруз. Хотя основная часть белуджей-горгедж (гургич) численностью до 2.000 семей обитает в районе Захидана в

северном иранском Белуджистане, где находится резиденция их сардара.

Доступные источники не дают точного ответа на вопрос о том, какие племена белуджей сохранились в афганском Систане (23) после массового переселения белуджей в восточный Белуджистан под напором тюрков-сельджуков. Известно только, что в начале второй половины XIX в. наруи и санджерани играли заметную роль в политической жизни Систана. Сардары этих племен претендовали одно время даже на роль правителей этой богатой земледельческой области.

В Кандагаре белуджи появились в конце XVII - начале XVIII в. Они известны здесь как оседлые земледельцы, главным образом арендаторы - райят-и-хамсайя - на землях дурранийской племенной знати. К середине XVIII века следует отнести расселение белуджей в некоторых других районах южного Афганистана. В Чахансуре, например, белуджи, осевшие на землю и занимавшиеся земледелием, стали известны с 40-х годов XIX века (24). Со временем отдельные подразделения белуджских племен, как правило, более мелкие, стали передвигаться на север Афганистана. Теперь небольшие группы белуджей проживают в Герате, Мазар-и-Шарифе, провинциях Кундуз, Саманган, Бадахшан. В Бадахшане белуджи имеют в улусволи (район) Рустак свои постоянные компактные многочисленные поселения Дехаке-Киван, Пастеке и др. [9, 1959, с.35].

Белуджское племя наруи позднейшего происхождения, расселено на больших пространствах в Афганистане, а также Иране и Пакистане, насчитывает в своем составе до 3500 семей, подразделяясь на 23 племенных группы. Преобладая в Кандагаре, Гиришке в южном Афганистане, наруи продолжают поддерживать в хозяйственно-бытовых целях контакты со своими соплеменниками в соседних странах.

В афганском, а также иранском Систане живут отдельные группы гумшодзай (гумшазай) численностью около 350

семей. Гумшодзай включают племенные подразделения додхудозай, мурадзай, мазразаи, гидозай, мухаммедзай-даргяшт, каримзай-даргяшт, джехангиззай, хакизай, талхкухи и др. В свою очередь гумшодзай сливаются в одно племя с ярахмедзаями, численность которых составляет более 1500 семей. Ярахмедзай и гумшодзай в большинстве своем кочевники-скотоводы. Следует также отметить, что в 1917 г. во время оккупации англичанами иранского Белуджистана особенно упорное вооруженное сопротивление оказали ярахмедзай во главе с сардаром Джехан-ханом.

В начале XX века значительное количество белуджей перекочевало из Афганистана в Иран, что было связано, в первую очередь, с ухудшением социально-экономических условий в прежних местах проживания (отсутствие пастбищ, наводнения, неурожай, высокие налоги и др.). Спустя некоторое время часть из них вернулась; другие перегнали свои стада на территорию современного Туркменистана (в область Мерв). Здесь они работали на плантациях хлопка, принадлежащих местным феодалам, а также использовались как рабочая сила при возведении ирригационных сооружений; часть белуджей вела полукочевой образ жизни и занималась разведением скота» [1, 2012, с.59].

Общую картину современного расселения афганских белуджей можно представить следующим образом. Юго-западнее Спинбулдака уезд Шурабак провинции Кандагар занят практически полностью белуджами. Русло реки Гильменд занято белуджами наравне с пуштунами только от Марджи и южнее. Это соотношение в пользу белуджей возрастает по мере приближения русла реки к Нимрузу. Северная часть провинции Нимруз занята пуштунскими племенами. В провинции Гильменд более-менее компактный район проживания белуджей племени Санджарани находится в пустыне на запад от Марджи и Лашкаргаха, южнее трассы

Кандагар-Герат. Есть небольшие вкрапления белуджей в Шинданде, между городом Герат и Кушкой.

В 2010 году было завершено создание Белуджской Академии в Зарандже, основателями которой явились немецкий исследователь Луц Жехак и двое его коллег-белуджей. Задуманная как центр научного сотрудничества и обмена информацией между пакистанскими, иранскими и афганскими белуджами, Академия одновременно должна служить культурному развитию белуджей и изучению их этнических традиций.

Белуджи Туркменистана. В 1930-х г.г. жизнь белуджей в Туркменистане изучали члены экспедиции Академии наук СССР. В частности, в монографии Э.Гафферберга (25), описываются быт, обычаи и традиции белуджей, а также трудности, испытываемые ими в ходе интеграции в СССР. После распада Советского Союза интерес к туркменским белуджам возрос. Белуджи из Пакистана, зачастую с удивлением, открывают для себя культуру и особенности туркменских белуджей. Об этом, например, свидетельствует статья «Туркменистан: страна пятидесяти тысяч белуджей», принадлежащая пакистанскому журналисту из Кветты Яр Яна Бадини [1, 2012, с.61].

По мнению исследователя И.Зарубина (26), язык белуджей Туркменистана и Хорасана сходен с принятым в западной диалектной группе, однако между ними существуют некоторые фонетические различия. Наиболее существенна разница между диалектами туркменских и пакистанских белуджей. Зачастую они даже не понимают друг друга.

Язык (диалект) на котором разговаривают туркменские белуджи называется рахшани. Он существенно отличается от диалектов белуджского языка, использующихся в Пакистане, Иране, Афганистане. Диалектом рахшани пользуются и проживающие в Туркменистане брагуи (27). Они перекочевали сюда вместе с белуджскими кочевниками из

Ирана и Афганистана. Тогда они считали себя белуджами клана брагуи, хотя некоторые представители старого поколения еще сохраняли свой язык, относящийся к северодравидийской ветви. Процесс их ассимиляции завершился в 1960-х г.г. Тем не менее, как указывали белуджи из деревни Турбин, все еще бытует мнение, что «чем темнее кожа, тем хуже» (темная кожа типична для брагуев).

До конца 1980-х г.г. туркменские белуджи могли использовать свой язык только в разговорной речи, газеты и книги не издавались. После либерализации режима в бывшем СССР у туркменских белуджей появилась надежда на создание собственной системы образования. Им была обещана возможность изучать родной язык в школах по белуджским букварям, разработанным на основе кириллицы. Однако, после образования независимого Туркменистана, отмены кириллицы и введения латиницы созданные учебники не применялись [1, 2012, с.52].

В Туркменистане проживают около 30 тысяч белуджей, они придерживаются суннитского направления в исламе; живут оседло в деревнях. От исконного племенного и кланового образа жизни у них сохранилась традиция большой семьи (родители и сыновья обычно живут вместе). Их дома имеют общий двор, кухню (отдельное крытое место для приготовления пищи) и возвышенное место для отдыха на открытом воздухе - тапчан; здесь часто можно встретить тандыр.

По мнению чешских исследователей, бывший президент С.Ниязов отрицательно относился к проживающим в стране белуджам. Дело доходило до того, что белуджские музыканты вынуждены были сдавать государству свои музыкальные инструменты. Вопросы, связанные с сохранением традиций, языка и осознанием принадлежности к белуджскому этносу, не стоят в повестке дня и нынешних властей Туркменистана.

Белуджи разговаривают дома на своем родном языке, но молодое поколение, подвергающееся воздействию социальной среды, постепенно теряет к нему интерес. Преподавание в школах ведется главным образом на туркменском языке. Старики, муллы и некоторые образованные белуджи стараются устно передавать историю своего народа и его кланов, рассказывать о традициях и обычаях (касающихся, например, заключения браков или ношения традиционной этнической одежды). Пытаясь сохранить свой язык, они слагают стихи о своем народе и его истории, которые читают вслух на свадьбах. Белуджи Туркменистана, по сравнению с другими национальными группами, живущими в стране, отличаются высокой устойчивостью к ассимиляции. Однако и они частично соблюдают туркменские обычаи, что проявляется в их образе жизни (например, при проведении семейных церемоний) [1, 2012, с.62].

Заключение. Содержание данной статьи основано на изучении доступной научной, специальной, публицистической литературы. Естественно, детальное изучение рассматриваемого в статье вопроса требует проведения полевых исследований в местах непосредственного расселения белуджей в Афганистане, Пакистане, Иране, Туркменистане. В течение 2013 года в ходе выездов в Афганистан были предприняты усилия для налаживания необходимых связей, сбора устных, документальных материалов по белуджской проблематике. В ближайшей перспективе предусматриваются поездки в отдельные районы Афганистана и, возможно, Пакистана, с преимущественным расселением белуджей, в целях сбора дополнительных материалов, более глубокого изучения, понимания белуджской тематики.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Кокайслова П., Кокайсл П.* Этническая идентичность белуджей/ Центральная Азия и Кавказ, т. 15, вып. №3, 2012.
- [2] *M. L. Dames.* The Baloch race, a historical and ethnological sketch. - London, 1904.
- [3] *Baluch Muhammad Sardar Khan.* History of baluch Race and Baluchistan. - Karachi, 1958.
- [4] *Asimov M.S., Bosworth C.E.* History of civilizations of Central Asia: The Historical, Social and Economic Setting. - Delhi: Motilal Banarsidass Publ., 1999.
- [5] *Зарубин И. И.* Белуджские сказки. ч. 2. Л., 1949.
- [6] *Voyage on Relation de Petat present du Royame de Perse. Avec dissertation curicusesur les Moers, Religion et Convernement de cet Etat par M.Sanson.* - Париж, 1965.
- [7] *Фархад Дафтари.* Краткая история исмаилизма / Традиции мусульманской общины. Издательство «Ладомир», серия «Историческая библиотека». Москва, 2004.
- [8] *Рейснер И.М.* Развитие феодализма и образование государства у афганцев/ М., ИВ АН СССР, 1954.
- [9] *Пикулин М.Г.* Белуджи / изд. восточной литературы/ М., Наука, 1959.
- [10] Военно-географический очерк Британского Белуджистана / Сборник материалов по Азии/ вып. LXXIII, Сп.б., 1886.
- [11] Торнтон Т.Г. Белуджистан и Новая Индийская провинция / Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии / вып. XXXIII, Сп.б., 1888.
- [12] *Дьяков А. М.* Национальный вопрос и английский империализм в Индии/ М., 1948.
- [13] Военно-географический очерк Британского Белуджистана / Сборник материалов по Азии/ вып.LXXX, Сп.б., 1910.
- [14] *Балоч Наела Кадри.* История белуджей / журнал Центра региональных исследований при Академии наук Афганистана / www.rsca-af.com/ №25, 2013.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Белуджский профессор Н.К.Балоч называет это море Белуджским [14, 2013, с.12].
- (2) В иранском остане Хорасан проживает существенно малая часть белуджей.
- (3) Пуштуны называют Пишин.
- (4) Второе переселение отдельных подразделений белуджских племен в Систан и Хорасан относится уже к XVII – XVIII в.в.
- (5) Брагуи - народность дравидийского происхождения, древнейшие обитатели Белуджистана, где они осели при передвижении из южного Ирана в Индию [Симха и Банерджи, 1954, с.32].
- (6) Второе переселение белуджей в Мултан, южный Панджаб отмечено в XV- начале XVI в.в. во главе с Мир-Шукур Риндом, как завершающий этап массового переселения белуджей за пределы собственно Белуджистана.
- (7) Западный (иранский) Белуджистан включен в состав Ирана в 1849-1857 г.г. Площадь территории составляла примерно 155 тыс. кв. км. После административного объединения территорий в 1959 году в одну провинцию Систан и Белуджистан площадь достигла примерно 200 000 кв.км. Подразделяется на четыре административно-территориальные единицы: Серхад, Сараван, Бампур (Ираншахр) и Мекран. Административный центр – г.Захедан.
- (8) На пушту «хва» - это сторона, страна, край.
- (9) По другим данным, в 1985 г. в Республике Индия проживало до 50 тыс. белуджей.
- (10) См. также раздел «белуджи Афганистана».
- (11) В историко-этнографическом отношении специалисты подразделяют территорию Систана на две части: афгано-белуджскую (к северу и северо-востоку от систанских озер) и ирано-белуджскую (к югу и юго-западу от этих озер).
- (12) Племенные союзы пуштунов. В известные периоды истории дуррани большей частью находились под властью Сефевидов, а гильзай - Моголов.
- (13) Какары - одно из крупнейших пуштунских племен.

- (14) Если быть точным, на полпути от Кандагара до Газни находится уездный центр Шахджой афганской провинции Заболь. Чтобы убедиться в этом, достаточно изучить видео-карты на сайтах: <http://wikimapia.org/17681274/ru/>; <http://ru.wikipedia.org/wiki/>; <http://wikimapia.org/13696450/ru/>.
- (15) Выражение А.М.Дьякова «общность белуджей с афганцами и особенно брагуями» не должно быть истолковано так, что брагуи - часть афганского (пуштунского) этноса.
- (16) См. например, <http://ru.wikipedia.org/wiki/>; <http://vv-travel.ru/tarticle/qilla-saifullah>;
- (17) «Веш» – на пушту означает «делить».
- (18) Река Гомал (Гумаль) - эпицентр традиционного проживания гильзаев и вазиров.
- (19) Название секты происходит от слова "зикр" - короткая молитва, которую члены секты произносят вместо принятых у остальных мусульман молитв.
- (20) См. например, <http://userdocs.ru/filosofiya/61847/index.html>; <http://www.portalostranah.ru/view.php>. На сайте <http://archive.is/kCOON> сообщается о 750 тыс. последователей секты.
- (21) С административно-территориальной точки зрения понятие «афганский Белуджистан» не существует.
- (22) Н.К.Балоч [14, 2013, с.13]. Следует отметить, что официальной переписи населения в этих районах давно не проводилось.
- (23) Афганский Систан - это территория нынешней афганской провинции Нимруз.
- (24) Чахансур – традиционно белуджский район. Наряду с г.Зарандж, административным центром провинции Нимруз, г.Чахансур является наиболее крупным населенным пунктом этой провинции.
- (25) Гафферберг Э.Г. Белуджи Туркменской ССР/под ред. С.М.Амбарзона. Л., Наука, 1969.
- (26) Зарубин И.И. К изучению белуджского языка и фольклора. Записки коллегии востоковедов. Т.5, Л., 1930.

(27) На территории Туркменистана брагуи еще разделены на мелкие группы – айдози, раатзи, иагези, чайнал, керан, мирханзи, сорабзи, сасоли,

II. АФГАНИСТАН В СТРАТЕГИЯХ МИРОВЫХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ДЕРЖАВ

АФГАНИСТАН ПОСЛЕ 2014

А.Л. Мельник*

Афганистан на протяжении последних 40 лет остаётся едва ли не единственной страной в мире, где военные действия с той или иной интенсивностью продолжаются непрерывно. Объяснений этому феномену – множество. На сегодняшний день в России существует масса специалистов по Афганистану, масса людей, побывавших, поработавших там в то или иное время. У каждого из них существует своя точка зрения, свой взгляд на то или иное событие в этой стране. Кто-то даёт в аналитических работах (или мемуарах) более-менее целостную картину, кто-то - фрагментарную. Но всё же их всех объединяет один аспект: абсолютное большинство специалистов-авторов по Афганистану обращены в прошлое этой страны.

Однако сегодня весьма востребован современный анализ ситуации в этой стране и перспектив на будущее, с учетом тех новых геополитических реалий, которые складываются на наших глазах в начале XXI века, а именно: крах мировой коммунистической системы, переход от двухполярного к многополярному миру, выход на мировую арену новых мощных региональных держав.

* Мельник Аркадий Леонидович - востоковед-публицист, преподаватель факультета Востоковедения в Кубанском государственном университете

В этой связи хотел бы кратко изложить свой собственный взгляд на проблему урегулирования ситуации вокруг Афганистана и в самой этой стране.

Если вкратце обрисовать матрицу "урегулирования в Афганистане" (хотя эта тема актуальна вот уже на протяжении 40 лет, - в этом году в июле как раз исполнилась годовщина переворота Дауда 1973г), то, по моему мнению, - в идеале - она выглядит следующим образом:

1. Проведение форума на высшем уровне в Центральной Азии с участием Китая, Индии, России, Ирана, Пакистана, Афганистана, а также Таджикистана, Узбекистана, Туркмении, Киргизии, где письменно закрепить положение о незыблемости сложившихся на сегодняшний день границ между государствами данного региона.

2. Заключение отдельного договора между Афганистаном и Пакистаном, направленного на урегулирование проблемы Линии Дюранда, превращение её в границу мира, с пакетом мер по налаживанию цивилизованного (т.е. подконтрольного) пересечения границы между двумя странами: пограничные и таможенные посты и т.д.

3. Вывод иностранных войск из Афганистана.

4. Демилитаризация Афганистана.

5. Постепенный перевод (разработка программы) на оседлый образ жизни кочевников, пересекающих границы между 2-мя странами (т.е. открытие новых предприятий и создание около 1 млн. новых рабочих мест)

6. Обязательство Пакистана уничтожить базу войны против Афганистана (лагеря подготовки, медресе, структуры и планы Межведомственной разведки Пакистана на афганском направлении) на своей территории и международный контроль за исполнением одного. Принятие против Пакистана экономических санкций (как это принято в международной практике) в случае невыполнения им своих обязательств в отношении Афганистана. Печальная история

начатого в июне 1982г. женевского переговорного процесса по урегулированию ситуации вокруг Афганистана показала, что достигнутые договорённости выполняются лишь тогда, когда за ними следуют практические действия [1].

Таковы в целом общие положения, которые представляются обязательными и предварительными для предприятия вообще каких-либо шагов в этом направлении. В противном случае – неприятия этого комплексного плана – проблема Афганистана будет «заморожена» и «законсервирована», и таким образом, будут созданы предпосылки для бесконечного продолжения конфликта в будущем.

Разумеется, данная схема не может быть одномоментным актом, претворённым в жизнь в течение одного, скажем, года. Она рисует только общий вектор движения, рассчитанный на длительную перспективу, лет на 20-30 вперёд.

Если вкратце, так же по пунктам объяснить, почему надо поступать так, а не иначе, почему другой алгоритм действий в отношении Афганистана обречён на провал, то мы увидим:

1. Проведение такого форума должно состояться по аналогии Хельсинского 1975г. Совещания по Безопасности и Сотрудничеству в Европе, который закрепил бы принцип невмешательства во внутренние дела друг друга, отказа от территориальных претензий друг к другу, воспрещения предоставления политического убежища оппозиции соседних стран и обязательства государств не преследовать внутреннюю политическую оппозицию. В качестве предпосылок проведению такого форума могло бы быть отдельное заключение Афганистаном двусторонних договоров со своими соседями (Афганистан-Иран, Афганистан-Туркменистан, Афганистан-Узбекистан, Афганистан-Таджикистан) о дружбе и сотрудничестве.

2. Доставшиеся в наследство от колониализма нынешние границы государств в этом регионе являются источником

напряжённости между ними и оспариваются сторонами с момента обретения ими независимости от Британии в 1947г. так как считается, что они были навязаны силой. В частности, между Афганистаном и Пакистаном оспаривается линия Дюранда, и этот спор шёл не только во времена шаха, но и во времена революционной власти. Точки над і не проставлены до сих пор. Ясно не прояснив себе этот момент, нельзя понять то обстоятельство, почему Пакистан с момента своего зарождения как государство, стал плацдармом ведения необъявленной войны против своего соседа, почему Пакистан с такой «легкостью» во времена холодной войны вошёл в объятия США и почему он с такой озабоченностью воспринял вторжение советских войск в Афганистан. Не признавая линии Дюранда, получается, что Афганистан претендует почти на половину территории Пакистана. Отсюда – источники той агрессивной государственной политики, которую Пакистан, как более мощное государство, проводит в отношении Афганистана. Я бы назвал это политикой возмездия, одним из основателей которой считаю казнённого премьер-министра Пакистана Зульф리카ра Али Бхутто, отца погибшей БиназарБутто, и которая (политика) продолжается до сих пор.

Решение проблемы Линии Дюранда не должно означать «закрытие границы на замок», прекращение всяких контактов населения по ту и другую сторону этой линии. Такое решение должно быть жестко увязано с прозрачностью границы. Это должно означать такое решение, когда контакты становятся прозрачными, цивилизованными, подконтрольными государственным органам с той и другой стороны, не позволяющим провести оружие и наркотики, деструктивную литературу в одну или другую сторону. Это должно означать такое решение, которое исключает провоз оружия и боеприпасов в Афганистан при сезонной миграции кочевников, исключает подкуп таможенных органов в

Спинбульдаке и Торкхаме, когда за 100\$ в грузовиках можно провезти сколько угодно вооружения. Линия Дюранда, конечно же, не должна означать разделения пуштунского народа. В мире существуют сотни разделённых народов – азербайджанцы, румыны, уйгуры, курды, албанцы и т.д., но мировой опыт показывает, что и при раздельном положении можно жить в условиях мира и развиваться, если созданы условия для мира. Если Афганистан заявит в открытую (чего до сих пор не сделано), что у него нет территориальных претензий к Пакистану, то у последнего не будет необходимости содержать целое подразделение в своей Межведомственной разведке для ведения подрывной деятельности против Афганистана. Это подразделение должно быть расформировано, а инфраструктура (лагеря подготовки и медресе) и источники финансирования (арабские нефтедоллары) этой деятельности должны быть закрыты. Конечно, линия Дюранда является чрезвычайно деликатным вопросом для любого политика в Афганистане, но новые времена требуют отказа от старых политических стереотипов.

3. Что касается вывода иностранных войск из Афганистана, исходить надо из того, что этот вопрос бесспорный, ибо одно только присутствие иностранных войск является одним из главных источников продолжающейся войны в стране; здесь частности могут возникнуть только относительно временного графика вывода (который объявлен к 2014г.), условий и цены этого вывода. Каковы условия вывода войск США из Афганистана? Условия оставления в Афганистане немногочисленных, но высокобоеспособных войск специального назначения? Условия замены выводимых войск контингентами других многочисленных стран? Втягивания России в их число? Переложение бремени материальных и людских потерь на других акторов? И цена вопроса – оставление транзитных пунктов в Манасе (несмотря на объявленный перевод в

Румынию), Ханабаде и Ульяновске? И оставление авиабаз в Афганистане – Кабул, Баграм, Мазари-Шариф, Кандагар, Джалалабад, Герат? В чем смысл стратегического соглашения между США и Афганистаном, заключённого в 2012г., - нет ли там секретных статей?

И смогут ли афганские вооруженные силы удержать внутреннюю ситуацию под контролем в тех условиях, когда им не позволено было за 12 лет присутствия иностранных войск создавать полнокровную армию со всеми необходимыми родами войск: авиацией, артиллерией, бронетехникой? При непрекращающейся подпитке вооруженной оппозиции из Пакистана? Вывод иностранных войск должен быть увязан с прекращением подрывной политики Пакистана против Афганистана.

4. Провести индустриализацию страны невозможно в условиях, когда в ней идёт война. Во-1-ых, в один прекрасный момент то, что с таким трудом будет построено, в мгновение ока может быть взорвано и разрушено. Во-2-ых, для промышленного строительства и обеспечения процесса производства нужны специалисты, кадры. Где их взять в условиях Афганистана, если большинство трудоспособного населения находится под ружьём, и несут военную службу? Для Афганистана – это непозволительная, самоубийственная роскошь в условиях многовековой отсталости держать под ружьём такое количество трудоспособных людей. Нужна конверсия, нужен переход на мирные рельсы, нужно строить, создавать рабочие места. А для этого опять-таки нужен мир, демилитаризация страны, скупка оружия у населения, которые нужно провести постепенно. Комплекс мер может быть широк, в зависимости от конкретного района, например, - на первых порах можно складировать оружие на местах. Сделал шаг в сторону мира (заключил соглашение с племенем, договорился в какой-то конкретной области с Пакистаном) – начал строить какой-то завод... У Афганистана

в этой области есть положительный опыт – опыт политики национального примирения, проводившейся при Наджибулле. Его нужно вспомнить и проводить в жизнь.

5. Пятый пункт непосредственно вытекает из предыдущего. Перевести на оседлый образ жизни кочевников не административными методами (в приказном порядке), а экономически, - наделяя их землёй, создавая новые предприятия, рабочие места, крупные животноводческие предприятия, пункты ветеринарного обслуживания, пункты приёма продуктов овцеводства. Вполне возможно, что кочевничество, как вид традиционной афгано-пакистанской экономики сохранится и в будущем, но он должен постепенно приобретать цивилизованные формы: должна производиться паспортизация кочевников, должна быть созданная электронная база данных кочевников (и взаимодействие органов внутренних дел Афганистана и Пакистана в этой области, - общая база данных миграционных служб, например и т.д.).

6. Пакистан должен пересмотреть свою политику в отношении Афганистана. Времена холодной войны, когда Пакистан был втянут в противостояние двух сверхдержав, безвозвратно прошли. Те внешние угрозы, которые наличествовали для него тогда (существование Советского Союза в его непосредственной близости, присутствие советских войск в Афганистане, революционный режим в Кабуле с его экспансионистскими замашками; Индия, - провозглашавшая в то время курс на некапиталистическое развитие), в настоящее время отсутствуют. Остаются разногласия на уровне двусторонних отношений между двумя странами, которые можно и должно снять при тесном взаимодействии в переговорном процессе. Другое дело, что и в Афганистане и, особенно в Пакистане появилась влиятельная элита, которая сделала войну друг с другом своей профессией и бизнесом и в настоящее время ей не выгодно

перестроиться на мирный лад. Однако общая обстановка в мире и интересы всех задействованных стран в регионе диктуют необходимость такого перехода. Поэтому в регионе нужно поставить дело таким образом, чтобы Пакистан подпадал бы под режим международных санкций (как это делалось в отношении Ливии, Ирака и делается в отношении Сирии и Ирана сегодня), если он не прекратит свою враждебную политику в отношении Афганистана, а лицами, нарушающими эти установления, занялся бы Интерпол. Поэтому вывод иностранных войск из Афганистана следует сопровождать и сменить на неопределённый срок системой международных наблюдателей на границе между двумя странами и системой международного финансового мониторинга этих двух стран, ведь Талибы существуют исключительно за счет иностранных денег и производства наркотиков.

Благоприятствует ли международная обстановка проведению этого комплекса мер в отношении Афганистана? И - да, и - нет. С одной стороны, все страны этого региона заинтересованы в урегулировании обстановки и благотворном экономическом сотрудничестве.

Китай заинтересован в продвижении своих экономических проектов по строительству каракорумского шоссе от Урумчи до Файзабада, Кундуза, Мазари-Шарифа и далее на запад, - возрождение великого шёлкового пути. Он также заинтересован в нормальном функционировании медного месторождения Айнак (провинция Логар), где в 2007г. принадлежащий государству конгломерат-корпорация «Металлургическая группа Китая» заплатила за право вести добычу руды 3,4 миллиарда долларов, то есть на миллиард больше, чем соперничавшие с ним канадцы, европейцы, русские и американцы [2]. В ближайшие двадцать пять лет китайцы планируют добыть около одиннадцати миллионов тонн меди, что составляет треть от всех разведанных запасов

Китая. Предусматривается строительство железнодорожной сети, которая свяжет месторождение с Китаем через Пакистан. К настоящему моменту насчитываются 30 других китайских проектов в Афганистане. Китайская металлургическая корпорация построит электростанцию мощностью в 400 мегаватт и будет вести разработки на большой угольной шахте. Национальные предприятия займутся строительством и созданием инфраструктуры: от школ, дорог и госпиталей до новых мечетей. Заключён контракт между Кабулом и Китайской государственной нефтяной компанией, победившей в конкурентной борьбе и добившейся права на добычу нефти в стране. В течение 25 лет китайская компания будет качать нефть в бассейне реки Аму в местечке Сари-Пуль.

Китай также заинтересован в функционировании порта Гвадар на пакистанском побережье Индийского океана, построенного китайской стороной для обеспечения перевозки энергоносителей из Персидского залива и переданного, кстати, Пакистаном в начале 2013г. в полное управление Китаем. Он также заинтересован в нераспространении исламского фундаментализма в 20-миллионном Синьцзян-Уйгурском автономном округе. Начиная с 2002г. Китай ежегодно проводит с Индией регулярные двухсторонние встречи и консультации по положению в Афганистане и выработке мер по противодействию терроризму и наркотрафику.

8 июня 2012г. Китай заключил с Афганистаном Соглашение о стратегическом партнёрстве. Индия заключила 4 октября 2011г. с Афганистаном Соглашение о стратегическом партнёрстве и участвует пока что в строительстве плотин (провинция Герат), школ, в обучении афганского военного персонала [3].

Пакистан заинтересован в продвижении проекта туркменского газопровода Туркмения – Пакистан (Кушка –

Герат - Кандагар – Спинбульдак – Чаман -Кветта – Карачи), идущего через афганскую территорию (нефтепровод - 2000 км, газопровод - 1300 км) [4].

Иран заинтересован в экспорте своих энергоносителей через Ормузский пролив в сторону Китая и Японии, Тихоокеанского региона. Иранский порт в Чабахаре на побережье Персидского залива строился иранцами специально «под Афганистан». Иран заинтересован в выводе иностранных войск из Афганистана, чтобы снять для себя угрозу агрессии.

Россия заинтересована в мирном Афганистане, чтобы снять угрозу распространения воинствующего ислама и прекращения наркотрафика (как и все остальные страны). Она также заинтересована в расширении своего экономического присутствия в Афганистане, в получении многочисленных выгодных экономических контрактов, у неё здесь – главное преимущество перед другими игроками: основа экономики Афганистана (около 200 объектов) построена по советской технологии [5].

Афганистан заинтересован в собственном развитии и мире.

Всему этому препятствует позиция США, которые продолжают пребывать в периоде мышления однополярного мира и которым представляется невыгодным покидать завоёванный плацдарм в Центральной Азии из-за боязни потерять контроль над баснословными энергетическими ресурсами Каспия, Казахстана, Туркмении, Ирана, Ирака и Персидского залива [6]. Это – главная цель присутствия США в регионе.

Если коснуться положения России в этом формате, то увидим, к сожалению, что оно на сегодняшний день не является положением самостоятельного, независимого (или, во всяком случае, крупного) игрока в этом регионе.

Западный проект, в который Россия была втянута после распада Советского Союза с 1991г. к настоящему времени привёл к тому, что она потеряла статус мировой державы. До 2008г, до вооруженного нападения Грузии на Россию, наше руководство находилось в плену иллюзий западного проекта, и лишь этот конфликт, вкупе с продвижением НАТО на Восток, ПРОв Европе, оказал отрезвляющее воздействие на него. В настоящее время Россия ищет свой собственный проект (или Евразийский – возрождение бывшего Советского Союза на принципиально новых началах, или Азиатский – союз с Китаем). В любом случае – это хорошее знамение. Можно констатировать, что в настоящее время Россия пытается вырваться из тисков Западного проекта.

По опыту недавней работы в Афганистане я знаю, что до недавнего времени Россия была представлена здесь всего лишь (!!!) тремя (это – при том положении, что когда-то Советский Союз построил основу экономики страны!) крупными государственными организациями: «Технопомэкспорт» (осуществляет реконструкцию самой крупной в стране ГЭС Наглу, мощность 100Мгв), «Вертикаль» и ПАНХ (Применение авиации в народном хозяйстве), сотрудничающие с авиацией международных коалиционных сил. Кроме этого, есть ряд частных компаний, осуществляющих мелкие сделки исключительно на свой страх и риск. Компания «Узбекские железные дороги» построила к недавнему

прошлому участок 70 км ж/д от Хайратона до Мазари-Шарифа и в настоящее время эксплуатирует его и обучает местный персонал. Казалось бы, можно только приветствовать. Но есть одно маленькое «но», которое в корне изменяет представление об этой радушной картине. Дело в том, что экономическое сотрудничество этими организациями осуществляется не на основе двухсторонних соглашений Россия-Афганистан (где расчёты велись бы

между странами непосредственно), а финансируется Международным банком, находящимся в Нью-Йорке, и в котором первую скрипку играют США. Не будем говорить: кто платит, - тот и заказывает музыку.

Главное в том, что Международный банк финансирует в первую очередь именно те проекты, которые выгодны не Афганистану как таковому, а приемлемы для обслуживания коалиционных сил в Афганистане. Железная дорога до Мазари-Шарифа обслуживает в первую очередь грузопоток, идущий из Европы через Россию в Афганистан, а ГЭС Наглу обслуживает столицу Кабул, где сконцентрированы главные силы коалиционных войск. Кроме того, практика МБ такова, что проектная документация на реконструкцию того или иного объекта разрабатывается...третьей стороной, как правило, иностранной компанией, которая представления не имеет о возможностях будущего подрядчика. Например, при разработке проекта реконструкции ГЭС Наглу было заложено новейшее оборудование, какое не используется даже в России! Это приводит к непрекращающемуся срыву графика работ, поломке техники, к невозможности обучения компьютерной технике местного персонала, который часто бывает неграмотным и т.д. Таково положение и с железной дорогой.

Представляется, что экономическое сотрудничество между Россией и Афганистаном нужно перевести в другую плоскость – в плоскость заключения договоров непосредственно между двумя странами без привлечения третьих сторон, типа МБ. Далее, такое сотрудничество следует признать государственной политикой и вести его от лица государства (с элементами планирования и плановости на длительную перспективу), а не от лица отдельных российских компаний, которые ищут сиюминутную выгоду и не хотят «возиться» с мелкими проектами (и ведущих дело от случая к случаю). И гвоздём

этой политики следует сделать, прежде всего, экономические интересы России и Афганистана, а не международных коалиционных сил или какой-либо третьей стороны.

Разумеется, известно, что Афганистан - полностью неплатежеспособная сторона. Среди абсолютного большинства населения, начиная от рядовых афганцев и кончая элитой страны, распространена идея безвозмездной помощи со стороны международного сообщества. Просто нужно терпеливо объяснять, что времена социализма с его безвозмездной помощью кончились навсегда. Вместо этого необходимо задействовать другие механизмы расчёта, в том числе бартер. Например, можно реконструировать ТЭС и завод азотных удобрений в Мазари-Шарифе и рассчитываться готовой продукцией (удобрениями), например, можно открыть ветеринарные пункты и рассчитываться за вакцинацию животных шерстью и т.д. Можно использовать газовое месторождение Шиберган как гарант расчётов в отношениях двух стран. Одним словом, инструментарий здесь широк, - была бы только политическая воля.

Отсутствие у России собственной политики в отношении Афганистана грозит нам тем, что: а) нынешнее положение «кипящего котла» в Афганистане сохранится на длительную перспективу и б) Россия (под благовидным предлогом борьбы с наркотиками и терроризмом) может быть втянута в различные авантюры и безрассудства, которые могут закончиться тем, что наша страна станет пушечным мясом для обслуживания интересов ВПК США. И военное присутствие России в Афганистане в принципе не может решать проблему этой страны, а может только усугубить положение, как России, так и Афганистана. Должна пройти жизнь нескольких поколений афганцев, прежде чем сотрется из народной памяти гибель в результате войны 1 млн. афганцев и бедствия 5 млн. беженцев, к появлению которых Советский Союз, поддерживавший коммунистический режим под благовидным

предлогом строительства новой жизни, приложил руку. Не дать себя втянуть ни в какие военные мероприятия, ни в какие ремонтные базы. Транзит грузов НАТО через Россию в Афганистан, базу в Ульяновске, участие компании «Вертикаль» в Афганистане необходимо использовать как мощный рычаг воздействия в формировании и отстаивании своей позиции на афганском направлении, которую вкратце можно охарактеризовать так: экономическому сотрудничеству - да! военному присутствию (участию) - нет!

Говоря о перспективах урегулирования обстановки вокруг Афганистана, необходимо сделать вывод, что новые современные реалии в мире (многополярный мир, усиление позиций Китая и Индии в мире, становление Ирана новой региональной державой, мировой финансовый кризис и невозможность для США и Запада бесконечно нести бремя военных расходов, - о чём красноречиво свидетельствует объявленное решение о выводе коалиционных войск из страны) непременно заставят политических деятелей искать контактов, новых подходов на пути выхода из афганского кризиса. Придётся учитывать интересы крупных игроков в регионе (прежде всего Китая и Индии, Ирана и Пакистана), а не только интересы Запада. России не нужно отказываться от сотрудничества с США, нужно дать США сохранить лицо, приглашая к сотрудничеству, учитывая их особые отношения с Пакистаном, - в деле принуждения последнего к миру. Лейтмотивом любых российско-американских контактов, касающихся Афганистана, должно быть неустанное повторение того, что проблему Афганистана нельзя решить военным путём, а только и только в комплексе, - о чём говорилось выше. И что – заключённые договоры должны соблюдаться - *Pactasuntservanda*, ибо только этот основополагающий принцип гражданского и международного права позволяет обеспечить предсказуемость, которая, в конечном итоге, выгодна всем участникам договора...

И, конечно же, было бы верхом неконструктивности (со всех точек зрения), - решать все эти вопросы без Афганистана или же за спиной Афганистана.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Слинкин М.Ф.* Проблема урегулирования положения вокруг Афганистана (Историко-политический аспект) <http://do.gendocs.ru/docs/index-165712.html> Доступ 22.03.2012
- [2] *Майкл Вайнс (MichaelWines)* Китай готов крупно вложиться в Афганистан <http://inosmi.ru/india/20100107/157408119.html> доступен 07/01/2010
- [3] Афганистан и Индия подписали договор о стратегическом партнерстве. http://rus.ozodi.tj/archive/news_rus_ru/20110901/11266/11266.html?id=24349959 доступен 05.10.2011
- [4] Заседание руководящего комитета проекта газопровода «Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия» (ТАПИ) <http://www.trtrussian.com/ru/newsDetail.aspx?HaberKodu=b4d4557b-5d33-42c8-b64c-aecff5a46a97> доступен 10.07.2013
- [5] Евгений Логинов. Перечень объектов, построенных СССР в Афганистане. <http://vkimo.com/node/222>
- [6] Полный вывод войск из Афганистана не в интересах США – эксперты. <http://www.regnum.ru/news/1685405.html#ixzz2cV1UZR6U> доступен 18.07.2013

ВЛИЯНИЕ ВОЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ В ЗОНЕ ПЛЕМЕН ПАКИСТАНА НА РЕГИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

П.В. Топычканов

В Пакистане начало XXI в. было ознаменовано переменами, которые положили конец практике, существовавшей в течение всей его истории. В 2004 г. вооруженные силы (ВС) Пакистана начали первую масштабную военную операцию на Территории племен федерального управления (Federally Administered Tribal Areas, ТПФУ) [20- Р. 270-271.]. С этого времени началась череда боевых действий на землях, на которые не ступала нога пакистанского солдата с конца 1947 г., когда отсюда были выведены войска в соответствии с соглашением между властями страны и вождями пуштунских племен[5- С. 103.]

Данные перемены непосредственно связаны с операцией «Несокрушимая свобода» («Enduring Freedom»), которая ведется с 2001 г. в соседнем Афганистане. После свержения в 2001 г. режима талибов в Кабуле многие из его сторонников бежали на северо-запад Пакистана. В ТПФУ они не только смогли перегруппироваться и создать базы, но и привлечь на свою сторону часть местного населения. Власти Пакистана, одновременно поддерживавшие усилия западных стран в Афганистане и закрывавшие глаза на то, что происходило на собственной территории, вынуждены были начать более активные действия по двум причинам:

Во-первых, на Пакистан оказывалось сильное давление со стороны США и их союзников по антитеррористической коалиции. Исламабад поддался этому давлению не только из боязни вступить в конфронтацию с США, но и в надежде получить щедрую финансовую и военную помощь в ответ на сотрудничество.

Во-вторых, участвовавшие террористические нападения, в том числе и на главу государства [18- Р. 1-7.], продемонстрировали

Топычканов Петр Владимирович - к.и.н., ст.н.с., ИМЭМО
РАН– Центр международной безопасности; Московский центр
Корнеги – программа ядерное нераспространение.

влияние ситуации в Афганистане и на северо-западе Пакистана на национальную безопасность.

1. Обострение террористической угрозы в Пакистане

Активизация террористов началась в провинциях Белуджистан, Хайбер Пахтунхва (бывшее название – Северо-западная пограничная провинция) и ТПФУ под непосредственным влиянием событий в Афганистане. Затем она произошла и в других частях Пакистана. В определенной степени этому способствовали события 2007 г., связанные с «Лал Масджид» («Красной мечетью») в Исламабаде. В течение многих месяцев в столице страны длилась эпопея, в ходе которой шли переговоры между властями и засевшими в мечети религиозными экстремистами. Закончилось это введением комендантского часа и, наконец, кровопролитным штурмом мечети 10—11 июля.

Абдул Рашид Гази, глава «Лал Масджид», убитый во время штурма, за несколько месяцев до этого сказал на встрече с автором этих строк: «Наши жизни и есть наше оружие». Он надеялся, что пример «Лал Масджид» станет искрой, от которой разгорится общепакистанское движения исламистов [1].

Его надежды не оправдались. Практически нигде за исключением северо-запада не была проявлена солидарность с повстанцами. Вместе с тем, после событий лета 2007 г. радикальное меньшинство стало более агрессивно действовать против властей, силовиков и гражданского населения. Именно в 2007 г. не без влияния «Лал Масджид» произошли следующие изменения в террористической активности:

Если до штурма мятежной мечети, основные теракты происходили в Белуджистане, Хайбер Пахтунхва и ТПФУ, то после него террористы развили активность в Исламабаде, Панджабе и Синде.

В 2007 г. в Пакистане распространилась такая форма терроризма, как атаки смертников, которые до этого были не характерны для страны: за 2007 г. было совершено 57 таких атак против 6 в 2006 г. и 22 в 2002-2006 гг. А в 2008-2013 гг. общее количество акций смертников достигло 235 [22]. 4 декабря 2008 г. впервые в истории страны был зафиксирован теракт с участием

смертницы. Распространенным стало участие в терактах подростков.

Эти особенности отразились на территориальной организации талибов. Обычно центром афганских талибов и международных террористов в Пакистане считалась Кветта, главный город провинции Белуджистан. Согласно докладу бывшего командующего американскими вооруженными силами в Афганистане Стэнли Маккрисла, в Кветте был сформирован совет, состоящий из 15 человек во главе с муллой Омаром, лидером «Талибана» — «Кветтская шура». Этот совет, по словам генерала, управлял военными операциями талибов на территории Афганистана[23].

Однако география арестов показала, что большинство лидеров «Талибана» и «Аль-Каиды» были задержаны в Карачи, главном городе провинции Синда, который одновременно является финансовой столицей, главным портом и крупнейшим пуштунским эксклавом Пакистана. Эти аресты позволяют считать, что «Карачинская шура» уже превосходит «Кветтскую шуру» по значению, если не заменяет ее вовсе [10].

В Пакистане талибы перешли к более активным действиям. В ряде районов провинции Хайбер Пахтунхва и ТПФУ они сумели создать параллельные органы власти, устранив террористическими методами соперников в племенной иерархии. В середине первой декады XXI в. в Пакистане сформировалось собственное движение талибов — «Техрик-е Талибан Пакистан» (Движение талибов Пакистана, ТТП). Именно оно стало главным противником ВС Пакистана. В данной статье рассказывается о крупнейших военных операциях Пакистана, которые были предприняты против ТТП в зоне племен.

1. Операция «Аль Мизан» (2002)

В различных публикациях название «Аль Мизан» («Справедливость») используется в отношении серии военных операций начиная с 2002 г. и заканчивая 2006/2007 гг. [15], однако основные события этой операции произошли в 2002 г. Главной целью операции были арест или ликвидация боевиков, воюющих против правительственных сил Пакистана, прежде всего иностранцев.

С начала 2002 г. ВС Пакистана начали вводить войска на территорию агентства Южный Вазиристан (до этого здесь находились два подразделения Пограничного корпуса – «Точинские скауты» и «Южно-Вазиристанские скауты»). В июне 2002 г. власти обратились к племенным вождям с просьбой сообщить им имена местных боевиков, поддерживавших иностранные террористические организации. В результате встреч с вождями и сбора разведывательной информации удалось составить список из примерно 70 боевиков, принадлежащих к пуштунскому племени ахмадзаев.

22 июня того же года 11 военнослужащих ВС Пакистана и шесть боевиков Исламского движения Узбекистана (ИДУ) были убиты во время боя в деревне Азам Варсак (Южный Вазиристан). Местные жители, как сообщалось, помогли 30 боевикам уйти с поля боя.

Пять дней спустя ВС Пакистана достигли соглашения с племенами об их уведомлении о грядущих операциях против «Аль-Каиды» и других террористических организаций, с тем чтобы племена сами могли изгнать пришельцев со своей территории до того, как начнется военная операция.

Данное соглашение было нарушено в октябре 2003 г., когда армейское подразделение численностью 2,5 тыс. чел. предприняло штурм деревни Багхар (Южный Вазиристан), в результате которого погибли 31 военный и семь – боевиков (остальные смогли уйти)[24].

8 января 2004 г. подразделения ВС Пакистана провели еще одну такую же операцию в Южном Вазиристане, но при возвращении в армейский лагерь в г. Вана они были обстреляны. В ночь с 8 на 9 января этот лагерь был обстрелян с трех сторон из переносных зенитно-ракетных комплексов (ПЗРК). Обстрелы продолжались в течение нескольких следующих ночей.

2. Операция «Калуша» (2004)

Первая масштабная операция в зоне племен, получившая название «Калуша-1» началась в середине марта 2004 г. со штурма трех домов исламистских лидеров и боевиков Нека Муххаммада Вазира, Хаджи Мухаммада Шарифа, и маульви Нур-ул Ислама в населенном пункте Калуша (Агентство Южный Вазиристан, ТПФУ). Все они подозревались в укрытии иностранных боевиков.

Так, в доме Нур-ул Ислама не раз останавливался Тахир Юлдашев, лидер Исламского движения Узбекистана (ИДУ), поимка или уничтожение которого была одной из главных целей операции. Во время штурма, длившегося несколько часов, погибли десятки людей, однако раненый Т. Юлдашев смог скрыться.

Однако слух о его гибели быстро распространился по Калуше. Вооруженные жители окружили «Южно-Вазиристанских скаутов», осуществлявших операцию. Перекрестный огонь, неизвестно какой стороной спровоцированный, унес жизни 46 «скаутов», по официальным данным, или, по неофициальным, – в два раза больше [11- Р. 22.-23.]. Более 10 «скаутов» были захвачены в заложники, остальные скрылись.

Ответная операция, получившая название «Калуша-2», была начата 16 марта силами регулярной армии при поддержке тяжелой артиллерии, десятка ударных вертолетов «Кобра» и военной авиации. В результате ее были освобождены почти все заложники, убиты около 60 боевиков, задержаны – около 160, бульдозерами срыты 83 дома, принадлежащих боевикам, разрушена ирригационная система.

После завершившейся 28 марта операции, которая помимо района Калуши охватила также районы населенных пунктов Азам Варсак и Шин Варсак, было решено сохранить в регионе группировку войск в составе 10 тыс. регулярных военнослужащих и 3,5 тыс. – бойцов Пограничного корпуса [7]. Всего 80 тыс. военнослужащих были дислоцированы в ТПФУ [2- С. 452.]. Из них – большая часть в трех агентствах: Северный Вазиристан, Южный Вазиристан и Моманд.

Завершение операции «Калуши-2» сопровождалось подписанием так называемого Шакаевского соглашения между боевиками во главе с Неком Муххаммадом Вазиром, прозванным «Че Геварой Ваны», и военными. Данное соглашение подразумевало следующие обязательства сторон:

- Правительство должно было выпустить всех, кто был задержан во время операции.
- Правительство должно было выплатить компенсации за убитых во время операции.

- Правительство должно было выплатить компенсации за разрушения во время операции.
- Правительство обещалось не предпринимать никаких действий против Нека Мухаммада и его соратников.
- Правительство обещалось позволить иностранным «муджахедам» мирно жить на территории Вазиристана.
- Местные «муджахеды» обещались не предпринимать никаких действий против правительства Пакистана.
- Местные «муджахеды» обещались не вести никакую деятельность на территории Афганистана[8- Р. 6.].

Боевики восприняли данное соглашение как доказательство собственной силы и слабости военных. Нек Муххаммад Вазир сказал в этой связи: «Не я к ним пришел, они пришли ко мне. Это показывает, кто кому сдался» [Цит по 15- Р. 34]. Данное соглашение продлилось менее 50 дней. 11 июня 2004 г. военные возобновили боевые действия, а 19 июня Нек Муххаммад Вазир был убит в результате ракетного удара с американского беспилотного летательного аппарата (БЛА.)

В 2004 -2005 гг. были проведены до 70 более-менее крупных военных операций в двух частях Вазиристана. К концу 2004 г., по официальным данным, со стороны ВС погибли 250 чел., а со стороны боевиков – 174, включая арабов, узбеков и чеченцев [11- Р. 30.].

В целом, серия военных операций в зоне племен, по словам ген.-м. М. Шауката Султана Хана, преследовала следующие цели:

- Препятствовать проникновению на территорию Пакистана террористов и преступников и поддерживать внутреннюю стабильность.
- Способствовать интеграции ТПФУ в Пакистан [16- Р. 26.].

Результатом боевых действий стало уничтожение инфраструктуры террористов, которые временно потеряли возможность вести организованные действия, уменьшение проникновения боевиков с территории Афганистана, привлечение большинства племен на сторону Исламабада, общая стабилизация в ТПФУ.

Вместе с тем, изменили свою тактику и боевики. Они стали действовать малыми, слабо связанными между собой группами,

избегающими прямых боестолкновений с вооруженными силами Пакистана. Боевики начали более активно использовать самодельные взрывные устройства (СВУ) и оружие, которое можно было бы применять вне досягаемости средств поражения пакистанских военных (например, ручные противотанковые гранатометы (РПГ) и переносные зенитные ракетные комплексы (ПЗРК)).

3. Операция «Залзала» (2008)

Если в случае «Аль Мизана» соглашение стало завершением военной операции, то в случае операции «Залзала» («Землетресение») – предложением. Речь идет о «Соглашении о мире в Северном Вазиристане», подписанном 5 сентября 2006 г. в Мирамшахе политическим агентом, представляющим одновременно федеральные власти и власти провинции Хайбер Пахтунхва, и племенными старейшинами Северного Вазиристана, а также местными моджахедами, улемами и представителями пуштунского племени утманзаев[9- Р. 19].

По этому соглашению, федеральные власти Пакистана обещали остановить наземные и воздушные операции против боевиков, отпустить боевиков, задержанных в ходе этих операций, воздерживаться от их задержания по обвинению в участии в антиправительственной деятельности в прошлом, ликвидировать новые контрольно-пропускные пункты, а их служащих переместить на старые контрольно-пропускные пункты. Конфискованное в ходе операций вооружение, транспортные средства и прочее имущество боевиков должны быть возвращены. По соглашению, жители региона снова получили право на открытое ношение оружия. Все вопросы в Северном Вазиристане должны были решаться на основании «Постановления о преступлениях в приграничной зоне» 1901 г. и местных обычаев. От пакистанских властей требовалось призвать граждан иностранных государств покинуть Северный Вазиристан. Иностранцы могли и остаться при обязательном условии соблюдения действующего в данной области права.

Мирное соглашение потребовало от местных групп прекратить нападения на представителей властей и правоохранительных органов, отказаться от убийства политических оппонентов. Они должны были вернуть властям захваченные вооружения,

автотранспорт и другое государственное имущество, прекратить проникновение в соседние дистрикты Пакистана и в Афганистан. В последнем случае исключение было сделано для торговых поездок и визитов к родственникам, осуществляемых в соответствии с местными обычаями. Стороны, подписавшие соглашение, обязались создать комиссию из десяти членов – представителей властей Пакистана, племенных старейшин и религиозных лидеров, – для надзора за соблюдением соглашения и консультаций в случае возникновения спорных вопросов.

В августе 2007 г. это соглашение окончательно прекратило свое действие, хотя стороны начали нарушать его условия раньше. Так, в мае 2007 г. подразделения Пограничного корпуса и недавно образованной Группы специальных служб осуществили рейд на тренировочный лагерь боевиков в Зарга Кхеле (Северный Вазиристан). Летом того года негодование боевиков вызвал кровавый штурм «Лал Масджид» в Исламабаде. В августе в Южном Вазиристане были похищены 200 пакистанских военнослужащих. В январе 2008 г. боевики взяли штурмом форт Сарарогха, в котором базировались военные подразделения Пакистана. За этим последовали нападения на форты в Саравакаи, Сплитои, Ладха и некоторых других местах Южного Вазиристана. За всеми этими атаками стоял Байтулла Махсуд, сменивший Нека Муххамада Вазира на посту главы ТТП.

24 января 2008 г. началась активная фаза операции «Залзала», в которой главную роль играла 14-я дивизия сухопутных войск Пакистана. Цель этой операции состояла в поимке и уничтожении Байтуллы Махсуда и близких к нему боевиков. Во время операции использовались моторизованные части, тяжелая артиллерия, танки, бульдозеры и самолеты, а также средства радиоэлектронной борьбы. Ответные действия боевиков помимо диверсионной и террористической активности включали пропагандистские акции (даже в YouTube), результатом которых стал рост негативных настроений среди местного населения.

В мае 2008 г. ВС Пакистана, объявившие об успешном завершении операции, начали вывод войск из зоны боевых действий. К успешно выполненным задачам «Залзалы» можно отнести временное освобождение территории Южного Вазиристана

от боевиков, уничтожение инфраструктуры по подготовке террористов и производству СВУ. При этом, ни Байтулла Махсуд, ни ключевые фигуры ТТП не были ликвидированы. За этот относительный успех население Южного Вазиристана заплатило высокую цену. В одном только январе 2008 г. военные срыли 4 тыс. домов. Они включали не только жилища боевиков, но и здания, находившиеся рядом с объектами террористической инфраструктуры, например предприятия по производству СВУ. Армия уничтожала целые кварталы, базары и другие общественно значимые места с целью наложения коллективного наказания на население, поддерживавшее боевиков. В результате операции 200 тыс. чел. стали внутренними мигрантами[15- Р. 61.].

4. Операция «Рах-е Раст» (2009)

В начале 2009 г. ТТП попыталось укрепить свои позиции в стране, воспользовавшись переходным периодом в стране, связанным с падением режима Первеза Мушаррафа. Новый президент Асиф Али Зардари, заручившись поддержкой основных политических сил, принял решение о мирном соглашении с талибами в долине Сват [3- С. 182-183.], что означало введение законов шариата в этой области (одновременно Верховный суд освободил из-под стражи радикального религиозного лидера Абдул Азиза, открыто выступавшего за превращение страны в «истинно исламское» государство).

Однако пакистанские талибы, предсказуемо воспринявшие это соглашение как признак слабости центральной власти, в апреле 2009 г. захватили соседний округ Бунер. Они пытались расширить зону контроля, изгоняя из захваченных населенных пунктов гражданскую администрацию и уничтожая племенных лидеров.

Весной 2009 г. ВС Пакистана при разведывательной и авиационной поддержке США развернули широкомасштабную операцию «Рах-е Раст» («Путь правды»), результатом которой стало вытеснение талибов из Свата и Бунера и перенос военных действий к границе с Афганистаном – в ТПФУ. Использовались ударные вертолеты, авиация, тяжелая артиллерия. Для освобождения г. Мингора, в котором закрепились около 300 боевиков, были задействованы воздушно-десантные подразделения и части специального назначения, аналогичные американским

«морским котикам». Один из офицеров, командовавший штурмом этого города, сравнил его со Сталинградской битвой.

В результате операции были уничтожены более тысячи экстремистов. Благодаря «Рах-е Раст» к осени 2009 г. была значительно сужена база талибов в Пакистане, что оказало положительное влияние на ситуацию в соседнем Афганистане.

5. Операция «Рах-е Ниджат» (2009)

Активная фаза военной операции «Рах-е Ниджат» («Путь к освобождению») на территории агентства Южный Вазиристан началась 17 октября с ввода около 28 тыс. военных. Хотя увеличение военной группировки на границе этого агентства происходило с середины июня, решение о начале военных действий было принято после серии террористических актов, из которых наиболее провокационным стало нападение на генеральный штаб ВС Пакистана в г. Равалпинди, осуществленное боевиками 10 октября.

Подготовка, начало и протекание операции получили минимальное отражение в официальных выступлениях политических лидеров Пакистана (президента, премьер-министра, глав министерств иностранных дел и обороны). Основным источником информации о событиях в Южном Вазиристане стала Общевойсковая служба по связям с общественностью, возглавляемая ген.-м. Атхаром Аббасом. Именно он еще 16 июня впервые произнес название будущей военной операции и основные задачи, которые в ее рамках должны были решиться. По его словам, главная цель операции – «наказать террористов», что указывает на ответный характер действий военных в данном случае. Перед военными была поставлена задача изолировать «террористов» на территориях ТПФУ, а затем «очистить» от них эти территории и, обеспечив здесь широкое присутствие военных, не допустить возвращения «террористов» [13].

Под «террористами» подразумевались члены и сторонники ТТП, которое возникло в 2006 г. под влиянием событий в соседнем Афганистане и превратилось в достаточно организованную силу к 2007 г. при его руководителе Байтулле Махсуде. Другой целью военной операции стали присутствовавшие в зоне племен члены международных и иностранных террористических организаций,

прежде всего «Аль-Каиды» и ИДУ. Общая численность эти сил оценивалась в 10 тыс. человек.

К началу военной операции были достигнуты определенные успехи благодаря кооперации пакистанских военных с американским контингентом и Международными силами содействия безопасности в Афганистане. Результатом этой кооперации стало уничтожение Байтуллы Махсуда, лидера пакистанских талибов (5 августа), и Т. Юлдашева, лидера ИДУ (27 августа) при помощи американских БЛА[25]. Обезглавливание основных группировок в ТПФУ привело к обострению отношений между различными силами на этих территориях.

Так, Хакимулла Махсуд, возглавивший ТТП после гибели Байтуллы Махсуда, не получил поддержки от маульви Назира и Гул Бахадура, бывших союзников своего предшественника, возглавлявших пуштунские племена ахмадзай и отманзай соответственно. Эти два лидера заявили о нейтралитете в случае ввода пакистанских войск на территории, контролируемые ТТП, что оставило Хакимуллу Махсуда и его сторонников одних перед лицом возможной военной операции в ТПФУ[17].

В этих условиях пакистанские талибы, очевидно, были наименее заинтересованы в провоцировании военных, стоящих на границе ТПФУ, на переход к активной фазе действий. В этой связи вряд ли можно с полной уверенностью говорить о том, что активизация террористической деятельности в сентябре-октябре, и, в частности, террористическая атака на генеральный штаб Пакистана были организованы именно подчиненными Хакимуллы Махсуда, желавшего таким образом отсрочить начало военной операции[4]. Скорее наоборот, эта атака, имевшая ярко выраженный провокационный характер, должна была подтолкнуть ВС к началу военной операции против ТТП. Кроме того, террористическая активность, в результате которой в июле-октябре погибло 677 мирных граждан, негативно сказалась на поддержке талибов мирным населением [26]. По образному выражению Саифуллы Махсуда, эксперта исламабадского Центра изучения ТПФУ, терактами с массовыми жертвами среди мирного населения племенных районов «талибы выстрелили по своим собственным ногам»[21].

Остается открытым вопрос и о том, какие задачи действительно хотело решить военное руководство, введя подразделения ВС в Южный Вазиристан в середине октября, когда здесь начинается зимний период, самыми холодными месяцами которого являются декабрь-февраль. Ведь, если бы оно намеревалось полностью очистить эти территории от террористов и закрепиться здесь, логичнее было бы ввести войска еще в августе, что дало бы им больше времени для решения поставленных задач. Начав же операцию в середине октября, военные, по сути, поставили перед собой жесткие временные рамки, поскольку с середины ноября климатические условия значительно снижают мобильность и эффективность ВС в гористой местности Южного Вазиристана.

Об этом свидетельствуют официальные сообщения, согласно которым вооруженные силы, закрепившиеся на трех направлениях (Джандола – Сарарогха, Шакаи – Каникурам, Размак – Макин), в основном, заняты в поисковых операциях. Надо отметить, что сопротивление талибов при взятии военными оплотов ТТП (Макин, Каникурам, Коткаи) оказалось менее ожесточенным, чем можно было бы ожидать. Так, 6 ноября во время захвата Макина, где, по официальным данным, располагался главный штаб ТТП, погибло 24 боевика, среди которых не оказалось ни одного из руководителей движения.

Снижение интенсивности военной операции в ноябре видно на примере количества уничтоженных талибов в этом месяце. Если в течение первой недели ноября было убито 147 боевиков (в среднем 21 чел. в день), то в течение второй недели – 64 (в среднем 9 чел. в день) [27].

В течение всей военной операции было уничтожено, по приблизительным оценкам, около 300-400 боевиков, сдалось властям значительно меньше. Если вспомнить, что накануне военной операции численность ТТП и их союзников оценивалась в 10 тыс. чел., то становится очевидным ограниченный успех военных. К этому надо добавить, что не был обнаружен ни один из руководителей ТТП и других террористических и экстремистских организаций. В новостях упомянуты задержания и ликвидации либо родственников, либо ближайших помощников этих руководителей, но не они сами [6]. Им, очевидно, удалось уйти, несмотря на то, что

перед началом военной операции Южный Вазиристан был, по словам военных, полностью изолирован.

Можно предположить, что руководство пакистанского Талибана использовало традиционную тактику растворения среди беженцев. Согласно официальным данным, к 16 ноября «было выпущено 11794 денежных карточек для переселенных семей Вазиристана» [19]. Это позволяет говорить о том, что военная операция спровоцировала массовую миграцию, которая для агентства Южный Вазиристан с общей численностью населения около 500 тыс. чел. несомненно является гуманитарной катастрофой. Этой ситуацией могли воспользоваться талибы, которые, растворившись среди беженцев, смогли сохранить костяк организации и основные кадры.

6. Выводы

Возможно, в 2009 г. стал наиболее тяжелым с точки зрения людских потерь за все годы участия Пакистана в антитеррористических усилиях [22]. Несмотря на то, что подобных крупных операций в зоне племен больше не предпринималось, ВС Пакистана ежедневно ведут боевые действия. Примером того, что террористическая угроза не снизилась, свидетельствуют события марта 2013 г. в долине Тира (Северный Вазиристан). В этом месяце ТТП получила контроль над большей частью долины в результате боев. На стороне талибов воевали, по некоторым данным, до 3 тыс. иностранцев, преимущественно узбеков и чеченцев [14].

Другим показательным примером стал штурм центральной тюрьмы в Дера Исмаил Хан, осуществленной от 70-и до ста боевиков ТТП в ночь с 29 на 30 июля 2013 г. В результате этой операции из тюрьмы сбежали 247 человек (из 5 тыс. заключенных), включая около 175 боевиков, из которых около 35 человек имеют репутацию крайне опасных террористов. Начав атаку с серии взрывов, боевики, одетые в форму полицейских, стали обстреливать пункты охраны из стрелкового оружия, минометов и ПЗРК. Подобная атака на тюрьму была осуществлена боевиками 15 апреля 2012 г. в Банну. В тот раз смогло сбежать около 400 чел.

Таким образом, говорить о победе над террористами и экстремистами в ТПФУ преждевременно. Результаты действий военных продемонстрировали необходимость в комплексной

стратегии, о которой пакистанские авторы пишут уже многие годы [28]. Однако действия Исламабада носят, как правило, ответный характер, поскольку являются реакцией на террористические акты и давление союзников по антитеррористической коалиции. В этих действиях сложно найти признаки долгосрочной стратегии, ориентированной на политическую и социально-экономическую интеграцию территории племен в Пакистан. Без подобной стратегии и в отсутствие эффективных институтов власти военные вынуждены растрачивать ресурсы в изматывающем противостоянии с боевиками, использующими партизанскую тактику.

В результате такой политики Пакистан несет тяжелые потери. По официальным данным, с 2001 г. по настоящее время в провинции Хайбер Пахтунхва и ТПФУ погибло около 49 тыс. человек в связи с участием Пакистана в антитеррористической кампании, из них 15,7 тыс. военнослужащих [22]. Оправданы ли эти потери, если после военных операции завершались выводом войск с племенных территорий, которые снова превращались в полунезависимые образования, удобные для использования международными террористическими организациями? Однозначно ответить на этот вопрос трудно. С одной стороны, военные действия не позволили боевикам распространить свою активность за пределы зоны племен. С другой стороны, боевики все еще продолжают свою деятельность против Исламабада

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Архинов И.* У нас 10000 солдат — это все наши студенты // Русский Newsweek. 16 июл. 2007; Топычканов П.В. Красная мечеть требует, угрожает, действует // НГ-Религии. 30 июн. 2007; Москаленко В.Н., Топычканов П.В. Пакистан после «Красной мечети» // Институт Ближнего Востока. — 24 авг. 2007 г. (<http://www.iimes.ru/?p=6126>).
- [2] *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н.* История Пакистана. XX век. — М.: Институт востоковедения РАН, 2008.

- [3] *Белокреницкий В.Я.* Особенности внешнеполитического процесса в современном Пакистане // Ближний Восток и современность. Сб. статей. Вып. 41. М., 2010.
- [4] *Кирсанов Е.Е.* Пакистан: закат «Аль-Каиды»? // Институт Ближнего Востока. – 16 окт. 2009 (<http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/16-10-09b.htm>); Сотников В.И. Усиление террористической деятельности в Пакистане и возможные результаты новой военной операции пакистанской армии против боевиков «Талибана» в Южном Вазиристане // Институт Ближнего Востока. - 18 окт. 2009 (<http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/18-10-09a.htm>).
- [5] *Топычканов П.В.* Вооруженные силы Пакистана. Создание, современное состояние, функции // Мир цвета хаки: вооруженные силы в системе государственной власти / Под ред. А.А. Горбунова. – М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2011.
- [6] См., например: Khan F. Police say TTP commander arrested // Daily Times. – 6 Nov., 2009.
- [7] *Ali Z.* Operation Ends in Kaloosha: Militants Release 11 Hostages // Dawn. – 29 Mar., 2004.
- [8] Analysis of Peace Agreements with Militants and Lessons for the Future // Conflict and Peace Studies. – 2011. – Jan.-Mar. – Vol. 4. – No. 1.
- [9] Asia Report N 125 – 11 December 2006: Pakistan's Tribal Areas: Appeasing the Militants. – Brussels: International Crisis Group, 2006. (<http://www.crisisgroup.org/home/getfile.cfm?id=2672&tid=4568&type=pdf&l=1>).
- [10] *Chishti A. K.* Quetta Shura is now Karachi Shura // Daily Times. — 2011. — Jan. 20. (<http://www.militaryphotos.net/forums/showthread.php?121545-OP-Al-Mizan-Pakistan-army-offensive-kills-200>).
- [11] *Gul I.* The Most Dangerous Place: Pakistan's Lawless Frontier. – London: Penguin Book, 2010.
- [12] *Gul I.* Military Operations in ТПФУ since 2004: Achievements and Backlash // Political Violence and Terrorism in South Asia / Ed. by P.I. Cheema, M.H. Nuri, A.R. Malik. – Islamabad: Islamabad Policy Research Institute, 2006.

- [13] Operation Rah-e-Nijat against Baitullah soon: ISPR // Associated Press of Pakistan. – 16 Jun., 2009 (http://www.app.com.pk/en_/index.php?option=com_content&task=view&id=79085&Itemid=2).
- [14] *Iftikhar Firdous*. Outflows from Tirah: Fresh Threats Emerge as Taliban Gain More Ground // *The Express Tribune*. — 2013. — Mar. 22.
- [15] *Jones S.G., Fair C.C.* Counterinsurgency in Pakistan. – Santa Monica: RAND Corporation, 2010. – P. 34; OP Al-Mizan, Pakistan army offensive kills 200+ Taliban // *Militaryphotos.net*
- [16] *Khan M.Sh.Sh.* Pakistan's Struggle Against Domestic and Global Terrorism in the Security Realm // *Political Violence and Terrorism in South Asia* / Ed. by P.I. Cheema, M.H. Nuri, A.R. Malik. – Islamabad: Islamabad Policy Research Institute, 2006. – P. 26.
- [17] *Haroon A.* Operation Rah-e-Nijat (Freedom Path) in South Waziristan // *Pakistan Daily*. - 4 Nov., 2009.
- [18] *Musharraf P.* In the Line of Fire: A Memoir. – London: Simon & Shuster, 2006. – P. 1-7.
- [19] Press Release No 486/2009-ISPR // Inter Services Public Relations. – 16 Nov., 2009.
- [21] *Rashid A.* Descent into Chaos: How the War against Islamic Extremism is being Lost in Pakistan, Afghanistan and Central Asia. – London: Penguin Books, 2008. – P. 270-271.
- [22] *Rupert J., Ahmed K.* Pakistan closes Schools, Colleges After Twin Bombings // *Bloomberg*. – 21 Oct., 2009 (<http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=20601087&sid=awabak7UD3mk>).
- [23] *Sigamony T.J.* 49,000 Casualties in FATA since 2001, SC Told // *Nation*. – 2013. – Mar. 27.
- [24] *Walsh D.* Strategic Balochistan becomes a target in war against Taliban // *The Guardian*. — 2009. — Dec. 21.
- [25] *Witter D.* Uzbek Militancy in Pakistan's Tribal Region: Backgrounder. - 27 Jan., 2011 // *Institute for the Study of War* (http://www.understandingwar.org/sites/default/files/BackgrounderIMU_28Jan.pdf).

ПРИМЕЧАНИЯ

(25) В целом, согласно данным Бюро расследовательской журналистики, в 2004 г. был нанесен 1 удар с БЛА по территории Пакистана, в 2005 г. — 3, в 2006 г. — 3, в 2007 г. — 5, в 2008 г. — 38, в 2009 г. — 55, в 2010 г. — 128, в 2011 г. — 75, в 2012 г. — 48, в 2013 г. — 13. В результате всех 369 ударов погибло от 2500 до 3500 человек, в основном боевиков. Но среди погибших были и мирные жители. В среднем, каждый 4-й погибший в результате ударов БЛА был мирным жителем, а каждый 18-й — ребенком (Pakistan Drone Statistics Visualized. July 2, 2012 / The Bureau of Investigative Journalism //

<http://www.thebureauinvestigates.com/2012/07/02/resources-and-graphs/>).

(26) Рассчитано на основе данных: Casualties of Terrorist Violence in Pakistan // South Asia Terrorist Portal. – 10 Nov., 2009 (<http://www.satp.org/satporgtp/countries/pakistan/database/casualties.htm>).

(27) Рассчитано на основе материалов: Press Release Archive // Inter Services Public Relations (http://www.ispr.gov.pk/front/main.asp?o=t-pr_archive&mon=11&yr=2009&styr=2008).

(28) Одним из ярких примеров является Халид Азиз, автор многочисленных публикаций по проблемам ТПФУ. См. его сайт: Khalid Aziz: A Voice From Peshawar (<http://www.khalidaziz.com/index.php>).

АФГАНИСТАН-ПАКИСТАН: МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

И.Н. Серенко*

Современное состояние и перспективы развития афгано-пакистанского региона находятся в центре внимания всего мирового сообщества в связи с предстоящим в 2014 г. выводом международного контингента США/НАТО из Афганистана. Отечественные эксперты и аналитики, в частности, сравнивают происходящие здесь процессы с колебаниями афгано-пакистанского «маятника нестабильности». Для стабилизации обстановки и формирования региональной системы безопасности необходимо остановить его дальнейшее раскачивание и разрушительное движение или по меньшей мере попытаться достигнуть более или менее сбалансированного равновесного состояния. В противном случае среди вероятных сценариев развития ситуации в афгано-пакистанском ареале нестабильности вполне возможны варианты обвала Пакистана как государства и усиления «неопределенности в Афганистане и во всем регионе к северу от него» [1. С. 18].

Представляется, что для двух государств-соседей наступает время перехода от разрушений и противостояния к поиску точек соприкосновения на основе взаимовыгодного сотрудничества. Важно не упустить шанс и запустить созидательный механизм поступательного экономического развития, направив соперничество между двумя странами в

* **Серенко Ирина Николаевна** – к.п.н., ст. н.с. Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН

мирное русло их социально-экономической трансформации и добрососедского межгосударственного взаимодействия.

Характерной чертой современного развития мировой экономики является ее переход от индустриальной модели к инновационной, основанной на знаниях, образовательных, интеллектуальных и информационных ресурсах субъектов мирового хозяйства. Конкурентные преимущества и экономический успех развитых стран в первую очередь базируются на высокотехнологическом интеллектуальном человеческом капитале, что и детерминирует приоритетную роль образования в развитии современной экономики, заставляя менее развитые субъекты мирового хозяйства включаться в процесс модернизации образовательных систем, обеспечения их интеграции с наукой и производством.

Все это в полной мере можно проследить на примере Пакистана и Афганистана. Так, в Пакистане инновационное развитие государства акцентируется на необходимости формирования кадрового потенциала инженерно-технических специальностей. По официальным данным, в стране действует всего 139 государственных и частных вузов. Студенческий контингент в них превышает 1,6 млн. человек. Из них девушки составляют около 45% всей учащейся молодежи. При этом профессорско-преподавательский состав пакистанских университетов насчитывает более 81 тыс. человек [6. С.ХІ].

Для традиционно аграрной страны приоритеты экономического развития определяют спрос на инженерные кадры в таких активно развивающихся перспективных отраслях, как металлургия, телекоммуникационные технологии, энергетика, транспорт, медицинская техника и фармацевтика. Анализируя отраслевую структуру национального хозяйства Пакистана в XXI веке, отечественные пакистановеды, в частности, отмечают постепенное сокращение вклада в создание ВВП аграрного

сектора экономики и рост удельного веса в этом процессе сферы услуг и индустриальных отраслей, что становится характерной тенденцией для большинства развивающихся стран мира. Так, в 2000-2013 г.г. доля сельского хозяйства в ВВП сократилась в Пакистане соответственно с 27% до 21%, а индустриальных отраслей выросла с 21% до 23% и сферы услуг – с 52% до 56% [2].

В современных условиях глобального экономического развития, основанного на накоплении и применении знаний, образовательный фактор приобретает все большую значимость. Исламская Республика Пакистан предпринимает заметные усилия по включению своей национальной экономики в формирующееся в рамках интеллектуально-инновационной экономической парадигмы глобальное мировое хозяйство.

Выгодное геостратегическое положение этого южно-азиатского государства предопределяет его востребованность не только в масштабах регионального, но и общемирового хозяйства. Близость Пакистана к странам Персидского залива, Западной и Центральной Азии, а также его непосредственное соседство с динамично развивающимися Индией и Китаем, позволяют ему трансформироваться в важнейший торговый, энергетический и транспортный коридор Азии. Однако достижение этого возможно лишь при условии стабилизации ситуации в соседнем Афганистане и обеспечения безопасности в регионе, ибо именно афгано-пакистанское пространство является центром, своего рода связующим мостом Евразии с уникальным транспортно-логистическим потенциалом.

Эффективное, поступательное развитие пакистанской, как впрочем и афганской экономики, их интеграция в общемировое хозяйство требует от государств решения таких неотложных задач, как развитие образования в целом и оптимизацию их высшей школы, в частности. Ведь они

являются важнейшим фактором в создании интеллектуального человеческого капитала, необходимого для перехода в перспективе этих граничащих друг с другом стран к экономике знаний.

Несмотря на предпринимаемые пакистанским государством меры по расширению материальной и учебной базы профессионально-технического и высшего образования, уровень его развития все еще остается довольно низким. Достаточно сказать, что ежегодная потребность пакистанской экономики в квалифицированной рабочей силе исчисляется порядком 950 тыс. специалистов различного профиля. В то время как имеющиеся в стране 1522 профессионально-технических учебных заведений способны предоставить специальную квалифицированную подготовку лишь для 314 тыс. учащихся. [6. С.163].

Развитие профессионально-технического образования среднего и высшего звена сдерживается его недостаточным финансированием, а также низким уровнем грамотности большинства населения страны. Среди пакистанцев в возрастной категории старше 10 лет он, в частности, составляет лишь 58% (мужчины - 69%, женщины – 46%). Данный показатель в городской местности (74%) значительно превышает сельский (49%). Наиболее высокий уровень грамотности (60%) наблюдается в двух пакистанских провинциях: Панджаб и Синд. От них традиционно отстают по этому показателю Хайбер-Пахтунхва (52%) и Белуджистан (46%) [6. С.ХІ].

Пакистан - одна из немногих стран мира, обладающая большим ресурсом дешевой низковозрастной рабочей силы с преобладанием неквалифицированных работников. Из 184,35 млн. пакистанских граждан трудоспособное население составляет, по официальным данным, около 110 млн. человек (в возрастной категории 15-59 лет), т.е. практически 60% всех жителей страны. Более 69 млн. пакистанцев проживают в

городе, остальные (114,48 млн.) – в сельской местности. При некотором снижении прироста населения за последние годы, его уровень все же остается довольно высоким (более 2% в год). Здесь наблюдается активный экспорт рабочей силы преимущественно на Средний Восток, а также значительное использование детского наемного труда. Более 119 млн. пакистанских граждан - это дети и молодежь в возрасте до 30 лет. При этом 11,8% детей в возрастной категории 10-14 лет заняты на рынке труда и лишены возможности получить хотя бы минимальное базовое образование [6. С. 155, 156, 157,160]

Усилия Пакистана по переходу к современной модели экономического развития просматриваются в национальной стратегии государства по реформированию высшего образования «Развитие через экономику знаний» (2011-2015), которое призвано стать ядром инновационных преобразований государства. Данная стратегия направлена на расширение академических функций высшей школы, внедрение в ее структуру научно-исследовательских и инновационных модулей, ее интеграцию с производством и бизнесом.

В стране планируется дальнейшее внедрение системы технологических парков. Здесь уже существуют 5 технопарковых структур в форме многофункциональных комплексов – инкубаторов, действующих на базе государственных высших учебных заведений: Национального университета науки и технологий в Равалпинди (2005), Сельскохозяйственного университета в Файзалабаде (2010), Инженерно-технологического университета в Пешаваре (2010), Института информационных технологий в Исламабаде (2011), Ветеринарного и животноводческого университета в Лахоре (2011) [8.С.30]. Они предназначены для предоставления разнообразных услуг создающимся в стране инновационным предприятиям и фирмам.

Кроме того, в стране разработан проект Национальной политики в области информационно-коммуникационных технологий (2012-2017), предусматривающий внедрение передовых технологий во все сферы социально-экономического развития государства для ускоренного роста и улучшения качества жизни пакистанских граждан. В рамках данной реформы, в частности, планируется осуществить решение следующих задач:

- создать 5 млн. рабочих мест в области информационно-коммуникационных услуг;
- увеличить количество компьютерных пользователей с 10% до 80%;
- осуществить компьютеризацию общеобразовательной и высшей школы;
- увеличить участие женщин в информационно-коммуникационной сфере услуг с 13% до 52%;
- используя информационные технологии, повысить в два раза уровень грамотности среди взрослого населения с упором на обучение жителей сельской местности и представителей социально незащищенных слоев общества;
- добиться удвоения ВВП на душу населения за счет использования передовых технологий в сельском хозяйстве;
- снизить детскую и материнскую смертность на 75% за счет применения в здравоохранении высоких технологий [5.С.10].

Представляется, что пакистанское государство в полной мере осознает необходимость своего перехода к экономике знаний, интеграции в общемировое экономическое пространство. И в этом сложном процессе трансформации Пакистан не может рассчитывать лишь на свои собственные ограниченные возможности. Он пытается опереться на международный опыт инновационного развития через создание специальных экономических зон (СЭЗ), предоставляя иностранным партнерам благоприятные

инвестиционные условия, закрепленные в принятом в стране Законе о СЭЗ (2012).

Стоит отметить, что первая из них возникла в Пакистане (г. Карачи) еще в 1980 году. Приток инвестиций, внедрение новых технологий и инноваций превратили этот город, являющийся столицей пакистанской провинции Синд, в огромный мегаполис, крупнейший индустриальный, финансовый, научный и транспортный центр Пакистана с населением более 18 млн. человек. На его долю приходится 25% от общего объема ВВП страны, 30% добавленной стоимости, создаваемой в промышленности Пакистана, а также 54% налоговых доходов Центрального правительства [4].

Помимо решения экономических задач, связанных с привлечением местного и иностранного капитала, внедрением в отечественное производство новейших мировых научно-технических достижений, их продвижением во внутренние районы страны, увеличением экспортной валютной выручки, расширением внешнеэкономической деятельности и включением Пакистана в систему международного разделения труда, СЭЗ одновременно способствуют достижению таких социальных целей, как повышение жизненного уровня населения, в том числе и через предоставление ему доступа к общему, высшему и профессионально-техническому образованию, снижение уровня безработицы за счет создания новых рабочих мест, развитие национальных трудовых ресурсов и интеллектуального потенциала страны в целом.

Введение в Пакистане Закона о СЭЗ свидетельствует о том, что государство с оптимизмом смотрит в будущее, связывая свое процветание и стабильность с переходом к новой экономике знаний благодаря привлечению в страну иностранных инвестиций и международного опыта инновационного развития. Им, в частности,

предусматривается дальнейшее развитие СЭЗ, как крупных промышленно-жилых городских комплексов с полномасштабными системами образования, науки, транспорта, высокотехнологичного производства и социальными службами. Пакистанское государство стремится проводить политику, ведущую к переливанию современных научных знаний, технологий и профессиональных навыков из СЭЗ в национальные отрасли хозяйства, науку и образование с целью модернизации национальной экономики и развития своего высокообразованного человеческого капитала.

Усилия Пакистана в достижении этих социально-экономических целей просматриваются также в создании предпосылок формирования инфраструктуры доступа к знаниям всех пакистанских граждан. Об этом свидетельствует принятие нового Закона о праве на бесплатное обязательное образование (2012). Им, в частности, предусматривается повышение общеобразовательного уровня населения через привлечение в школу всех детей в возрасте от 5 до 16 лет, а также качественный рост образования путем развития образовательной инфраструктуры, подготовки и повышения квалификации педагогических кадров, соотнесения содержания образования с современными общемировыми стандартами. Кроме того, данным законом предусмотрено сохранение 10-ти процентной квоты для обучения детей из малоимущих семей в частных учебных заведениях. В нем также оговорено наказание для работодателей, использующих наемный детский труд (штраф в пользу государства в размере 50 тыс. пакистанских рупий и 6 месяцев лишения свободы). Предусматривается и усиление государственного контроля за деятельностью частных учебных заведений, ужесточение критериев их регистрации [4].

Закон о специальных экономических зонах направлен на инвестиционное стимулирование индустриально-

инновационного развития страны с привлечением новых современных технологий и международного управленческого опыта. Данным законом закрепляется механизм создания и регулирования как уже имеющихся в стране 22 спецэкономзон (г. Рекодек (2001), г. Сандак (2001), г. Сиалкот (2002), г. Рисалпур (2003) и т. д.), так и вновь образующихся [7].

Большой интерес к ним в связи с выгодным геостратегическим положением Пакистана, находящегося в центре торгового, энергетического и транспортного коридора Азии, проявляют Китай, Турция, Япония и Южная Корея.

Пока, по индексу экономики знаний, являющемуся комплексным показателем эффективности использования государством интеллектуального потенциала в целях его экономического и общественного развития, Пакистан занимает 117 место среди 145 стран мира [10].

При его расчете в рамках разработанной Всемирным банком специальной программы «Знания для развития» (2004) в первую очередь учитываются следующие структурные и качественные показатели:

- условия экономического и институционального режима государства;
- уровень образования и грамотности населения, наличие у него необходимых устойчивых навыков по созданию, распространению и использованию знаний;
- уровень развития национальной инновационной системы;
- уровень развития информационно-коммуникационной инфраструктуры.

Что касается Афганистана, то он не был даже включен в рейтинг стран по индексу экономики знаний, т. к. по своим социально-экономическим показателям, включая образовательный, афганское государство не дотягивает до необходимого минимума. Можно лишь сказать, что по

индексу человеческого развития (2013), определяющего качество жизни граждан, Афганистан занимает всего лишь 175 место среди 186 стран мира, заметно отставая от Пакистана, находящегося в данном рейтинге на 146 позиции [9].

Это объясняется в первую очередь продолжительным, вот уже более чем тридцатилетним кровопролитием в Афганистане и практически полным разрушением инфраструктуры его народного хозяйства, всей национальной системы образования. Так, если в начале 90-х годов XX века количество афганских студентов в высших учебных заведениях страны составляло более 24 тыс. человек, то к 2001 г. оно сократилось до 7 тысяч [11].

Современному Афганистану после правления талибского режима (1996-2001 г.г.), выступавшего против женского образования и использования в обучении широких слоев населения передовой педагогической теории и практики, досталась фактически полностью разрушенная национальная система образования, которую пришлось восстанавливать практически заново. Большинство афганских школ все еще не имеют даже своих зданий и функционируют под открытым небом (60%). Учебные заведения пытаются постепенно восстанавливать при финансовой поддержке международных доноров. В последние годы в стране наблюдается количественный рост учебных заведений. Так, число начальных и средних школ увеличилось с 3400 в 2002 г. до 14 000 учебных заведений в 2011 году. В соответствии с государственной стратегией в области образования предполагается открыть еще 3 000 новых школ в 2014 г. и довести их количество до 23 000 к 2020 г. с целью обеспечения базовым образованием всех детей школьного возраста, в том числе и с помощью сохраняющейся в стране традиционной мусульманской системы обучения. Количество учащихся в религиозных учебных заведениях планируется увеличить с

171,5 тыс. учеников в 2010 г. до 500 тыс. человек к 2020 г. (40% из них – девочки) [3].]

В целом, усилия государства по предоставлению образовательных услуг населению способствовали значительному росту числа учащихся в средней общеобразовательной школе (1-12 классы): с 1 млн. учеников в 2001 г. до 7,1 млн. учащихся (из них 38% - ученицы) в 2010 году [12]. В соответствии с Национальным Планом стратегического развития образования (2010-2014 г.г.) предусматривается значительное увеличение уровня грамотности среди афганцев с 26% (мужчины - 39%, женщины – 12%)- до 48% (54% -среди мужского населения страны, 43% - среди женщин). Кроме того, предусматривается количественный и качественный рост высшей школы за счет внедрения компьютерных и информационных технологий в учебный процесс, включения виртуального и дистанционного образования в его структуру. В целом, по данным Министерства образования Афганистана, в стране функционируют 17 государственных высших учебных заведений и 75 частных. Студенческий контингент предполагается увеличить с 62 тыс., где студентки составляют 21 % всех обучающихся, до 600 тыс. студентов в 2014г.[13].

Для реализации данных стратегических планов Афганистану необходима не только внутренняя стабильность и безопасность, укрепление межгосударственного сотрудничества со своим непосредственным соседом - Пакистаном, но и достижение мира в регионе в целом. Представляется, что сформировавшийся здесь афгано-пакистанский ареал нестабильности возможно нейтрализовать в том числе и за счет подключения к усилиям официальной дипломатии практически неиспользованного еще потенциала народной дипломатии для нормализации межгосударственных отношений и активизации двустороннего сотрудничества, направляя вектор афгано-

пакистанского взаимодействия на его гуманитаризацию, модернизацию образования и развитие современной экономики в этих исламских государствах, имеющих не только общую протяженную границу, но также общую культуру и историю со всеми ее подъемами и падениями. Это будет способствовать выводу афгано-пакистанских отношений в плоскость взаимовыгодного, добрососедского сотрудничества, формированию на этой основе архитектуры региональной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Афганистан и Пакистан: современное состояние и перспективы развития (по материалам рабочего совещания, состоявшегося в Центре изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН 2 апреля 2012 г.). – М.: ФГБУН ИВ РАН, ИБВ, 2012., с. 18.
- [2] *Белокреницкий В.Я., Каменев С.Н.* Пакистан – удастся ли подорвать стабилизацию? Часть 2.// Новое восточное обозрение. 20.10.2013//<http://ru.journal-neo.org/author/sergei-kamenev/>
- [3] Afghanistan Millennium Development Goals for 1399 (2020) [Electronic version]
- [4] Dawn, 05.02.2013. [Electronic version]
- [5] Draft National IT Policy (Revised) 2012. Ministry of Information Technology, Government of Pakistan, Islamabad, 2012, с. 10.
- [6] Economic Survey 2012-2013. [Electronic version]
- [7] Export Processing Zones Authority (EPZA). //www.iin.com.pk
- [8] *Javaid R. Laghari.* Powering the Knowledge Economy. Islamabad, 2012, с. 30
- [9] Human Development Index 2013 [Electronic version]
- [10] KEI and KI Indexes (KAM 2012) [Electronic version]
- [11] National Higher Education Strategic Plan: 2010 – 2014. Ministry of Higher Education Islamic Republic of Afghanistan [Electronic version]
- [12] Progress Report 1389/2010. Ministry of Education, Government of the Islamic Republic of Afghanistan.[Electronic version].

[13] The National Strategic Education Plan (1389-1393/2010-2014). Ministry of Education, Government of the Islamic Republic of Afghanistan. - Kabul, 2010 [Electronic version]

ПАКИСТАНСКИЙ АСПЕКТ АФГАНСКОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ

А.Ю.Умнов *

Возникший в своё время из населённых мусульманами районов Британской Индии, Пакистан до сих пор остается одним из самых хрупких государств мира. Не случайно в начале 1970-х годов Пакистан уже разваливался. Тогда на месте его бывшей Восточной провинции возникло новое государство — Бангладеш. Отношения между оставшимися в составе Пакистана численно и политически преобладающими пенджабцами, с одной стороны, и синдхами, пуштунами и белуджами, с другой, всегда были далёкими от идиллии. Особенно остро при этом стоял пуштунский вопрос. Расселённые в районах граничащих с Афганистаном, пакистанские пуштуны постоянно требовали предоставления себе широкой автономии. Причём отказ властей пойти им навстречу неоднократно приводил к вспышкам борьбы за независимый Пуштунистан.

В своём противоборстве с Исламабадом пакистанские пуштуны всегда опирались на Кабул, который никогда не признавал законность афгано-пакистанской границы, возникшей как преемница рубежа между Афганистаном и Британской Индией, некогда разделившего всех пуштунов на две примерно равные части. После ухода англичан с субконтинента Кабул заявил, что Пакистан не является

* Умнов Александр Юрьевич - к.и.н., старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН.

преемником Британской Индии, а новое государство как таковое должно предоставить оказавшимся в его составе пуштунам право на самоопределение. Пока же такое право (путём референдума) предоставлено не будет, Афганистан отказался признавать границу с Пакистаном.

Обусловленная стремлением продемонстрировать свой «подлинно пуштунский» характер, прежде всего собственным пуштунам, такая позиция Кабула создавала немало проблем для Исламабада. Причём для него было опасно как сильное правительство в Афганистане с пуштунским стержнем, так и слабое правительство, неспособное обеспечить единство страны. Именно таким было опиравшееся главным образом на непуштунов правительство моджахедов, образовавшегося после свержения в 1992 г. Наджибуллы. И именно таким является нынешнее правительство Карзая: он сам, будучи пуштуном, опирается преимущественно на таджиков и узбеков. Из них в основном формируются регулярная армия и полиция.

Дезинтеграция Афганистана чревата стихийным воссоединением пуштунов через афгано-пакистанскую границу, что может серьёзно нарушить этнический баланс внутри Пакистана. Именно это и стало происходить во времена правления моджахедов, когда оказавшиеся после коммунистического переворота в Кабуле и особенно ввода советских войск в Афганистан на пакистанской территории миллионы пуштунских беженцев не пожелали возвратиться к себе на родину.

Отсюда понятна первоначальная заинтересованность Исламабада в «Талибане». Стимулировав возникновение этого религиозно-политического движения, Пакистан рассчитывал восстановить твёрдую пуштунскую власть на юге Афганистана, где численно доминируют пуштуны. Тем самым были бы созданы условия для возвращения беженцев. В то же время контроль непуштунов над Кабулом

предотвращал бы обострение пуштунского вопроса на межгосударственном уровне. Поэтому после утверждения талибов на юге Афганистана Исламабад стал подталкивать их к компромиссу с властями в Кабуле. Однако «Талибан» поломал планы Пакистана, распространив свою власть не только на юг, но также и на север Афганистана. В конце концов, под их контролем оказалось и сердце страны — Кабул. Единственной частью страны, продолжавшей сопротивление талибам, оставался примыкающий к границе с Таджикистаном горный район Панджшера и Бадахшана.

Перед Пакистаном вновь замаячил призрак сильной пуштунской власти в Афганистане, чреватый обострением пуштунского вопроса уже и на межгосударственном уровне. Свержение режима талибов отбросило эту угрозу, но не ликвидировало корни пуштунской проблемы. По существу Пакистан стоит перед ситуацией и угрозами, напоминающими раздел Афганистана между талибами и моджахедами. Поэтому он очень заинтересован в примирении между нынешним правительством в Кабуле и «Талибаном», и на эту заинтересованность Пакистана может опереться Карзай.

ВАРИАНТЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ СИТУАЦИИ В АФГАНИСТАНЕ. РОЛЬ И МЕСТО ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ В УРЕГУЛИРОВАНИИ СИТУАЦИИ В АФГАНИСТАНЕ

Самеулла Пойя*

На протяжении более трех десятилетий Афганистан являлся ареной соперничества мировых и региональных держав, в ходе которого каждая из них продвигала свои

* **Самеулла Пойя** – к.и.н., к.т.н., эксперт «Центра изучения современного Афганистана»

собственные национальные интересы в рамках разного рода геополитических и геоэкономических проектов. Но это соперничество не только не содействовало развитию и не обеспечивало безопасность в Афганистане, но и стало главной причиной сложившейся сегодня ситуация. Сегодняшний Афганистан – это результат противостояния Запада и Востока. Справедливости ради нужно отметить, что недалёковидность и амбициозность афганских политических кругов, традиционно учитывающих и предпочитающих национальным свои корыстные интересы, в итоге вызвали прямое вмешательство мировых держав. Беда в том, что афганские правители традиционно многого ждут от других, но при этом не готовы ничего отдать взамен. Афганистан всегда был интересен державам, но не столько ради покорения этой страны, а именно с точки зрения геополитического местоположения Афганистана, т.к. он является мостом, соединяющим страны Центральной и Южной Азии. Если в XIX веке Афганистан устраивал Англию и Россию в качестве буферной зоны между двумя державами, то в XX веке стал ареной вмешательства империй Запада и Востока. После распада СССР появился дисбаланс сил в мире и в регионе, породивший нового, более опасного и непредсказуемого соперника для США – исламский экстремизм, которого своими же руками лепили американцы. А к XXI веку Афганистан превратился в гнездо исламского экстремизма и источник угрозы не только для стран региона, но и для мира в целом.

С распадом Советского Союза в 1991 году и образованием независимых государств на карте Центральной Азии страны региона, обладающие огромными энергетическими запасами, нуждались не только в реализации своих ресурсов, но и обмене товаров со странами Южной Азии. Афганистан, как главная артерия на этом пути, имел неоспоримое значение и нестабильная обстановка в Афганистане не устраивала ни

одно из государств региона, т.к. это ставило под угрозу безопасность не только афганского общества, но и государств Средней Азии и России. Именно поэтому прежде всего они были обязаны оградить себя от Афганистана, а не интегрироваться с ним. Хотя в современном мире, наоборот, идет процесс интеграции, т.к. мировая практика показывает, что именно интеграционные процессы дают сильный толчок экономике и прогрессу.

В российских политических кругах существует множество вариантов решения афганской проблемы. Приведем наиболее обсуждаемые из них:

Автор популярного проекта индустриализации Афганистана Юрий Крупнов считает: «Модная сегодня стратегия невмешательства России в афганские дела ведёт к фактическому поощрению США и НАТО на организацию военного плацдарма в самом сердце Азии» – и предлагает вывести эту страну на цивилизованный путь развития за счет активного содействия иностранного капитала. Крупнов считает, что необходимо помочь Афганистану интенсивно развиваться и превратиться в индустриально развитую страну. По мнению автора проекта, для этого требуется выработка и применение принципиально новых подходов, которые были бы комплексными и дееспособными в гуманитарной, политико-антропологической и социально-экономической сферах, в конечном счете, способствуя решению задачи построения сильного и процветающего афганского государства. [2].

Согласно проекту индустриализации Афганистана, ее можно будет осуществить при востребовании гигантского кадрового потенциала из числа 100 тысяч афганских иммигрантов, проживающих в России и когда-то получивших образование в советских вузах. Автор считает, что для хорошо выработанного проекта можно найти и материальные средства, однако не уточняет их источников.

Меня как афганца, востребованного по проекту Крупнова, не могут не «порадовать» такие весьма оптимистические и по сути райские проекты для Афганистана, страны, где далеко не каждый знает даже термин «индустриализация». Кроме того я впервые теоретически «вижу» себя в числе потенциальных кадров будущего проекта Крупнова, однако, мягко говоря, сам в этом сильно сомневаюсь, хотя бы по той простой причине, что соглашаюсь с ним же и с президентом Карзаем в том, что американцы приехали в Афганистан надолго и от туда не уедут, а они-то как раз нас там не очень ждут.

Другую точку зрения выражает полномочный представитель президента РФ по Афганистану, долго проработавший в Афганистане, опытный кадровый дипломат Замир Кабулов.

По мнению чиновника, афганцам надо дать самим распоряжаться ресурсами, предоставленными международным сообществом, дабы менять их менталитет, так как ограничение власти и полномочий вырабатывает менталитет зависимости.

Кабулов видит решение афганской проблемы в повышении ответственности власти в условиях ее независимости от внешних сил. Другим аспектом, на котором базируется решение афганской проблемы, Кабулов называет политику национального примирения. При этом он говорит о совершенно неприемлемых условиях для вооруженной оппозиции, а именно: первое - признание Конституции Афганистана; второе - прекращение мятежей [1]. Но как раз именно на этих условиях оппозиция и отвергает любые контакты с официальным Кабулом. Надо отметить, что такая политика национального примирения непродуктивна по сути и содержанию, и Кабулов сам прекрасно помнит политику национального примирения президента Наджибуллы, которую он вел на протяжении всего своего пребывания на посту руководителя Афганского государства. В отличие от

нынешнего курса, Наджибулла не только не ставил какие-либо предварительные условия для примирения с моджахедами, но даже сам готов был отстраниться от власти и передать ее в руки временного правительства. В результате оппозиция, чьи представители находятся сегодня в руководстве страны, отвергла политику национального примирения. В целом, Кабулов четко не выражает геополитические и геоэкономические интересы России в Афганистане. Россия активно не участвует ни в политических процессах, происходящих в Афганистане (не поддерживая ни одну крупную политическую силу), ни в регионально-экономических проектах, связанных с Афганистаном, т.к. США до сих пор блокировали любые возможные проекты с участием российских компаний, да и сама Россия пока неохотно идет на афганский рынок.

Политика России по отношению к Афганистану сводится исключительно к сфере безопасности в странах Центрально-азиатских республик и включает [4]:

- Недопущение «перелива» нестабильности из Афганистана на постсоветскую Центральную Азию.
- Развитие процессов стратегической интеграции в рамках ОДКБ, поддержание гарантий безопасности центрально-азиатским государствам-членам Договора о коллективной безопасности.
- Обеспечение антитеррористического и антинаркотического « пояса безопасности » вокруг Афганистана и в случае вывода сил НАТО и США и неизбежного прихода «Талибана», создание буферной зоны в северных провинциях Афганистана, за счет активной поддержки местных вооруженных народных ополченцев (малиша).

Существует еще один проект, подготовленный в рамках Российского совета по международным делам, «Ситуация в Центральной Азии после возможного вывода коалиционных

войск из Афганистана» [5]. Согласно этому проекту необходима интенсификация оказания помощи Афганистану, нацеленная, в первую очередь, на создание новых рабочих мест. Такая поддержка Афганистану, по замыслу авторов проекта, позволит создать условия для перехода к альтернативному развитию и переориентации экономики с производства опиатов на другие источники дохода, какие – авторы проекта не уточняют, однако добавляют, что безусловным приоритетом в данной сфере должно быть восстановление промышленных объектов, построенных в свое время Советским Союзом, а также направление инвестиций в строительство железных дорог, добычу полезных ископаемых, гидроэнергетику. Все это даст возможность Афганистану самостоятельно развиваться, используя свои ресурсы. Но, как показывает практика, долгие годы, например, идет разговор о проекте развития транспортных сообщений между странами региона через Афганистан, и, несмотря на огромные вливания средств в развитие инфраструктурных проектов по линии МВФ, Азиатского банка развития и т.д., этот проект буксирует, а ведь он имеет огромное значение для экономики Афганистана и стран региона.

У Афганистана есть все шансы стать центром (узловым) путей сообщения между странами Центральной и Южной Азии.

Надо отметить, что первоочередной задачей во всех выше названных проектах является подготовка национальных кадров.

Что касается подготовки национальных кадров Афганистана в области Ж/Д, еще в начале этого года руководство РЖД обратилось с письмом к министру общественных работ Афганистана Наджибулле Ожану, в котором предложили подготовить в вузах России афганские национальные кадры в различных областях Ж/Д сообщения и

пригласили министра посетить Москву. Российская сторона готова участвовать в проектах по строительству железных дорог на территории Афганистана и подготовке афганских специалистов. Уместно отметить, что за всю историю отношений между странами министр общественных работ Афганистана г-н Наджибулла Ожан впервые посетил Москву в конце декабря 2013 года. Он обсудил с руководством РЖД проект железнодорожных сообщений Афганистана.

Национальное управление железных дорог ИРА завершило работу над генеральным планом развития железнодорожного проекта Афганистана. Предусмотрена необходимость в строительстве более 5100 километров железных дорог с последующим соединением страны с региональными и мировыми железно-дорожными сетями. [3].

По итогам московских переговоров было принято решение о создании двусторонней рабочей группы с участием российских и афганских специалистов в целях предметного изучения генплана.

Наряду с возможностью участия российских специалистов в создании транспортной инфраструктуры была рассмотрена возможность привлечения их к осуществлению проекта «Саланг-2», предусматривающего строительство тоннеля-дублёра на горном перевале Саланг с капиталовложением около одного миллиарда долларов. Наджибулла Ожан говорил о механизме финансирования этих проектов и договоренности сторон о создании в Афганистане ВУЗа по подготовке национальных кадров в области Ж/Д.

Существует еще ряд крупных стран Центральной и Юго-Восточной Азии, крайне нуждающихся в налаживании отношений в сферах энергетики и торговли. Существует несколько крупных проектов, таких как газопровод ТАПИ с объемом транспортировки 33 млрд м³ газа в год, стоимость проекта - 7,6 млрд. долл., протяженностью 1640 км, который соединит месторождение Давлетабад, расположенное на юго-

востоке Туркменистана с индийским городом Фазилка. Газопровод должен быть введен в эксплуатацию в 2015г. [6]. Россия долгое время считала, что данный проект является чисто американским и с его реализацией она потеряет контроль над газовыми ресурсами Туркменистана, поэтому в качестве альтернативного проекта поддерживала другой региональный проект – газовый трубопровод из Ирана в Пакистан и Индию (ИПИ). Но в последние годы ситуация вокруг ТАПИ изменилась в связи с выходом из данного проекта крупных американских компаний, и Газпром проявил готовность включиться в реализацию него. В свою очередь, Туркменистан готов к его осуществлению, но на сегодняшний день предпочитает два более безопасных проекта: китайский маршрут и газопроводы в Иран. Таким образом, судьба проекта ТАПИ по-прежнему остается неопределенной.

Другой немалозначимый энергетический проект для Афганистана CASAREM – «Региональный электроэнергетический рынок Центральной Азии и Южной Азии». По сути, этот проект мог бы стать генератором развития отношений между странами региона и интеграции интересов целого ряда государств, включая РФ, в обеспечение безопасности и мира в Афганистане. Так как этим странам сложно обойти Афганистан, то нестабильная ситуация в этой стране не может не беспокоить их. Проект по реализации первого этапа CASAREM, предусматривающего создание необходимой инфраструктуры и систем для передачи электроэнергии, которые позволят осуществить торговлю примерно 1300 МВт электричества между Центральной и Южной Азией по территории Афганистана (которому будет поставляться 300 МВт), известен как CASA-1000 (Central Asia — South Asia) [7]. Доступный объем экспорта, осуществление которого планируется начать в 2016-2027 годы, составляет примерно 5,5 млрд кВт.ч. Стоимость проекта – 950 с лишним миллионов долларов, более половины этой

суммы (до 500 млн. долларов) готова была инвестировать РФ. Но пока этот проект не двигается со стадии обсуждения и декларации.

Названные проекты обеспечили бы атмосферу сотрудничества и интегрировали бы экономику стран региона. Их практическая реализация свела бы на нуль поддержку реакционных сил в Афганистане со стороны Пакистана, так как это страна кровно заинтересована в их реализации.

Пути решения Афганского конфликта обсуждаются не только на высоких государственных уровнях, но и разными международными организациями, институтами, аналитиками и экспертами на симпозиумах и конференциях. Предлагаются разные концепции выхода из политического коллапса, в котором сегодня находится Афганистан. В 2014 году страна выбирает нового президента. От того, какой путь изберет новое руководство страны, зависит и выбор модели выхода из сложившейся ситуации.

Апрельские выборы президента войдут в историю, т.к. впервые афганцы будут свидетелями того, что власть переходит из рук одного президента другому путем всенародного голосования.

Надо отдать должное, что в сложившейся сложной ситуации новый президент должен быть готов взять ответственность за будущее страны и стойко встретить испытания. Победить на выборах одно дело, но получить такое наследство и вывести страну из такого коллапса – задача архисложная. Будущему президенту не только нельзя позавидовать, но можно и посочувствовать. Даже в некоторых, сравнительно благополучных странах, во времена кризиса не все политические лидеры готовы брать на себя ответственность за управление страной, предпочитая находиться в оппозиции. Немало будет значить и поддержка нового президента извне.

В афганском обществе существует множество вариантов для решения афганской проблемы. Наиболее удачные, на мой взгляд, следующие:

1) Сторонники использования национальных ресурсов афганского общества считают целесообразным добиться от США отказа от продолжения политики монополизации в решении афганского конфликта, свертывания своих планов военно-экономической поддержки центрального правительства и полного вывода своего военного контингента. Помимо этого Америка со своим главным союзником в регионе - Пакистаном договариваются о закрытии офисов и баз афганских талибов на территории Пакистана, тем самым вынуждая их покинуть Пакистан. «Талибан» создает свое представительство на территории Афганистана при определенных гарантиях на неприкосновенность и получение политического статуса официальной стороны конфликта. Таким образом, афганский конфликт получает внутриафганский характер. В таком случае все карты для примирения на своих условиях будут в руках правительства Афганистана.

2) Западные страны должны получить мандат Совета безопасности ООН и остаться еще на один срок, США должны вынудить Пакистан полностью разорвать отношения с афганским «Талибаном». Афганская власть, со своей стороны, объявляет некий мораторий на свои исторические претензии к Пакистану для полной нормализации отношений с ним. Во внутренней политике власть должна проводить жесткую диктатуру закона и вести тотальную борьбу с коррупцией, в результате чего важные посты в правительстве и губернаторские кресла потеряют командиры-джихадисты, которые погрязли в коррупции и беззаконии, а на их места должны прийти представители жесткой линии, авторитарно-патриотического толка. За это время с вооруженной оппозицией должна вестись жесткая беспощадная и

непримиримая борьба с главной ставкой на афганскую национальную армию и полицию. Вместо Высшего совета национального примирения стоит создать Комитет из состава силовых структур страны под эгидой Верховного суда для рассмотрения ходатайства о помиловании группировок вооруженной оппозиции, которые добровольно сложат оружие, и только президент страны должен принимать окончательное решение.

Считаю, что Афганистану нужен лидер, который проводил бы неуклонную политику и не вводил бы общество в заблуждение, разделяя талибов на «черных» и «белых», на умеренных и неумеренных, афганских и неафганских. Талибы не имеют окраски и все подчиняются одному «эмиру» Муле Омару. Вести с ними игру примирения нельзя, их называть братьями или обиженными ребятами – контрпродуктивно, это практически ничего не решает. Народ уже устал от двойной политики и требует решительных действий, т.к. до сих пор во имя примирения каждый день погибает народ.

Тот, кто держит оружие в руках и убивает мирных граждан, тот уже вне закона, и власть должна вести с ним борьбу по закону. Враг есть враг, и он должен быть уничтожен даже в «сортире», только такой подход поднимает дух солдата.

Подводя итоги, все причисленные проекты в той или иной степени осуществимы. Но вся ситуация в целом крайне неопределенна. Ясно одно – афганцы сами должны строить свою страну, избавиться от своих проблем. Но для этого требуется сила воли руководства страны, которое должно осознать и принять на себя ответственность за свои решения. Для этого нужна четкая и жесткая программа выхода из политического и экономического кризиса. Афганское общество нуждается в сильном и бескомпромиссном лидере, который не вел бы политику двойного стандарта по

отношению к вооруженной оппозиции и во внешней политике.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Кабулов Замир Набиевич (<http://inotv.rt.com/2011-03-28/NATO-mozhet-zastryat-v-Afganistane>) [2] *Крупнов Ю.В* Международная конференция «Афганистан после 2014 года: вероятные сценарии развития региональной обстановки и стратегия России РИСИ
[3] Самеулла Пойя «Горячая тема недели» (http://dari.ruvr.ru/2013_12_27/126540296/)
[4] Российский совет по международным делам (РСМД). Рабочая тетрадь. Содействие развитию государств центральной Азии: стратегические горизонты российского участия. №10, 2013г.с. 60.
[5] РСМД. Интересы России в Центральной Азии. №10. 2013 г.
[6] <http://afghanistan.ru/doc/70547.html>
[7] <http://www.tazabek.kg/news:344549>

ПРОБЛЕМА АФГАНИСТАНА В ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В ПЕРВЫЙ ПРЕЗИДЕНТСКИЙ СРОК БАРАКА ОБАМЫ (2009-2012 гг.)

Г.В. Мотуз *

Проблема Афганистана досталась администрации Барака Обамы, как и иракская кампания, в наследство от Джорджа Буша младшего. Однако война в Афганистане началась 7 октября 2001 года, то есть вслед за терактами 11 сентября, что оправдывало вторжение практически для всех стран мира, так как Афганистан при талибах стал прибежищем террористов и

* **Мотуз Герман Вацлавович** – магистрант кафедры ТИМО.
Научный руководитель - к.и.н., доцент П.А. Развин

самого Усамы Бин Ладена. И если вторжение в Ирак привело к охлаждению отношений с Европой, то в случае Афганистана в поддержку США выступили буквально все. Так, на призыв США откликнулись даже Франция и Германия, которые отказались участвовать в иракской кампании. Французский контингент, работавший в Афганистане, сначала составлял около 3000 человек, а затем, в начале 2009 года, был увеличен до 3750 человек[3.-С.20].

В свою очередь правительство ФРГ заявило о своей «неограниченной солидарности» с США. Берлин заявил, что «Соединенные Штаты не только заслужили безоговорочную поддержку Германии, но и ее готовность принять участие в военных операциях»[2.-С.34]. Однако уже тогда Г. Шрёдер считал необходимым указать, что немецкое общество стало намного сдержаннее относиться к необходимости проведения военных операций, чем прежде. Таким образом, под эгидой США, в рамках сил поддержки международной безопасности ИСАФ (International Security Assistance Force-ISAF), в афганской кампании приняла участие практически вся Европа.

Администрация Буша в Афганистане проводила оборонительную стратегию, так как считалось, что, учитывая размер доступных войск, потенциальные возможности врага и исторический опыт, подобная стратегия является наилучшим решением. К концу своего срока администрация Буша, осознавая неэффективность избранной в Афганистане тактики действий, начала исследовать возможность какого-нибудь политического согласования в Афганистане.

Что же нового привнес Обама в ситуацию в Афганистане, и как это отразилось на отношениях с Европой? Обама изменил американскую стратегию в Афганистане следующим образом: он отошел от полностью оборонительной стратегии к смешанной стратегии избирательного нападения и обороны, и перевел в Афганистан дополнительные войска (хотя

численность войск США по-прежнему далека от размеров Советской армии, когда она проиграла свою собственную афганскую войну). Таким образом, суть политики Обамы оставалась такой же, как у Буша, за исключением внедрения ограниченного числа наступательных операций. Интересной стала перемена позиции пакистанцев во время первого срока Обамы – они стали проводить более агрессивную политику (или, по крайней мере, они хотели показаться более агрессивными) по отношению к талибам и Аль-Каиде, как минимум, в своих собственных границах. Но даже в этом случае базовая стратегия Обамы оставалась такой же, как у Буша: закрепиться в Афганистане до тех пор, пока политическая ситуация не эволюционирует до того момента, когда можно будет достичь политического соглашения и выйти из конфликта, “сохранив лицо”.

Фактически, «красной нитью» в общении Обамы, с момента прихода к власти, с НАТО и Европой в целом по афганскому вопросу проходило требование к союзникам увеличить их контингенты, однако, на призыв Обамы в декабре 2009 года послать 5.000-10.000 солдат от Европы в качестве поддержки 30.000 солдат, которых, согласно новой стратегии, направили в Афганистан США, он получил лишь обещания со стороны Польши и Британии послать 600 и 500 человек соответственно[5]. Пообещали помощь в меньшем объеме и некоторые другие страны Европы. Однако так и осталась непонятной цифра в 5.000 человек, названная генеральным секретарем НАТО Расмуссеном, которую должны были направить союзники, так как Франция и Германия ясно дали понять, что увеличивать свои контингенты не намерены.

Для лучшего понимания ситуации необходимо подробнее рассмотреть содержание обамовской стратегии[7]. Из неё следует, что: 1) Обама не видит противоречия между собственными словами о коррумпированности афганского

правительства, правившего страной в 2001-2002 гг., и тем фактом, что президент Афганистана Хамид Карзай был утверждён сначала главой переходной афганской администрации как раз в декабре 2001 г., а затем, в июне 2002 г. — временным президентом. Именно ему американцы намереваются передать рычаги управления страной и власть в регионе после «вывода» своих войск. Кроме того, специалисты, видимо, не сообщили Президенту США тот факт, что правительство Карзая, по самым оптимистичным данным, поддерживает лишь треть населения Афганистана, большинство же считает его пребывание у власти несправедливым. 2) Было озвучено намерение США «вступить в переговоры с умеренными талибами». Комментариев по поводу набора критериев данной «умеренности» ни Обама, ни какие-либо другие представители США, разумеется, не предоставили. 3) Президент США прямым текстом заявил о доминировании США в международной политике и признал, что намеревается обеспечивать, в случае необходимости, силовое присутствие в любом регионе мира - будь то Йемен или Сомали. 4) Рассуждая о совершённых «Аль-Каидой» террористических актах 11 сентября 2001 г., Барак Обама заявил, что организация пришла к власти в Афганистане благодаря действиям СССР, который, вместе с имевшей место гражданской войной, «опустошил» Афганистан. При этом в новой стратегии указывалось, что вывод войск коалиции из Афганистана будет завершён к концу 2011 года.

В Европе, на фоне всего этого, приобретали всё больший размах антивоенные настроения. Так, вторая по численности парламентская партия Германии СДПГ в лице председателя Зигмара Габриэля и главы фракции социал-демократов в бундестаге Вальтера Штайнмайера настаивала на немедленном принятии плана вывода военнослужащих бундесвера из Афганистана. Такого же мнения

придерживалась и немецкая Евангелическая лютеранская церковь. С точки зрения ее главы Маргот Кессманн: «Эту войну нельзя ничем оправдать, следует сосредоточиться на борьбе с наркотиками и, если это будет необходимо, вести переговоры с движением Талибан»[1]. Премьер-министр Италии Сильвио Берлускони в сентябре 2009 г. заявил, что Италия в самое ближайшее время займется разработкой закона об одностороннем выводе войск из Афганистана, хотя еще за два года до этого высказывался совсем в ином ключе. Это решение было с восторгом встречено в Италии, и весьма холодно в Вашингтоне. В результате, в ответ на новую стратегию Обамы было принято новое решение об увеличении численности итальянского контингента в декабре 2009 г. Такая двойственность итальянской политики говорит о совершенно несовпадающих взглядах на решение проблемы у США, руководства Италии и итальянского общества.

С не меньшим скептицизмом на участие своей страны в миротворческой миссии в Афганистане смотрели французы. Во время предвыборной кампании 2007 г. кандидат в президенты Николя Саркози пообещал рассмотреть вопрос о выводе войск, однако, впоследствии отказался от своего обещания. В 2009 г. опросы общественного мнения во Франции показали, что более 80% французов выступают против участия в Афганской кампании. В 2007 г. количество противников составляло только 51%. Результатом мощного общественного давления на власть стало компромиссное заявление Саркози, что войска Франция из Афганистана не выведет, но и «не отправит больше ни одного солдата»[1].

В Великобритании – главном европейском союзнике США аналогичным образом нарастали антивоенные настроения. Согласно статистике, 56% её граждан выступали против участия королевских вооруженных сил в военных операциях в Афганистане. Оппозиционерам удалось создать мощное и влиятельное антивоенное движение, которое активно

привлекало на свою сторону вдов и матерей погибших на войне солдат, а также военнослужащих, отказавшихся служить в горячей точке. В августе 2008 г. известный британский дипломат, посол Великобритании в Кабуле Шерард Коупер уже публично отмечал, что: «американская политика в Афганистане обречена на провал». Его заявление вызвало негативную реакцию со стороны США и стало катализатором антивоенных выступлений в Англии.

Правда, следует отметить, что протестные настроения были в Британии не настолько велики, чтобы серьезно влиять на политику правительства в тот момент. В октябре 2009 г. премьер-министр Великобритании Гордон Браун объявил об отправке в Афганистан дополнительно 350 военнослужащих, чтобы увеличить свой контингент до 9,5 тысячи человек, а новый командующий британскими Сухопутными силами Дэвид Ричардс считал, что Великобритания, так или иначе, будет присутствовать в Афганистане «в течение следующих 30-40 лет»[1].

Однако особое внимание следует обратить на заявление министра обороны ФРГ Карла-Теодора Гуттенберга, который в своем интервью газете Bild am Sonntag 26 декабря 2009 года[8] заявил о невозможности построения в Афганистане демократии по западному образцу по причине особенностей исторического развития этой страны. Это заявление можно расценить не только как критику политики США в мире, но и как разочарование в основном постулате западного мировоззрения – универсальности либеральных теорий и ценностей. Подобные заявления из уст министра обороны, человека, который чувствует прямую ответственность за происходящее в Афганистане и обязан профессионально анализировать сложившуюся там обстановку, поскольку будет отвечать лично за погибших солдат или потенциальные теракты, звучат, как минимум, несколько неожиданно. Ранее Гуттенберг был противником привлечения Талибана к

участию в управлении страной, однако, затем он изменил свое мнение. Согласно его выступлениям, привлечение к управлению Афганистаном умеренных талибов является едва ли не единственным возможным путем решения проблемы.

Декабрьский призыв Обамы к своим европейским союзникам об увеличении контингента в Афганистане разительно отличался от заявлений, которые он делал еще в марте 2009 года о том, что войска коалиции должны будут покинуть Афганистан и необходимо обратиться к политике диалога с Талибаном, используя рычаги «мягкой силы». Очевидно, что мартовские заявления были данью тем ожиданиям, которые возлагались на Обаму до выборов, однако изменить радикально заданный Бушем курс было невозможно. Таким образом, несмотря на критику, последовавшую в адрес Обамы со стороны европейских держав и американской общественности, следует рассматривать подобный шаг, как стратегически оправданный – чтобы скорее выйти из войны в Афганистане необходимо разобраться с противником - чтобы разобраться с противником необходимо больше войск. Однако в 2010 г. ситуация в Афганистане лишь ухудшилась (июнь 2010 года стал самым кровавым по потерям - 97 солдат были убиты). И уже в августе 2010 г. военное командование США и НАТО сообщило, что указанные в новой стратегии Обамы сроки вывода войск нереалистичны[4]. В том же августе Голландия, первой из стран коалиции, вывела своих войска из Афганистана.

Спустя два месяца, 20 ноября 2010 г., на саммите НАТО было подписано соглашение между Альянсом и Афганистаном о передаче контроля над безопасностью властям страны в 2014 году, а постепенное и поэтапное сокращение войск, участвующих в ИСАФ, должно было начаться в 2011 году. Правда, отмечалось, что, несмотря на эти договоренности, войска НАТО будут оставаться в

Афганистане до тех пор, пока не будет достигнута победа над Талибаном, однако с 2014 года будут играть вспомогательную роль[4].

11 марта 2011 года началась передача функций контроля безопасности от сил ИСАФ национальным силам Афганистана[12]. Это произошло на фоне трагического инцидента - ошибочных ударов американской авиации по афганской провинции Кунар, в результате которых погибло 73 мирных жителя[11]. Это существенно осложнило взаимоотношения американских войск и афганского народа, что признал сам Обама. Таким образом, конфликт в Афганистане, продемонстрировал, что США могут рассчитывать на Европу, как на своего помощника в деле борьбы с глобальными вызовами в мире, однако «неопацифистская» Европа довольно быстро «устает» от конфликтов и её общественное мнение в итоге вынуждает политических деятелей принимать решения, идущие вразрез с планами Соединенных Штатов.

К концу первого президентского срока Обамы в Афганистане оставалось 130 тысяч человек из международной коалиции. Саммит НАТО в Чикаго, проходивший в мае 2012 года, был во многом посвящен теме вывода войск из Афганистана. Было подтверждено, что войска будут выведены до конца 2014 года, однако ряд стран, в том числе и Франция (с новым президентом Франсуа Олландом), заявили, что выведут свои войска уже к концу 2012 года.

Кроме того, США, Германия и Великобритания договорились организовать фонд помощи афганским силам безопасности. Планируется, что его размер составит 4 млрд. долларов, и половина этой суммы будет представлена со стороны США[10].

Очевидно, что уход коалиции из Афганистана поставит центральное правительство во главе с Х. Карзаем в сложное

положение, однако, вероятно, что создание фонда – не единственная мера, которая будет предпринята до конца 2014 года со стороны США и европейских партнеров по НАТО. Удастся ли Карзаю удержаться у власти? Ответ на этот вопрос станет «лакмусовой бумажкой» для «мягкого» подхода, в котором ощущается европейское влияние...а также влияние сокращающихся военных бюджетов. «Жесткая сила» США худо-бедно удерживала афганское правительство «на плаву», однако активность боевых действий не угасала (за 2011 год в стране от рук боевиков погибло около 3000 человек[9]). Остаётся надеяться, что «мягкий» подход сможет достичь более весомых результатов в плане урегулирования ситуации в Афганистане.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Сотниченко А.* Афганистан: яблоко раздора или поле для сотрудничества // Фонд Питирима Сорокина
URL: <http://www.sorokinfond.ru/index.php?id=1067>
- [2] *Кокеев А.М.* О соотношении европеизма и атлантизма во внешней политике ФРГ // Европеизм и атлантизм в политике стран Европейского союза / Отв. ред. – Н.К. Арбатова. – М.: ИМЭМО РАН, 2009.
- [3] *Зуева К.П.* Французский «евроатлантический проект»// Европеизм и атлантизм в политике стран Европейского союза / Отв. ред. – Н.К. Арбатова. – М.: ИМЭМО РАН, 2009.
- [4] *Снежанова Л.Н.* Афганистан: политика «двойных стандартов» в действии // НИРСИ
URL: <http://www.nirsi.ru/88>
- [5] *Глуценко Ю.Н.* «Афганобамия» – новая стратегия США в отношении Афганистана и Пакистана // РИСИ, 2009
- [6] “На саммите НАТО обсуждают вывод войск из Афганистана” от 20 мая 2012 года
URL:
http://www.bbc.co.uk/russian/international/2012/05/120520_chicago_nato_summit_afghanistan.shtml

- [7] Речь Обамы по поводу новой стратегии в Афганистане от 27 марта 2009 года
URL: <http://middleeast.about.com/od/usmideastpolicy/a/me090327.htm>
- [8] Интервью министра обороны ФРГ Карла-Теодора Гуттенберга газете Bild am Sonntag от 26 декабря 2009 года
URL: <http://www.thelocal.de/national/20091226-24187.html>
- [9] Chicago Summit Declaration on Afghanistan
URL: <http://www.unodc.org/afghanistan/en/Events/chicago-summit-on-afghanistan.html>
- [10] NATO seeks funding for Afghan security forces от 20 апреля 2012 года
URL: <http://www.dw.de/nato-seeks-funding-for-afghan-security-forces/a-15898538-1>
- [11] Karzai urges NATO to "stop operations" in Afghanistan от 12 марта 2011 года
URL: <http://www.alarabiya.net/articles/2011/03/12/141212.html>
- [12] Сайт организации НАТО
URL: <http://www.nato.int>

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ КАМПАНИИ: КАЗУС АФГАНИСТАНА

А.С. Тетерюк, Я.А. Чижевский*

*Авторы выражают
благодарность
И.Н. Тимофееву, первому
координатору проекта
исследования,
Ф.С. Картаеву, научному
консультанту по методологии
исследования.*

Постановка проблемы. Сегодня математические и статистические методы все чаще используются западными и отечественными экспертами в области международных отношений. В рамках ситуационного анализа применяется натуралистический подход и используются методики ивент-анализа, контент-анализа, многомерного статистического анализа. Формальные статистические методы позволяют добиться объективных результатов оценки текущей ситуации. Наиболее часто подобные методы применяются при описании кризисных ситуаций и военных конфликтов. Сегодня Афганистан является одним из наиболее очевидных примеров “кризисных государств”. Положение дел в этой

* **Тетерюк Алексей Сергеевич** – студент магистратуры “Политическая экспертиза и GR - стратегии” МГИМО (У) МИД; **Чижевский Ян Андреевич** – студент магистратуры “Политическая экспертиза и GR - стратегии” МГИМО (У) МИД.

стране и дальнейшие перспективы ее развития активно обсуждаются в экспертном сообществе. В частности, большое внимание уделено намеченному на 2014 г. выводу значительной части контингента коалиционных войск с территории страны. Негативные сценарии будущего Исламской Республики Афганистан (далее – ИРА) вытекают из опасения резкого ухудшения военно-политической ситуации внутри государства, которое может привести к окончательной потере Афганистаном своей государственности в случае прихода движения “Талибан” к власти. Дальнейшее развитие подобного сценария повлечет за собой дестабилизацию всего центрально-азиатского региона. Основаниями для выдвижения подобных гипотез служат противоречивые результаты, которых в стране за все время военной кампании достигли войска международной коалиции во главе с США. Факты доказывают, что эффективность стратегии международной коалиции во главе с Соединенными Штатами в Афганистане можно подвергнуть сомнению. Так, военная кампания в Афганистане уже стала самой продолжительной в истории Соединенных Штатов (более 13 лет, если отсчитывать с октября 2001 г.). Несмотря на то, что было предпринято много усилий и затрачено огромное количество средств (кампания обошлась США в трлн. долларов) в деле разрешения сложившейся ситуации в стране, урегулировать конфликт не удастся. Более того, существуют факты, свидетельствующие об ухудшении ситуации. На текущий момент количество убитых солдат коалиции в стране за 12 лет военных действий составляет более 3тыс.300 человек [18]. В 2013 г., т.е. за девять месяцев, от пуль и мин погибло уже около 150 солдат [18]. (при такой динамике число потерь к концу 2013 г. может составить более 200 человек, что выше показателей, например, за 2005-2006 гг.). [18]. (Напомним, что в эти годы США впервые после успешной операции 2001 года столкнулись со значительным сопротивлением со стороны

талибов. Следовательно, тогда войск были гораздо менее подготовленными.) Количество жертв среди мирного населения по сравнению с 2012 г. выросло на 16%. (1). Коалиционные войска по-прежнему не имеют полного контроля над всеми уездами и провинциями Афганистана, а на восточных и юго-восточных территориях их влияние постепенно нивелируется вооруженной оппозицией (2). Более того, за последние несколько месяцев влияние талибов распространилось и на северные районы страны [4]. Правительственные силы тоже несут значительные потери (за 2012 г. было убито около 3000 полицейских и солдат)[18]. , и, несмотря на достигнутую к зиме 2013 г. численность в 350 тыс. человек, их боеготовность, по мнению ряда экспертов, до сих пор является низкой и сильно завышенной руководством НАТО [1]. Действительно, можно говорить о тактических успехах афганских сил, которые стали более эффективно бороться с вооруженной оппозицией, о чем свидетельствует рост числа операций, которые Афганской национальной армией (далее – АНА) осуществляет самостоятельно. Однако тот факт, что более 70% афганских полицейских и военных не умеют читать и писать (3) заставляет усомниться в возможности АНА достичь стратегических успехов в борьбе против Талибана после вывода коалиционных сил. Подобные негативные результаты вызывают еще больше опасений на фоне скорого вывода практически всех Международных сил содействия безопасности (далее – МССБ) из ИРА, а также постепенной передачи ответственности за обеспечение порядка местным властям, которая продолжается с 2011 г. Учитывая непростые отношения между президентом США Бараком Обамой и президентом Афганистана Хамидом Карзаем, подвергающим жесткой критике действия эффективность сил НАТО)[11], а также отсутствие подписанного двустороннего соглашения о безопасности с США, есть вероятность, что Вашингтон поддержит вариант о

полном вывода войск [6]. Это заявление дает экспертам основания говорить о неизбежности обрушения ситуации в Афганистане и, как следствие, дестабилизации обстановки в соседних центрально-азиатских странах.

Подобных результатов США достигли под руководством демократа Обамы, который планировал кардинально переосмыслить подходы к решению проблемы борьбы с терроризмом на территории ИРА. В 2009 г. президент США предложил многообещающий и совершенно отличный от Буша-мл. подход к афганской проблеме (получивший название “АфПак”), который, по его словам, должен был способствовать нормализации ситуации в Афганском государстве и снижению потерь среди американских солдат. Хотя подход президента США к афганскому конфликту носит комплексный характер, военная составляющая его плана по-прежнему оставалась и остается крайне существенной. Ввиду предстоящего вывода коалиционных сил из Афганистана в 2014 г., неизбежно будут вставать вопросы об оценке эффективности выбранного администрацией Обамы подхода к ведению боевых действий на территории этой страны.

Таким образом, авторы данной работы ставят следующий **исследовательский вопрос**: насколько эффективной является военная стратегия международной коалиции во главе с США на территории Афганистана, принятая при администрации Обамы.

Целью исследования является характеристика эффективности ведения боевых действий МССБ и АНА на территории Афганистана с точки зрения данных о текущих результатах военной кампании сил коалиции.

С целью описания трендов и построения прогноза развития ситуации при определении степени эффективности боевых действий МССБ в Афганистане авторы работы на основе собранных и систематизированных данных проводят ситуационный анализ.

Для целей исследования был выбран *временной период* с января 2009г. по октябрь 2013г., т.е. с года принятия администрацией Обамы новой стратегии по Афганистану (“АфПак”) и по настоящий момент.

Вооруженный конфликт на территории ИРА исследуется с использованием двух количественных методик: инвентаризационного анализа и регрессионного анализа.

В основе *источниковой базы* лежат труды отечественных и зарубежных экспертов по ситуации в Афганистане, таких как В. Коргун, О.Нессар, А.И. Никитин, И.Н. Тимофеев, Ш. Махмуд, А. А.Сушенцов, Н.А. Мендкович, А.А. Казанцев. В работе также использовались статьи, экспертные заключения и исследования аналитиков и ведущих специалистов веб-сайта “Афганистан.ру”, посвященные самым последним новостями, связанными с военно-политическим конфликтом в стране. Помимо этого, использовались ресурсы зарубежного сайта www.globalsecurity.org, посвященного международным конфликтам и многим аспектам военной сферы. Были изучены ежегодные аналитические доклады и послания к Конгрессу США, повествующие о процессе в деле обеспечения стабильности в ИРА. Также авторы использовали и другие веб-сайты, связанные с военной тематикой, такие как <http://warsonline.info/> (“Военный Обзоратель”) и сайт Североатлантического Альянса (<http://www.nato.int/cps/en/natolive/index.htm>), на котором публикуются последние заявления представителей стран по блоку и текущие новости касательно военной кампании в Афганистане. Для уточнения показателей, связанных как с потерями среди иностранного контингента, так и мирных жителей авторы прибегали к данным независимого интернет-сайта, “iCasualties.org” или “IraqCoalitionCasualtyCount”, который был создан для отслеживания потерь, понесённых многонациональной коалицией во главе с США в ходе боевых действий в Ираке и Афганистане. Источники информации

включают в себя научно-аналитические журналы, такие как “Международные процессы”, “Международная жизнь”, “Вестник-МГИМО” и “Россия в глобальной политике”. Важность этих материалов заключается в том, что публикуемые в названных журналах статьи рассматривают Афганистан сквозь призму военно-политических, экономических и международно-политических процессов. Кроме того, авторы статей в перечисленных журналах не только занимаются анализом конфликта в Афганистане, но и высказывают свою позицию по отношению к происходящему, обсуждают заявления видных политических деятелей по данной проблеме и приводят самые последние данные касательно текущей ситуации в стране, что также очень важно для работы.

1. Часть. Количественный ивент-анализ боевых действий на территории Афганистана

Методология исследования представлена количественным ивент-анализом. Ивент-анализ представляет собой количественный метод, который направлен на сбор и обработку информации об отдельных ситуациях, иллюстрирующих в совокупной форме общее состояние дел [2-С.230]. Преимуществом подобной методики является ее эффективное применение для изучения военных конфликтов, когда необходимо сравнение многочисленных различных событий, которые впоследствии агрегируются, подсчитываются и описываются, например, в терминах количества или численности участников. Таким образом, ивент-анализ представляет собой подготовительный этап в проведении исследования, направленный на оценку текущей ситуации в Афганистане и выражение этих оценок в виде конкретных цифр.

Для описания боевых действий на территории Афганистана авторы зафиксировали несколько блоков характеристик следующих показателей:

1) атаки против сил коалиции; 2) атаки повстанцев против мирного населения; 3) атаки повстанцев против должностных лиц;

4) операции коалиционных и афганских сил. Таким образом, была сформирована база данных в виде матрицы размерностью 2600 на 26, где первое число – количество наблюдений по дням, второе - суммарное число ежедневно фиксируемых характеристик.

Результаты количественного инвентаря-анализа

Количественный анализ боевых действий в Афганистане может служить хорошим способом понимания реально происходящих в этой стране событий, что особенно важно с учетом перспективы вывода войск международной коалиции в 2014 г. Ниже приведены количественные показатели и графики, характеризующие ключевые измерения боевых действий в Афганистане в период с 2009 г. по 2013 г. (по конец октября).

1.1. Военные акции талибов / боевые операции коалиционных и афганских сил.

На протяжении периода с января 2009 г. по октябрь-ноябрь 2013 г. наблюдалась следующая динамика боевых действий с обеих сторон:

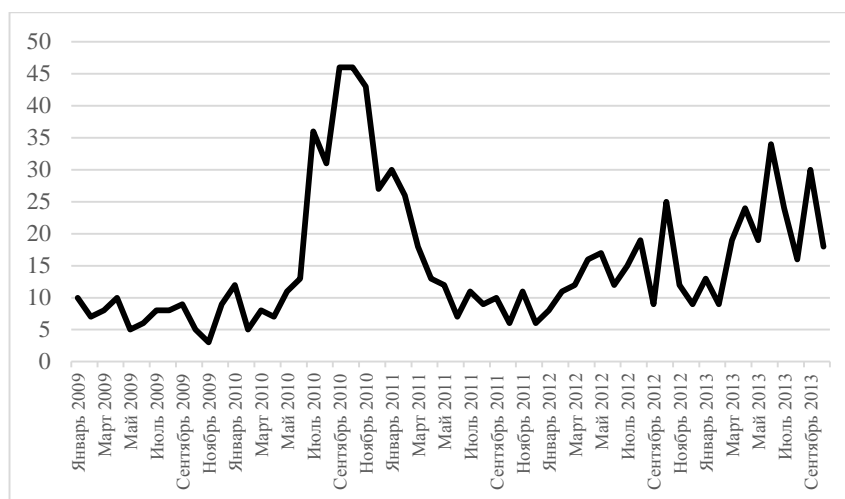

Рис. 1. Атаки талибов против сил коалиции за период с января 2009 по сентябрь 2013.

Из графика видно, что на протяжении всего рассматриваемого периода было зафиксировано несколько сезонов, когда активность оппозиционных сил достигала своего максимума (более 30 атак за месяц):

- 1- Июль-ноябрь 2010 г.;
- 2- Июнь-июль 2013 г.;
- 3- Сентябрь 2013 г.

В 2013 г. с разницей в месяц были отмечены резкие всплески активности талибов (30 акций и более). Зарубежные источники также подтверждают активизацию действий талибов летом 2013 г. [9]. Это объясняется, как минимум, двумя причинами. Во-первых, продолжается постепенное сокращение войск коалиции. Солдаты оставляют базы, провинции и уезды[12]. Это является определенным стимулом для талибов, намеренных за счет определенной неясности, вызванной процессами вывода войск и передачи ответственности войскам Афганистана, максимально быстро усилить свои позиции и продемонстрировать боеспособность. Во-вторых, уменьшение численности МССБ означает все

большее вовлечение многочисленных национальных войск Афганистана в борьбу против Талибана. Следовательно, активность талибов здесь может быть прямо пропорциональна увеличению числа потенциальных целей.

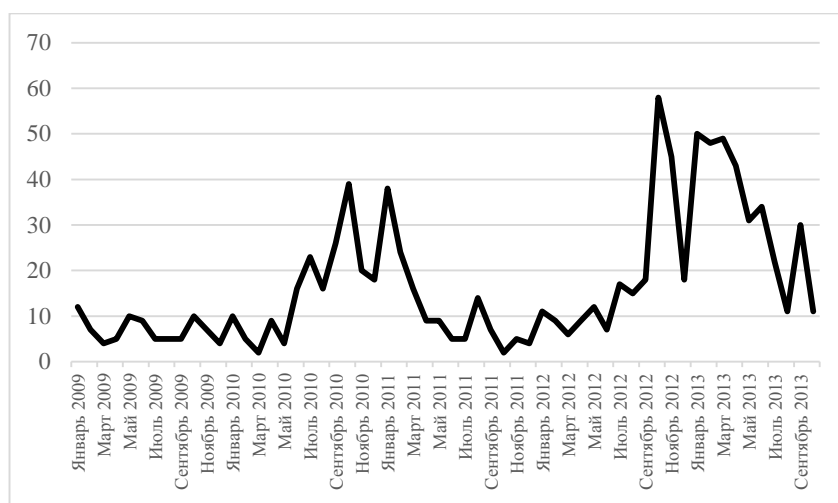

Рис. 2 Операции коалиционных и афганских сил против талибов за период с января 2009 по сентябрь 2013.

Согласно графику, число сухопутных операций достигло наибольшего значения в октябре-ноябре 2012 г., потом произошел определенный спад, но с января 2013 г. на протяжении нескольких месяцев можно было наблюдать интенсификацию военных действий со стороны сил ИСАФ/МССБ. Тем не менее, активность постепенно уменьшается по настоящий момент и достигает того же значения, что и количество атак оппозиционных сил (30 операций в месяц). Это позволяет сделать несколько выводов: На данный момент, количество акций талибов приблизительно равно количеству боевых операций со стороны войск международной коалиции и правительственных сил. Однако, по графику видно, что одни и те же значения достигаются *при увеличении* атак со стороны

инсургентов, но при *уменьшении количества операций* со стороны коалиционных сил. С одной стороны это может быть обусловлено сокращением численности войск МССБ. Однако, значительное количество афганских войск, действующих на территории страны на данный момент, теоретически могло компенсировать недостаточную активность войск коалиции. Но этого не происходит. Вероятно, одной из причин является неэффективная стратегия действий афганских национальная сил.

1.2. Потери коалиционных и правительственных сил

Согласно собранным данным потери коалиционных сил за исследуемый период военной кампанию в Афганистане выглядят следующим образом:

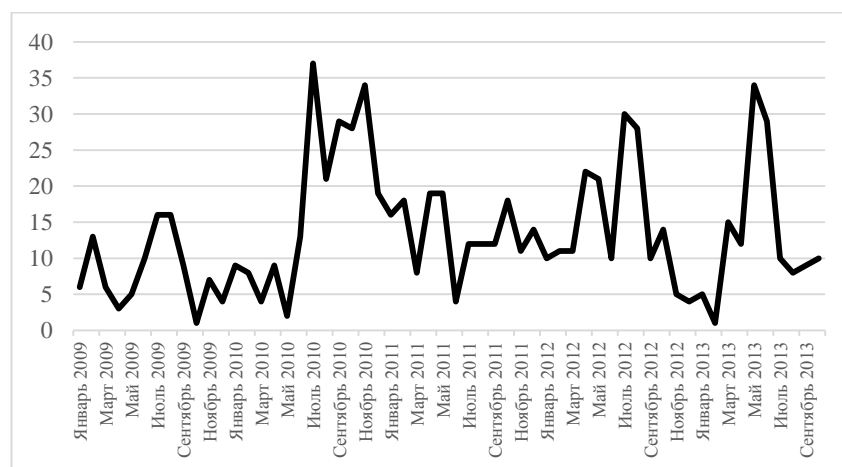

Рис. 3 Динамика потерь коалиционных сил (убитыми) за период с января 2009 по 2013.

График показывает, что за период январь 2009 г. – октябрь-ноября 2013 г. наблюдалось несколько случаев, когда потери коалиционных достигали 30 и более человек в месяц. Применительно к 2013 г. можно выделить значительный рост потерь в период май-июль (34 и 29 убитых). Собранными

авторами данные практически полностью совпадают с зарубежной статистикой (26 убитых в мае и 27 в июне соответственно) [22].

Совокупные потери ИСАФ/МССБ за исследуемый период составили более 2300 человек [18]. Напомним, что с октября 2001 г. по декабрь 2008 г. в ИРА было убито 1049 солдат НАТО. Получается, что за 4 года в этой стране погибло в 2 раза больше военнослужащих, чем за 8 предшествующих лет. Потери США также возросли: 630 за 8 лет против 1590 за время президентства Обамы. Таким образом, при новом президенте США военные потери в Афганистане возросли более чем в 2 раза. С одной стороны, рост числа убитых можно объяснить за счет увеличения численности военного контингента НАТО и, в частности, США. С другой стороны, эти цифры являются доказательством того, что в ИРА Соединенные Штаты и их союзников постигает определенная неудача, выраженная в потерях среди солдат. В результате, демократ Обама, критиковавший в свое время курс Буша в отношении военной стратегии на территории Афганистана, на деле сильно ему проигрывает. Его новый подход к кризису в ИРА не смог обеспечить сокращения числа потерь среди военнослужащих, за что голосовали многие американские граждане. В результате, сегодня около 70% американцев не поддерживают текущую военную кампанию в ИРА, а 50% считает, что она не поспособствовала укреплению национальной безопасности США [23].

На данный момент число иностранных военных в Афганистане составляет 87 тыс. человек, из которых 60 тыс. являются американцами [24]. К весне следующего года планируется сократить это число до 34 тыс. человек. Количество же афганских национальных сил (армия и полиция) к лету 2013 г. составило около 350 тыс. человек. Следовательно, теоретически афганские силы уже достигли того количества, при котором они способны обеспечивать

безопасность в стране и эффективно противостоять движению Талибан. Однако необходимо учитывать не только количественный, но и качественный аспект. К осени 2013 г. под афганским руководством проходило до 93% всех боевых операций (4). Согласно данным, самостоятельность в проведении операций привела к тому, что с 2013 г. уровень потерь среди афганских национальных сил начал стремительно возрастать, достигнув максимума в сентябре (103 погибших, см. рис. 4 Потери афганских сил безопасности, включая охранников). Эта динамика также подтверждается информацией портала <http://www.foxnews.com>, согласно которому в августе - начале сентября уровень потерь среди правительственных

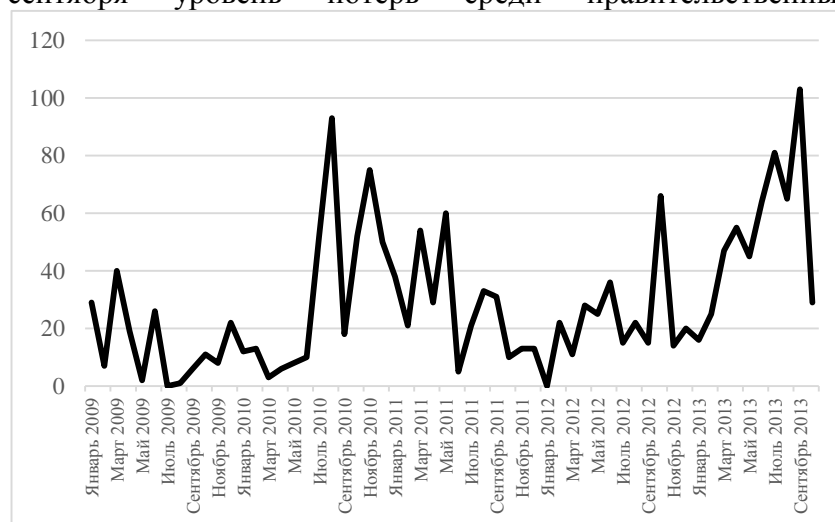

Рис. 4 Потери афганских сил безопасности, включая охранников (убитыми) за период с января 2009 по сентябрь 2013.

сил достиг рекордных отметок на фоне вывода коалиционных сил [16]. Среди причин также называются: неэффективное командование, низкий уровень подготовки войск, сложные погодные условия и низкую оплату военнослужащих.

1.3. Обеспечение порядка на территории страны

Одной из основных задач коалиционные и правительственные силы ставили вытеснение талибов с территории Афганистана. Ввиду этого, за время исследования путем подсчета количества атак и операций в той или иной части страны были выявлены наиболее конфликтные зоны ИРА. В большинстве случаев такими зонами нестабильности стали провинции, расположенные на юге и востоке Афганистана. Следовательно, подавление вооруженной оппозиции именно в этих провинциях представляло собой одну из главных задач ИСАФ/МССБ и АНА.

Порогом выборки подробно анализируемых провинций был принят 5% уровень террористической активности. Таким образом, для более детального анализа были отобраны 9 провинций: Газни, Герат, Гильменд, Нангархар, Кабул, Кандагар, Кундуз, Хост и Бадахшан (активность талибов в этой северной провинции возросла только с 2013 г.). Из 9 провинций две расположены на севере (Кундуз и Бадахшан) и одна (Герат) на западе, все остальные расположены на юге и востоке страны и образуют своеобразную “полосу нестабильности”, граничащую с Пакистаном и служащую убежищем для талибов.

Таблица 1.
Провинции Афганистана, в которых наблюдается наибольшая террористическая активность

Год	Бадахшан (север)	Герат (запад)	Газни (восток)	Гильменд (юг)	Кабул (восток)	Кандагар (юго-восток)	Хост (восток)	Кундуз (север)	Нангархар (восток)
2009	-	5%	5%	10%	5%	12%	5%	6%	6%
2010	-	5%	6%	9%	5%	10%	5%	8%	5%
2011	-	5%	6%	10%	5%	7%	4%	3%	6%
2012	-	6%	5%	11%	3%	9%	5%	3%	6%
2013 по октябрь	9%	6%	7%	10%	7%	8%	5%	4%	9%

Из таблицы 1 видно, что к апрелю 2013 г. только в одной провинции удалось снизить уровень нестабильности до отметки ниже 5% (в Кундузе). Одновременно в 2013 г. участники вооруженной оппозиции активизировали действия еще в одной северной провинции, Бадахшан, в которой раньше такой активности не наблюдалось. На основе этих данных авторы делают заключение, что с задачей по обеспечению безопасности не только на всей территории афганского государства, но, даже в ключевых провинциях ни коалиционные, ни правительственные силы не справились.

1.4. Динамика потерь среди мирного населения

Заняв пост президента в 2009 г., Барак Обама в своем подходе к афганскому кризису отметил важность обеспечения безопасности мирных афганцев, поскольку до этого ей уделялось мало внимания. Ключевой задачей США и их союзников при Буше были поиск и уничтожение террористов “Аль-Каиды” и участников движения “Талибан”, а не защита мирных жителей от их атак. Следовательно, большое количество жертв среди граждан НАТО трактовала или как неизбежные потери в ходе конфликта, или как случайные вследствие неточных авиаударов, военных операций или ночных рейдов. Логичным представляется, что чем больше войска НАТО допускают людских потерь, тем негативнее к ним отношение со стороны всего населения. Поэтому взятие курса на борьбу за обеспечение безопасности жизней мирных жителей могло бы быть рациональным дополнением к продуманной и носящей дипломатический характер стратегии по Афганистану, что выгодно отличало бы ее от стратегии предшественника Обамы. Несмотря на это, ситуация с потерями среди мирных жителей за практически 5 лет выглядит следующим образом:

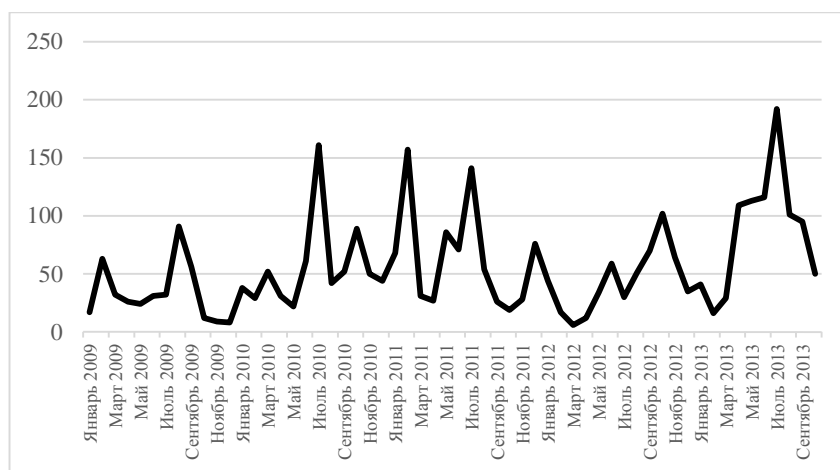

Рис. 5 Динамика потерь среди мирного населения за период с января 2009 по сентябрь 2013

Согласно приведенному графику, за исследуемый период наблюдалось несколько случаев роста числа погибших граждан, однако в 2013 г. этот показатель достиг своего максимального значения. Согласно собранным данным, в период с января по конец ноября 2013 г. в Афганистане погибло более 1100 мирных жителей. Подобная статистика отчасти совпадает с отчетами комиссии ООН в Афганистане, которая отметила 16%-ое возрастание уровня потерь среди населения (25). Таким образом, нельзя говорить об улучшении ситуации с обеспечением безопасности в стране, поскольку число смертей среди мирного населения Афганистана стабильно превышает тысячу человек в год, начиная с 2009 г. Принято считать, что в 80% всех смертей всегда виновна вооруженная оппозиция. Войска НАТО и правительственные вооруженные силы ответственны за 15% смертей, в 5% случаев мирные жители гибнут по иным причинам [26]. Подобное соотношение является определенным успехом, тем более, если учитывать долю погибших по причине действий антиталибских сил за предыдущие годы, когда она порой

достигала 50%. В 2013 г. доля таких потерь составила 14% от общего числа погибших мирных жителей. Следовательно, если анализировать, какая часть мирных афганцев погибает от рук не талибов, то это число сокращается. Однако общее количество убитых мирных граждан по-прежнему остается крайне высоким.

Таким образом, за 2013 г. коалиционные и афганские силы, как и во времена администрации Буша, оказались неспособны эффективно решить вопрос об обеспечении безопасности граждан Афганистана. Учитывая тот факт, что большинство иностранных военных покинет страну к концу 2014 г., нельзя исключать, что проблема защиты мирного населения Афганистана станет еще более острой.

1.5. Динамика потерь среди талибов

При анализе подхода администрации Обамы на предмет эффективности необходимо остановиться на такой важной характеристике, как количество убитых, арестованных и перешедших на сторону правительства талибов.

1.5.1. Потери талибов (убитыми)

За рассматриваемый период были получены следующие результаты относительно потерь среди повстанцев:

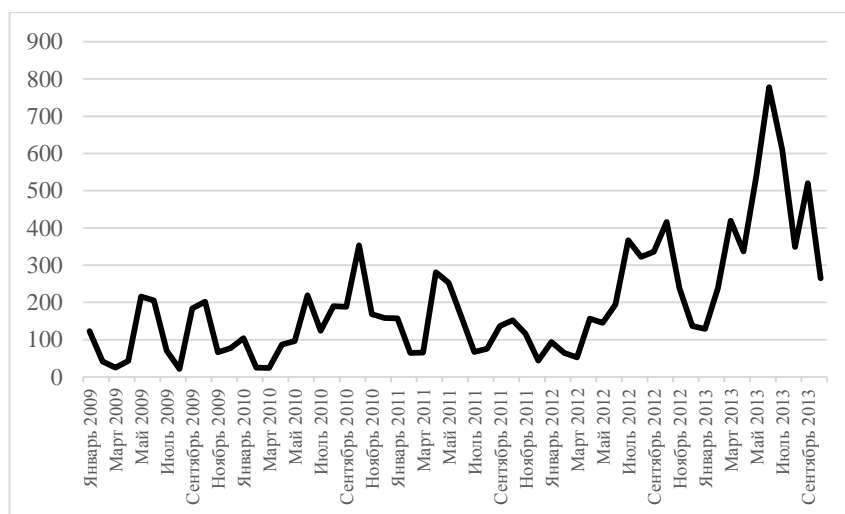

Рис. 6 Динамика потерь среди повстанцев (убитыми) в период с января 2009 по сентябрь 2013.

Начиная с 2009 г. уровень потерь среди боевиков постепенно возрастал, достигнув максимальных значений весной-летом 2013 г. Согласно проведенным оценкам, за период с января по конец ноября 2013 г. число убитых талибов составило около 4300 человек. Наиболее высокие потери движение “Талибан” понесло в период с апреля по июль 2013 г. Военная составляющая по-прежнему является доминирующим аспектом в стратегии западных стран в ИРА. Поэтому достижение высокого показателя убитых со стороны инсургентов на данном направлении деятельности антиталибских сил вполне очевидны. Это позволяет говорить о том, что одна из задач Обамы касательно нормализации ситуации в ИРА, связанная с ослаблением деятельности вооруженной оппозиции (а также ее ликвидации), выполняется, т.е. талибов в стране с годами становится меньше. К сожалению, разрешение афганского кризиса не зависит исключительно от физического уничтожения

враждебно настроенных боевиков, что наглядно показывает по-прежнему высокий уровень гражданских потерь.

1.5.2. Потери талибов (арестованными)

Помимо этого, положительное впечатление производят и данные относительно числа арестованных инсургентов:

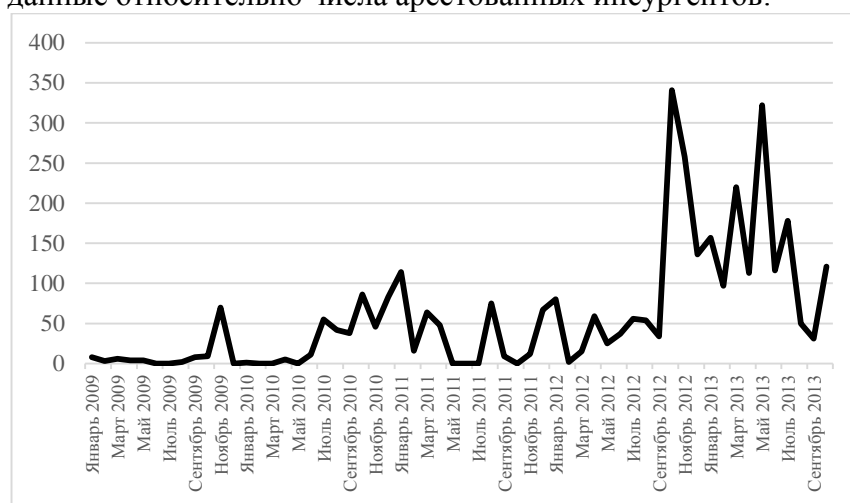

Рис. 7 Данные по пленным талибам за период с января 2009 по сентябрь 2013.

Число арестованных резко возросло к осени 2012 г. и стабильно оставалось высоким до августа 2013 г., после чего произошел некоторый спад. Но с октября показатель вновь увеличивается. По нашим данным, на конец ноября 2013 г. было захвачено 1512 талибов, что несколько уступило показателю за прошлый год. И хотя высокое количество зафиксированных арестов может характеризовать данный способ борьбы с движением “Талибан” как эффективный инструмент вывода из войны членов вооруженной оппозиции, он не способствует уменьшению потерь как среди афганских национальных войск, так и среди мирных граждан.

1.5.3. Потери талибов (вступившие в программу примирения)

С годами еще одним фактором, ослабляющим позиции ДТ, стала так называемая “Программа примирения и реинтеграции в Афганистане”, нацеленная на привлечение умеренно настроенных боевиков на сторону правительства данной страны. Напомним, что неофициально она начала действовать еще в 2009 г., однако была официально утверждена и начала функционировать в 2010 г. Именно с этого года авторами отслеживается данный показатель. На рис. 8 отражены конечные результаты.

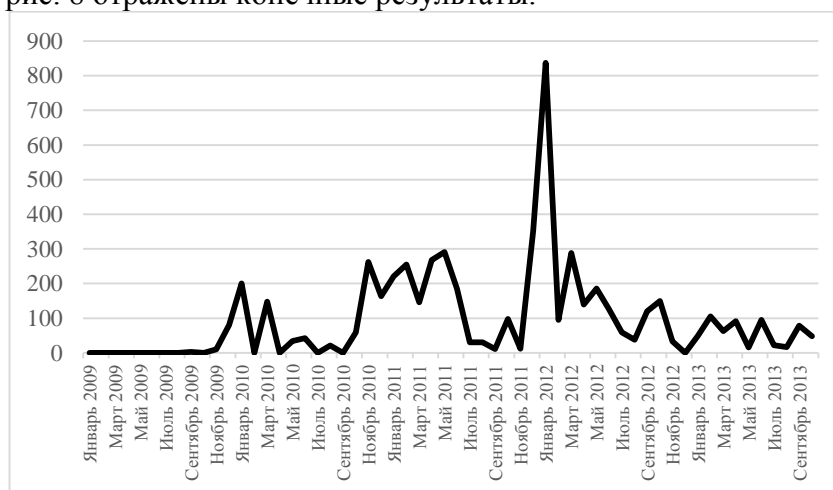

Рис. 8. Количество перешедших на сторону правительства талибов (с 2010 г.)

Согласно графику, ситуация с Программой выглядит неоднозначно. На протяжении рассматриваемого периода она действовала с переменным успехом. Зимой 2012 г. был достигнут поистине знаменательный показатель в более чем 800 человек, решивших сложить оружие. Однако после этого, число талибов, желающих принять участие в Программе, постепенно сокращалось. В 2013 г. число участников программы составило 677 человек, что значительно меньше показателей за 2011-2012 гг. Многие эксперты считают, что данный способ борьбы с Движением наносит скорее

деморализующий эффект не только на рядовых боевиков, но и на командиров Талибана. Видя, как целые группы и крупные отряды товарищей прекращают оказывать сопротивление, многие другие командиры должны задумываться о целесообразности мирной сдачи оружия. Тем не менее, как показывают данные, за последние месяцы ППРА не приводит к существенным результатам, что объясняется рядом причин:

1- Вывод коалиционных сил из Афганистана. Нескончаемая война, длившаяся на территории страны с 2001 г., могла действительно оказывать деморализующий эффект на “умеренных талибов”, уставших от постоянных сражений и уже отчаявшихся дождаться конца войны. В таком случае, денежное вознаграждение и возможность получить работу и начать иную жизнь после сдачи оружия вполне могла служить для них эффективным стимулом. Однако теперь, когда главный враг для большинства талибов, представленный солдатами МССБ, уходит из страны, появилась возможность закончить войну в ближайшие годы, причем на условиях победителей, что означает получение иных и более весомых преимуществ. Судя по всему, опытные участники Движения не рассматривают афганскую армию и полицию как действительно опасную военную силу, что неизбежно воодушевляет их и подталкивает к продолжению ведения боевых действий.

2- Снижению эффективности Программы могло оказать также открытие в июне (пусть и не на продолжительное время) официального представительства движения “Талибан” в Катаре. Сам факт того, что Запад пошел на подобный шаг мог иметь очень сильный психологический эффект на боевиков, расценивших это как появление возможности договориться с враждебными странами на выгодных для себя условиях.

3- Нерешенность проблемы наркотиков. Согласно последним данным, производство опиумного мака в

Афганистане по-прежнему бьет рекорды [7]. Производство наркотиков является наиболее прибыльной деятельностью на территории страны, начать заниматься которой, в теории, может любой желающий. Размер денежных выплат, которые предоставляются вступившим в Программу, гораздо меньше выручки от продажи боевиками наркотиков или торговли оружием (по некоторым данным, зарплаты боевиков от таких видов деятельности колеблются от 200 до 600 долларов) [3]. Это перевешивает любые материальные стимулы, которые предлагает ППРА.

“Программа примирения и реинтеграции в Афганистане” потенциально является действительно сильным и, что немаловажно, гуманным источником снижения нестабильности в Афганистане, но в настоящее время она отягощена рядом слабых сторон, снижающих ее эффективность.

2. Регрессионный анализ динамики конфликта на территории ИРА

В основе *методологии* второго этапа исследования лежит многомерный статистический (регрессионный) анализ. Регрессионный анализ дополняет другие классические методы ситуационного анализа международной проблематики, так как позволяет смоделировать текущие процессы. Весьма часто в прикладных исследованиях возникают вопросы о наличии или отсутствии связи между различными характеристиками параллельно протекающих процессов. Именно эконометрические методы позволяют решить подобные исследовательские задачи.

Многомерный статистический анализ - это совокупность строгих формализованных процедур работы с числовыми базами данных, который позволяет ответить на вопрос о наличии тренда (траектории развития). Цель данного исследования предполагает решения ряда задач, включающих

обнаружение трендов в описанных статистических данных. Для работы с описанной базой данных количественные характеристики были кодифицированы следующим образом:
TerAct(NATO) - атаки против НАТО;
NATO_killed – потери коалиционных сил (убитыми);
ANA_killed – потери афганских сил безопасности, включая охранников (убитыми);
TerAct(Civ) – атаки повстанцев против мирного населения;
Civ_killed – потери среди мирного населения (убитыми);
NATO – операции коалиционных и афганских сил;
Reb_killed – число ликвидированных повстанцев;
Reb_arrested – число арестованных повстанцев;
Reb_surrendered – число повстанцев, перешедших на сторону правительства

2.1 Сезонность боевых действий

Для того, чтобы приблизиться к ответу на заявленный исследовательский вопрос необходимо выявить основные тенденции. Как было отмечено выше, распространено мнение, согласно которому активность Талибов во многом обусловлена сезонностью, другими словами, погодно-климатическими условиями. Подобный тезис изначально отрицает какую-либо результативность боевых действий сил коалиций во главе с США, так как характер боевых действий, боевая обстановка отодвигаются на второй план по сравнению с климатическими условиями. Собранные данные позволяют усомниться в закономерности такого тезиса. Зависимость между двумя векторами (числовыми рядами) эконометрически можно оценить, построив модель по методу наименьших квадратов (далее - МНК).

Оценим методом наименьших квадратов (далее - МНК) зависимость количества терактов, совершаемых талибами, от введенных фиктивных (5) переменных, характеризующих конкретные месяцы:

Модель 1. Зависимость террористической активности боевиков против МССБ и АНА от месяца.

Переменные	Коэффициенты	Ст. ошибки	
Const	12,75	4,16	***
Jan	1,85	3,33	
Feb	-1,15	4,51	
Mar	0,25	4,67	
Apr	1,25	4,90	
May	0,05	4,70	
Jun	1,65	6,16	
Jul	6,05	6,16	
Aug	3,85	5,58	
Sep	8,05	7,87	
Oct	7,25	6,75	
Nov	4,5	5,95	
R ²	0,08		

Качество модели оценивается при помощи показателя R², значение которого принадлежит интервалу от 0 до 1. Чем ближе значение показателя R² к единице, тем выше качество построенной эконометрической модели. Качество крайне низкое, т.к. показатель R² равен 0,08. Выпишем полученное уравнение в стандартном виде:

$$\begin{aligned}
 TerAct(NATO) &= 12,75 + 1,85Jan - 1,15Feb + 0,25Mar \\
 &+ 1,25Apr + 0,05May + 1,65Jun + 6,05Jul \\
 &+ 3,85Aug + 8,05Sep + 7,25Oct + 4,5Nov
 \end{aligned}$$

Как видно в данной модели переменные, характеризующие конкретные месяцы, не являются значимыми. Значимость в стандартных эконометрических пакетах обозначается звездочками в последнем столбце: *** - если переменная значима на 99% доверительном интервале, ** - на 95% доверительном интервале, * - на 90% интервале, если звездочек – нет, переменная незначима. Для ответа на вопрос

о справедливости констатации сезонной активности талибов проведем тест на линейное ограничение:

Тест значимости уравнения для модели 1.

Множество ограничений:

1: $b[\text{Jan}] = 0$

2: $b[\text{Feb}] = 0$

3: $b[\text{Mar}] = 0$

4: $b[\text{Apr}] = 0$

5: $b[\text{May}] = 0$

6: $b[\text{Jun}] = 0$

7: $b[\text{Jul}] = 0$

8: $b[\text{Aug}] = 0$

9: $b[\text{Sep}] = 0$

10: $b[\text{Oct}] = 0$

11: $b[\text{Nov}] = 0$

В данном тесте нулевая (изначальная гипотеза) H_0 формулируется следующим образом: все переменные незначимы (коэффициенты при этих переменных равны нулю) в построенной модели, иными словами, месяц никак не влияет на количество терактов, осуществляемых талибами против сил НАТО. Мнемоническое правило в том, что, если расчетное значение F-статистики больше табличного значения F-статистики (критического значения), то гипотеза H_0 отвергается.

Тестовая статистика: расчетное значение F-статистики = 0,0176, критическое значение F-статистики - $F(11,46) \approx 2$. Так как расчетное значение F-статистики меньше критического, H_0 принимается.

Проведенный тест свидетельствует о том, что в соответствии с собранными и обработанными данными **сезонность в действиях талибов не наблюдается.**

2.2 Тренды войны

Статистическое понятие тренда вытекает из понятия стационарности временного ряда. Если результаты наблюдений конкретной величины колеблются около какого-либо значения, временной ряд называют стационарным. Наличие стационарности проверяется путем осуществления теста Дики-Фуллера. Для выявления тенденций в боевых действиях на территории Афганистана необходимо посредством этого статистического теста исследовать все описанные выше переменные. Нулевая гипотеза для данного теста H₀: тренда нет, временной ряд стационарен.

Тест Дики-Фуллера для переменной TerAct(NATO).

Переменные	Модель 1		Модель 2		Модель 3		Модель 4	
	Коэф ¹	CO ²	Коэф	CO	Коэф	CO	Коэф	CO
Const	3,39	1,75 *	4,47	1,69 **	5,13	1,83 ***	4,52	2,28 **
Teract_NATO	-0,20	0,10	-0,28	0,09 **	-0,31	0,10 **	-0,26	-2,32
_1								
d_Teract_NAT	-0,22	0,15	-0,19	0,14	-0,19	0,14	-0,23	-1,58
O_1								
d_Teract_NAT	0,12	0,14	0,27	0,14 *	0,27	0,14 *	0,28	1,96 *
O_2								
d_Teract_NAT			0,42	0,14 ***	0,47	0,15 ***	0,48	3,12 ***
O_3								
d_Teract_NAT					0,12	0,16	0,03	0,19
O_4								
d_Teract_NAT							-0,20	-1,21
O_5								
Крит. Шварца	379,5		368,2		365,3		361,5	

Результаты теста свидетельствуют о том, что тренда для данной переменной нет, другими словами, войскам коалиции не удалось добиться устойчивой тенденции снижения количества терактов, осуществляемых талибскими боевиками, что негативно характеризует эффективность

¹ Коэф – сокращение: коэффициенты.

² CO – сокращение: стандартные ошибки.

военного аспекта стратегии, предложенной Обамой в 2009 г. в отношении войны в Афганистане.

После проведения аналогичных тестов для других исследуемых переменных, было обнаружено, что справедливо утверждать о наличии трендов лишь для следующего ряда показателей: ANA_killed, TerAct(Civ), NATO, Reb_killed.

Число потерь среди афганских сил безопасности растет (см. рисунок 9).

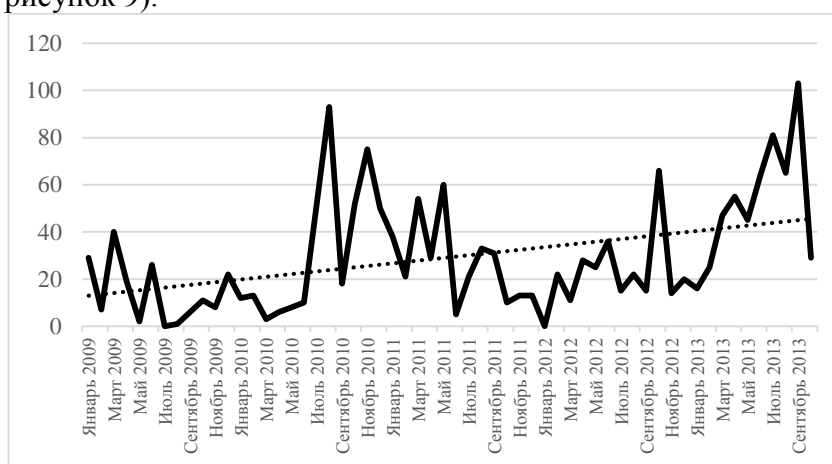

Рис. 9 График потерь афганских сил безопасности, включая охранников (убитыми) с течением времени с отображенной линией тренда.

На рисунке 9 по оси ординат откладывается число потерь, которые понесли силы безопасности Афганистана в конкретный момент времени. По оси абсцисс отложено время (по месяцам). На данном графике линия тренда изображена пунктиром. Линия тренда имеет положительный наклон, следовательно, с течением времени потери среди сил безопасности ИРА устойчиво растут. Причины этой крайне негативной тенденции были рассмотрены в первой части исследования, и подтвердились статистически.

Террористическая активность боевиков против мирных граждан также демонстрирует рост (см. рисунок 10).

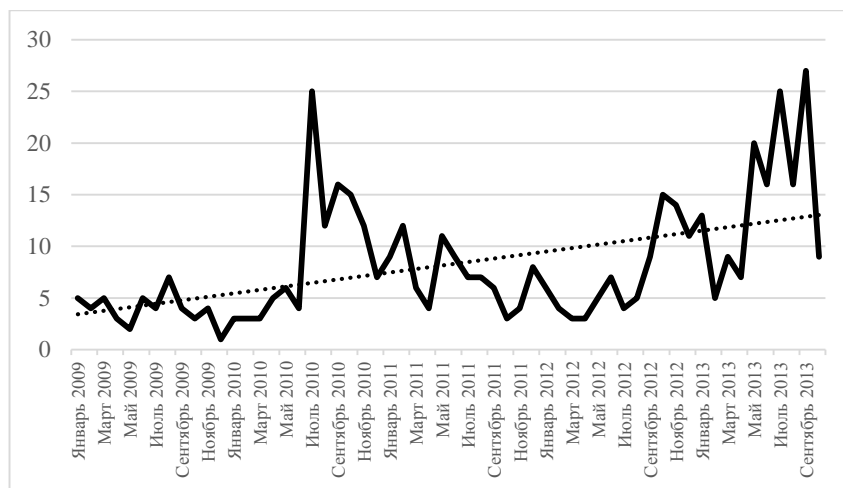

Рис. 10 График изменения количества атак боевиков против мирного населения с течением времени с отображенной линией тренда.

Составлено автором.

Растет число операций коалиционных и афганской сил, а вместе с тем и количество ликвидированных ими боевиков (см. рисунок 11).

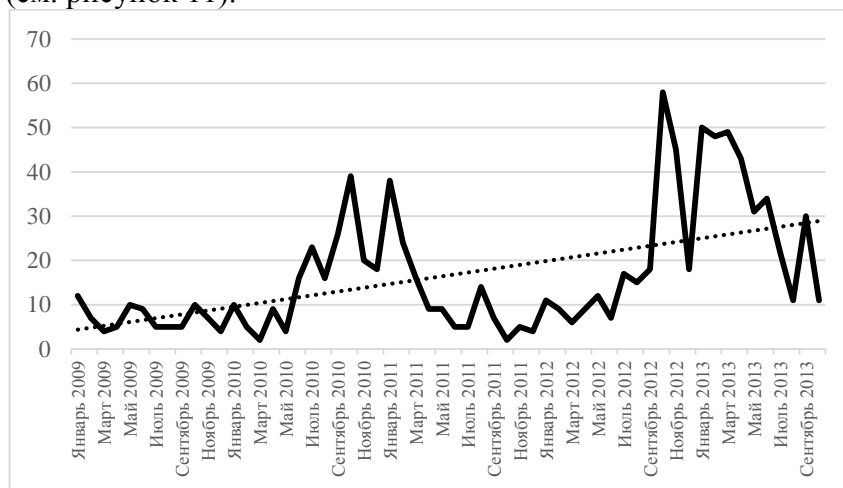

Рис. 11 График изменения числа военных операций коалиционных сил и сил безопасности Афганистана с течением времени с отображенной линией тренда.

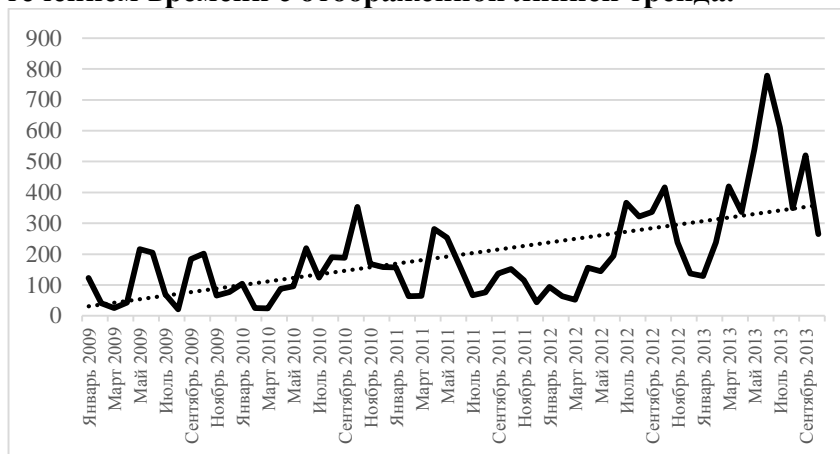

Рис. 13 График изменения количества ликвидированных боевиков с течением времени с отображенной линией тренда.

Заключение

Ситуация в Афганистане была исследована с помощью двух методик: количественного инвентаря-анализа и регрессионного анализа. На первом этапе исследования были собраны данные по следующим аспектам афганского конфликта: (1) атаки талибов, (2) операции коалиционных и правительственных сил, (3) потери войск коалиции и правительственных сил, (4) потери среди мирных граждан, (5) потери талибов. На основе собранной информации были построены графики, характеризующие развитие ситуации в ИРА на протяжении исследуемого периода. На завершающем этапе исследования был использован регрессионный анализ, целью которого были попытка ответить на исследовательский вопрос и выявление основных трендов, наблюдаемых в ходе конфликта. Все выводы, к которым авторы пришли в процессе применения

регрессионного анализа, полностью совпали с результатами, полученными в первой части исследования.

В ходе исследования была доказана ошибочность гипотезы о влиянии сезонности на действия талибов. Это означает, что природно-климатические условия не являются фактором, оказывающим решающее влияние на изменение талибами своей тактики ведения войны против коалиционных сил. Следовательно, его учет при анализе эффективности стратегии коалиционных сил не является необходимым условием.

Исследование также позволило авторам выделить следующие тренды: (1) рост потерь в рядах служащих афганской армии и полиции, (2) увеличение количества терактов, осуществляемых движением Талибан против мирных граждан, (3) увеличение числа операций МССБ/ИСАФ, (4) увеличение потерь среди талибов (имеется в виду только физическая ликвидация боевиков). По мнению авторов, несмотря на большое количество военных акций со стороны коалиционных сил, ведущих к увеличению потерь среди вооруженной оппозиции, достичь других немаловажных целей, таких как создание боеспособной афганской армии и полиции, а также сокращение числа жертв среди мирных граждан, не удалось. Главным же провалом стратегии международной коалиции является неспособность сократить количество терактов, предпринимаемых движением “Талибан”. Подобные результаты позволяют сделать вывод о низкой эффективности военного компонента стратегии Обамы по ведению войны в Афганистане. В свою очередь этот тезис позволяет прогнозировать тот самый негативный сценарий развития событий после вывода сил МССБ с территории Афганистана в 2014 г.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бобкин Николай*. Будущее Афганистана
<http://www.fondsk.ru/news/2013/10/08/buduschee-afganistana-ii-23301.html>
- [2] *Боришполец К.П.* Методы политических исследований: Учеб. пособие для студентов вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 230 с.
- [3] *Коргун В.Г.* Исламский экстремизм в Афганистане [Электронный ресурс]. Режим доступа:
<http://www.afghanistan.ru/doc/11375.html>
- [4] Замир Кабулов выразил обеспокоенность деятельностью боевиков на севере Афганистана [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.afghanistan.ru/doc/66135.html>
- [5] *Мендкович Н.А.* Сможет ли “Талибан” вновь захватить власть в Афганистане [Электронный ресурс]. Режим доступа:
<http://www.afghanistan.ru/doc/60934.html>;
- [6] *Панфилова Виктория*. Уход США из Афганистана – час X для всего региона. <http://www.afghanistan.ru/doc/62828.html>
- [7] *Пахомов Николай*. Наркотики побеждают [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.afghanistan.ru/doc/66113.html>
- [8] Тимофеев И.Н. Международное сообщество и пределы вмешательства в конфликты «кризисных государств»: казус Афганистана / И.Н. Тимофеев // Вестник МГИМО-Университета. - 2011. - № 5. - С. 27-36.
- [9] Afghan troop deaths up almost 80% in 2013 fighting season [Электронный ресурс]. Режим доступа:
<http://www.theguardian.com/world/2013/nov/08/afghan-troop-casualties-up-almost-80-in-2013-fighting-season-says-pentagon>
- [10] *Stock J. Watson M.* Introduction to econometrics. Pearson, Addison Wesley.
- [11] *Карзай Х.* “Силы НАТО не справились со своей задачей в Афганистане” [Электронный ресурс]. Режим доступа:
<http://www.afghanistan.ru/doc/64912.html>
- [12] Войска НАТО покинули 90% баз [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.afghanistan.ru/doc/63494.html>

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

- [13] www.afghanistan.ru
- [14] www.guardian.co.uk
- [15] <http://www.foxnews.com/world/2013/09/21/afghan-troop-deaths-hit-record-amid-us-exit/>
- [16] <http://www.theguardian.com/world/2013/nov/08/afghan-troop-casualties-up-almost-80-in-2013-fighting-season-says-pentagon>
- [17] <http://icasualties.org/OEF/ByMonth.aspx>
- [18] <http://www.icasualties.org/>
- [19] <http://www.georgiatimes.info/news/89881.html>
- [20] <http://warsonline.info/>
- [21] http://www.nytimes.com/2013/10/16/world/asia/afghans-fend-off-taliban-threat-in-pivotal-year.html?_r=0
- [22] Режим доступа: <http://icasualties.org/OEF/ByMonth.aspx>
- [23] [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.afghanistan.ru/doc/62803.html>
- [24] [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.afghanistan.ru/doc/65907.html>
- [25] Число гражданских потерь в ИРА возросло на 16%. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.afghanistan.ru/doc/64795.html>
- [26] Afghanistan civilian casualties [Electronic resource]. URL: <http://www.guardian.co.uk/news/datablog/2010/aug/10/afghanistan-civilian-casualties-statistics>

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Число гражданских потерь в ИРА возросло на 16%. Режим доступа <http://www.afghanistan.ru/doc/64795.html>
- (2) В 2013 году южные провинции Гильменд и Кандагар, а также восточные Нангархар, Кунар и Нуристан снова стали лидерами по числу погибших в них солдат коалиции. Большинство восточных и юго-восточных провинций на границе с Пакистаном уже окрестили “зоной нестабильности”.

(3) 70 % афганских полицейских не умеют читать и писать [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.afghanistan.ru/doc/64834.html>

(4) Согласно газете “TheGuardian” уровень потерь среди афганских силовиков в 2013 году вырос на 80% по сравнению с 2012. [Electronic resource]. Режим доступа:

<http://www.theguardian.com/world/2013/nov/08/afghan-troop-casualties-up-almost-80-in-2013-fighting-season-says-pentagon>

(5) Фиктивные переменные – переменные, которые характеризуют качество и могут принимать всего два значения: 1 – если описанное качество присуще наблюдению, 0 – если нет. Например, если наблюдение зафиксировано в феврале, переменная Feb = 1, остальные переменные, характеризующие месяцы = 0.

ГЕОПОЛИТИКА: США В АФГАНИСТАНЕ

А. М. Х. Шершах*

70-е годы XX века - это период в истории Афганистана, который характеризуется нестабильной политической обстановкой, возникновение которой способствовало, в частности, имевшие место острые внутренние процессы сепаратизма среди меньшинств в стране. Однако, говоря о складывающейся нестабильной ситуации нельзя сбрасывать со счетов и политику ряда государств, проводимых в отношении Афганистана. И здесь надо сказать, прежде всего, о позиции США, политика которых направлена на включение Афганистан в зону своего влияния. В результате внешнее вмешательство не снижает, а наоборот обостряет

***Шершах Арьян Мохаммад Хассан** — студент 4 курса кафедры теории и истории международных отношений РУДН, научный руководитель – д.и.н., профессор кафедры. М.А. Шпаковская

внутреннеполитическую обстановку в стране. США, в своей политике в Афганистане опираются на национальные меньшинств, при этом проводя политику, направленную не на консолидацию, а наоборот дестабилизацию обстановки. [8]

После того как в апреле 1992 г. в Кабуле вооруженная оппозиция свергла законное правительство, возглавляемое президентом М. Наджибуллой, который активно проводил политику «национального примирения», противоречия между этническими группировками в стране вспыхнули с новой силой. В октябре 1994 г. талибы начали свое победное шествие по Афганистану. С этого времени, этнические противоречия, имевшие место в Афганистане обостряются. Однако проводимая США с октября 2001 г. антитеррористическая операция в Афганистане с опорой на Северный альянс, привела в результате к свержению режима талибов. По словам министра обороны США Р. Гейтса, «Афганистан стал испытательным полигоном, где опробуются различные средства защиты жизненно важных интересов США. Эта страна стала своего рода лабораторией проверки того, о чем я говорил последний год — как применить и связать воедино целый набор инструментов национальной мощи и международного сотрудничества для защиты наших жизненно важных интересов. Учитывая рельеф местности, нищету, соседей и трагическую историю — Афганистан во многом является более сложной и трудно разрешимой проблемой, чем Ирак». [6].

Необходимо обратить внимание на ряд важных факторов, связанные претензией на глобальное лидерство США после окончания холодной войны. После терактов 11 сентября 2001 г. восприятие войны как «продолжение политики другими средствами» стало активно эволюционировать, в том числе и на военно-доктринальном уровне. США разрабатывается теория управляемой войны,

выделяя пять ее ключевых признаков: контролируемая локализация военных действий, позволяющая опираться на экспедиционную стратегию и структуру вооруженных сил;

- нацеленность не на все общество государства-противника, а только на его политическое руководство или политический режим;
- минимизация косвенных потерь противника от военных действий;
- минимизация рисков для западных обществ и их вооруженных сил.
- убеждение, что поражение вооруженных сил противника не является более главной целью и необходимым условием победы. [5].

Особенностями современной войны являются, прежде всего, ее информационная составляющая. Состояние современной войны - это состояние перманентной, непрекращающейся, управляемой «смуты», навязываемой сильнейшими остальному миру и противной стороне.

Переход от кибернетического подхода к концепции сетецентризма- информационной войны в социальных сетях- сыграл огромную роль во многих военных конфликтах на Ближнем и Среднем Востоке с участием США. Так называемая концепция сетецентрической войны была разработана вице-адмиралом ВМС США Артуром Цебровски и экспертом Министерства обороны США профессором Джоном Гарстка. Суть данной концепции сводится к созданию общего информационного пространства всех участников конфронтации с целью быстрого осуществления поражения противника. Впервые такая тактика ведения боевых действий была использована в Афганистане в 2001 году.

Наличие особых интересов США в Афганистане говорит, в том числе, и то обстоятельство, что США не торопятся уйти из этой страны. Говоря об особых интересах

США в Афганистане, прежде всего, необходимо упомянуть следующие: 1) недопущение деятельности террористических движений в Афганистане, направленной на разработку ОМП; 2) контроль маршрутов транспортировки углеводородов через территорию Афганистана; 3) обеспечение контроля за наркотрафиком на территории Афганистана; 4) нейтрализация деятельности радикальных исламских движений и группировок в Афганистане; 5) использование Афганистана как плацдарма для противоборства с Китаем и Россией.[1-С.307].

Политика Соединенных Штатов в Афганистане имеет своей целью формирование политического режима, лояльного и подконтрольного США, а также стабилизация социально-политической обстановки на территории Афганистана. Говоря о военных целях, необходимо, в первую очередь, отметить следующие: обеспечение эффективного военного присутствия США на территории страны; защита военных сил США от ударов неконтролируемых вооруженных формирований и их уничтожение; формирование дееспособных сил и сил безопасности в Афганистане, подконтрольных США; заключение военных соглашений с политическим режимом в Афганистане, обеспечивавших США свободу военных действий.

С приходом к власти Барака Обамы внешнеполитическая линия США претерпела некоторые корректировки. Это можно проследить по ходу начатой им кампании в Афганистане. Кроме того, им была расширена география политического вмешательства в Южной Азии, имея ввиду Пакистан.

Серьезным препятствием на пути осуществления планов США по стабилизации положения в Афганистане является обстановка в зоне племен на пакистано-афганской границе. Фактически этот район не подконтролен властям как Афганистана, так и Пакистана. Настойчивые пожелания

Соединенных Штатов активизировать военные действия правительства Пакистана против внутренних группировок, талибов и Аль-Каиды, воспринимались очень прохладно со стороны служб безопасности и армии Пакистана. В этом случае власти Пакистана опасались возможности развязывания серьезного конфликта и активизации террористической деятельности внутри страны.

Анализируя стратегию США в ближневосточном регионе и регионе Южной и Центральной Азии, выявляется четкое представление о целях американской политики в этих регионах. Лейтмотивом всех стратегических и геополитических целей США является удержание Вашингтоном Афганистана в поле своего влияния. Специалисты, как правило, выделяют три основных цели США в этих регионах: 1) политические (приведение к власти и поддержка проамериканского правительства; обеспечение стабильности социально-политической обстановки; возможный раздел государств на несколько самостоятельных частей; формирование зоны геополитического влияния); 2) экономические (контроль над ресурсами ; контроль маршрутов транспортировки углеводородов из стран Центральной Азии; контроль за наркотрафиком; восстановление экономики и хозяйственной инфраструктуры); 3) военные (ликвидация террористических группировок и обеспечение безопасности в стране; сохранение военного присутствия США в регионе; уничтожение Аль-Каиды; формирование национальных сил безопасности).

Реалии современной международной действительности ставят США в условия, когда только выполнение в комплексе вышеперечисленных задач позволит США сохранить свой контроль как в Афганистане, так и в регионе в целом. А это значит, что США сохранят здесь свое присутствие.

Что касается группы экономических целей, то они в основном соответствуют региональным целям США. Так, американские компании участвуют практически во всех основных проектах, разрабатываемых правительством Афганистана.

Однако, сравнивая политику США по отношению к другим государствам, в которых Соединенные Штаты оказывали экономическую помощь для восстановления страны – можно отметить, что результат оказывался всегда один и тот же: экономика страны подорвана, страна находится в больших долгах, прежде всего, перед США.

Военные цели США, в целом, направлены на решение задачи сохранения территории Афганистана под своим влиянием, так как стратегически регион Центральной Азии является великолепным плацдармом в регионе в целом.

Наличие в России огромных запасов углеводородов и острая необходимость в них Китаем сближает позиции этих стран. Это можно проследить на фоне деятельности Шанхайской Организации Сотрудничества, в которую входят крупнейшие страны Центральной Азии: Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан. Можно сказать, что истинной геополитической целью США в этом регионе является размещение американских военных баз в сердце геополитического пространства ШОС и других стран Центральной Азии и приближение их к границам России и Китая.

Кроме того, разрабатываемый маршрут нефтепровода, по которому должна прокачиваться Каспийская нефть к Индийскому океану, будет проходить через Афганистан.

Согласно статистическим данным международного научного центра CIRS (International Center for Scientific Research), только один афганец из 100 знает о наличии связи афганской войны с террористическими актами 11 сентября. Еще меньше афганцы знают о самих терактах, 61% афганцев

полагает, что новая афганская армия не сможет воевать с талибами без НАТО и ISAF. [7].

Кроме того, по мнению некоторых экспертов, одна из причин столь длительного присутствия сил МССБ в Афганистане - наркотическое сырье высшего качества в объемах, которые Сицилии и Колумбии, вместе взятым, и не снились. Наркотики это огромный доход без налогообложения. Значит, установление стабильности, законов и национальных прав жителей Афганистана, а также их право самостоятельно решать политические проблемы на своей территории в учет не берутся.

Другой причиной, по которой американцы все еще находятся в Афганистане, - это поставка вооружений. Известная практика в создании искусственных конфликтов на территории разных стран позволила США занять лидирующее место по поставкам вооружения. Известно, что часть вооружений находится на хранении в Израиле. [7]. Недаром в морских портах США и Израиля введен оранжевый уровень антитеррористической безопасности. Оранжевый уровень безопасности обозначает практически предвоенное состояние, что влечет за собой введение дополнительных меры безопасности в морских портах, аэропортах, на военных базах и железной дороге; усиление охраны пограничных территорий и стратегически важных объектов как на территории страны, так и за ее пределами.

В последнее время, на мировую геополитическую арену вышли новые сильные участники, составляющие конкуренцию США в мировом лидерстве - Китай, Россия. И ничего хорошего при существующем подходе к ответственности сильного государства за свои поступки, мирному населению Земли ждать не приходится. Отдельным независимым государствам только и остается укрываться под крылом сверхдержав и ждать их помощи при каждом случае. Любое небольшое по размерам или экономически слабое

государство, но богатое на природные ресурсы, можно обвинить в терактах и под этим предлогом совершать на их территории все, что угодно. Так, например, произошло в Ираке и Ливии.

Таким образом, просматривая и анализируя политику Соединенных Штатов не только в Афганистане, но и в регионе в целом можно проследить истинные цели США. И эти цели не носят благих намерений, в противном случае мировое сообщество не наблюдало бы такое количество войн именно в тех странах, где американцам что-то нужно, будь то нефть, газ, власть или что-либо другое. Ближний Восток не окунулся бы в мир хаоса, ведь во всех странах до вторжения войск США и НАТО граждане этих стран были довольны своей жизнью в стране, удовлетворены политикой своих правительств. И только преследуя свои интересы, свои искусственно нарисованные проблемы США, ввергают мир в одну большую войну, сталкивая народы и страны друг с другом.

ЛИТЕРАТУРА:

[1] Карякин В. В. Современная геополитическая динамика Ближнего и Среднего Востока — М.: Граница, 2010. - 352 с.

[2] Конышев В.Н. Война как средство политики – новые американские подходы// Общественные науки и современность. 2004.№ 5. - С.110-119. - smpanel.pu.ru/panel/users/konyshev/68.doc

[3] Паршин С., Горбачев Ю. Концепция «сетевидной войны» как предпосылка появления новых форм ведения боевых действий. Национальная оборона, №11, ноябрь 2008.

[4] <http://www.warandpeace.ru> - Информационный портал «Война и мир»

[5] Интернет-журнал «Военное обозрение» -<http://topwar.ru/>

[6] Gates R.M. A Balanced Strategy. Reprogramming the Pentagon for a New Age. Foreign Affairs/ Jan/Feb, 2009.

[7] Бовал В. Геополитические интересы Америки в Афганистане. Военное обозрение. 15.06.2012.

[8] См. подробнее: Ситуация в Афганистане и формирование региональной системы безопасности в Центральной Азии. Материалы V научной международной конференции Сост. М.А.Шпаковская. - М.: РУДН, 2012 – 167 с.

ИЗУЧЕНИЕ АФГАНСКОГО КРИЗИСА АНАЛИТИЧЕСКИМИ ЦЕНТРАМИ США И ЕВРОПЫ

А. И. Бутова

Афганская проблема это болезненный вопрос не только для региона Центральной Азии, но и всей мировой общественности, решение которой не видно уже почти два десятилетия. В состоянии войны страна находится с 2001 года после совершения теракта 11 сентября в США, после чего администрация Дж. Буша начала длительную военную кампанию по борьбе с международным терроризмом.

С этого момента взгляд мировой общественности еще больше оказался прикован к Афганистану. Эту проблему предстояло решить не только Соединенным Штатам, но и другим среднеазиатским государствам, также оказавшимися вовлеченными в афганский кризис, и в первую очередь, России.

Активное обсуждение афганской проблематики породило огромное множество вариантов и путей решения проблемы, однако результата никакого это не давало. Кроме того, большой интерес был проявлен со стороны многих аналитических центров США и Европы, которые тщательно наблюдали за всеми происходящими процессами в стране и давали свою оценку решению афганского кризиса, а также

Бутова Алина Игоревна - магистрант кафедры теории и истории международных отношений РУДН. Научный руководитель - к.и.н., доцент кафедры ТИМО К.П. Курылев

перспективам на будущее.

Так, например, американский аналитик Пол Д. Миллер (корпорация Rand, США) в своей статье «США и Афганистан после 2014 г.» сделал предположение, что США не уйдут из Афганистана. 2014 г. станет не годом вывода американских войск из Афганистана, а новым переходным этапом и в стране начнется несколько иная политика, но все же Штаты не собираются оставлять Афганистан бесконтрольным. Американским военным силам и силам НАТО еще долго придется присутствовать в Афганистане, чтобы осуществлять контроль безопасности и обучить афганские силы безопасности методам принятия контртеррористических операций в необходимых случаях.

Кроме того, есть очень много причин, по которым международное вмешательство просто необходимо. Это и проблема терроризма, и нестабильность Пакистана с его ядерным оружием, и транс-национальная торговля наркотиками, и гуманитарные проблемы, связанные с последствиями войны.

Однако, после вывода американских войск в 2014 г. останется два важных вопроса. Во-первых, это количество военнослужащих, которые останутся в Афганистане для поддержания стабильности в стране. Во-вторых, это уровень и тип помощи, которую будут осуществлять международное сообщество наряду с Соединенными Штатами.

Возможные реальные варианты развития событий в Афганистане были предложены двумя американскими аналитиками из Гуверовского института Ослером Хампсоном и Тодом Линдбергом, которые утверждают, что ситуация в Афганистане будет развиваться одним из этих способов: 1) правительство Х. Карзая совершает все необходимые реформы, чтобы заработать поддержку афганского народа, а Талибан, соответственно, получает меньшее количество голосов и сворачивает свою кампанию (вероятно на 10%); 2)

правительство Х. Карзая расформируется и страна находится под контролем Талибов (вероятно на 20%); 3) правительство и силы афганской безопасности настолько слабы, что не могут повлиять на талибов и постоянно обращаются за помощью к США для обеспечения гарантий безопасности, после чего ситуация в стране становится еще хуже (35% вероятности); 4) талибы ослаблены, но не побеждены, а правительство сохраняет достаточно власти и легитимности в результате политических реформ (35%).

Возможность реализации данных сценариев также велика, как и невозможна совсем. Но стоит всегда помнить о том, что аналитики пишут статьи не всегда объективно оценивая ситуацию, поскольку именно от публикаций во многом и зависит имидж страны, которая упомянута в работах. Многие аналитические центры изучают политику США в Афганистане и нет ни одного, который бы обвинил Соединенные Штаты в чем-либо или выставил в негативном свете.

Несколько с другой стороны рассмотрела данную проблему наш отечественный аналитик, ныне работающая за рубежом (Франция), Екатерина Степанова, которая рассмотрела перспективы Афганистана после вывода американских войск для России. «На самом деле, ответ на вопрос о том, теряет ли Россия или скорее выигрывает от вывода западных войск из Афганистана, зависит от того, как Москва оценивает свои интересы и угрозы безопасности в регионе, в основном связанные с нестабильностью, экстремизмом и наркотиками. Возможный рост «экспорта» нестабильности и экстремизма из Афганистана самой России напрямую не угрожает – в этом смысле последствия близящейся к завершению «афганской эпопеи» НАТО и США касаются, в первую очередь, партнеров и интересов России в Центральной Азии».

Тем не менее, у России есть свои причины для беспокойства по поводу ситуации в Афганистане и, по крайней мере, по

трем вопросам она играет заметную роль. Россия является, во-первых, крупнейшим в мире рынком сбыта афганского героина, во-вторых, важным партнером США и НАТО в организации транзита грузов, связанных с западным присутствием и выходом из Афганистана, а в-третьих, крупным и влиятельным игроком в Центральной Азии и союзником ряда государств в этом граничащем с Афганистаном регионе.

Другой европейский аналитический центр также сравнительно недавно выпустил несколько статей на тему «Афганистан после 2014 г.». Согласно авторам Чатэм Хауз (Chatham House — независимый аналитический центр в Великобритании), большую роль в судьбе Афганистана после 2014 года сыграют региональные государства и Россия. Кроме того Россия, Индия и Иран имеют веские основания для сотрудничества в борьбе против талибов и это влияние может оказать более широкое влияние, нежели попытки США заручиться поддержкой афганцев.

Известный британский аналитик Стюарт Гордон уверяет, что по словам Барака Обамы, который пытался убедить в этом повстанцев, а также афганских и пакистанских правительственных чиновников, Соединенные Штаты не будут резко снижать военный контингент до декабря 2014 года. Еще многое предстоит сделать для укрепления афганского государства в наращивании потенциала афганской армии и полиции, а также для того, чтобы убедить политическую элиту Пакистана не распространять пагубное влияние на афганских повстанцев и поддерживать текущие региональные стратегии безопасности.

21 декабря 2013 г. состоялось собрание глав правительств в европейском центре по изучению вопросов безопасности, в результате которого Джеймс Аппартурай, заместитель помощника генерального секретаря НАТО по политическим вопросам и политике безопасности, заявил, что НАТО не

собирается уходить из Афганистана. «Афганистан является стратегически важным объектом в плане энергетических ресурсов, безопасности и геополитики». Кроме того, он заявил: «Мы начнем новую миссию в Афганистане и новые отношения с Центральной Азией, и эта деятельность будет дольше предыдущей. Мы должны работать над укреплением безопасности страны».

Таким образом, проанализировав публикации аналитических центров США и Европы, можно прийти к выводу, что политика США в Афганистане так быстро не закончится. Для Штатов это лакомый кусок, который они уже так долго пытаются заполучить. Единственное государство в мире, которое за всю свою историю ни разу не было завоевано, сейчас поддается сильнейшим нападкам. И даже если Соединенные Штаты Америки частично оставят военный контингент на территории Афганистана, международное право должно быть соблюдено и это не должно выглядеть как военная интервенция.

Однако очень интересной кажется позиция граждан Афганистана. Международный Совет по безопасности и развитию провел опрос афганцев, в результате которого было выявлено значительное число людей, не понимающих причины присутствия международного сообщества в стране. Многие опрошенные афганцы не знают о событиях 9/11, бы не в состоянии описать что такое демократия, и подозрительно относятся к действиям международного сообщества. Ввиду огромного числа граждан с низким уровнем образованности в стране образовался вакуум, который легко заполняют талибы своей информационной кампанией. Более 90% опрошенных на юге Афганистана не знакомы с событием 9/11, из-за которого в страну были введены силы ISAF и НАТО, а 40% респондентов считают, что иностранцы находятся в Афганистане, чтобы разрушить страну, напасть на Афганистан или уничтожить ислам. Афганские силы

безопасности также воспринимаются как ненадежные. 56% опрошенных на юге Афганистана считают, что афганская полиция помогает талибам, и 25% думают, что они также присоединились к мятежу.

Однако ряд респондентов посчитали присутствие США в Афганистане положительным фактором. Как самый большой вклад, внесенный в развитие страны с 2001 года, опрошенные называют материальные ценности — дороги, школы, рабочие места. При этом афганцы и сейчас ждут помощи от США. Многие афганцы, особенно на юге, где повстанческие движения наиболее ожесточенные, считают, что стране необходима иностранная помощь и только 19% опрошенных утверждают, что Афганистан может достичь мира без посторонней помощи.

Общий анализ внутренней и внешней ситуации Афганистана показывает поразительные результаты. Внутри Афганистана идет гражданская война между правящим режимом и Талибаном, в стране нестабильная политическая ситуация, уровень социальной обеспеченности граждан падает с каждым днем, экономическая ситуация слабая, и хуже того, население не обладает никакой информацией относительно текущего положения в стране, в следствие чего не имеют понятия о причинах иностранного вмешательства.

Внешние силы вот уже на протяжении двенадцати лет пытаются урегулировать ситуацию в стране, однако ситуация становится только хуже. Так что же необходимо предпринять для урегулирования афганского кризиса?

Во-первых, должны быть сформулированы руководящие принципы для осуществления совместных усилий, которые должны предусматривать уважение суверенитета Афганистана, территориальную целостность, национальное единство и свободу выбора афганским народом собственной социальной системы. Афганистану также необходимо широкомасштабное сотрудничество для поддержания

дружеских отношений с соседями в рамках Декларации о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Международная помощь должна осуществляться, в первую очередь, под эгидой ООН.

Восприятие населением Афганистана текущей ситуации как сговора афганских сил безопасности с повстанцами свидетельствуют о необходимости активно формировать политическую группу афганского населения (т.н. гражданской армии) наряду с силами безопасности. Кроме того необходимо обеспечить достоверной информации населению Афганистана и поднятию уровня образованности за счет обмена студентами и гуманитарного сотрудничества с другими странами.

В качестве важной основы для решения афганского кризиса следует упомянуть такую структуру, как ШОС, в рамках которой уже запущена платформа для сотрудничества по восстановлению Афганистана. Одновременно с этим необходим механизм совместных правоохранительных органов России, Таджикистана, Пакистана и Афганистана по контролю наркотрафика. А также создание фонда гуманитарной помощи с целью спасения афганских беженцев. Кроме того, необходим запуск диалога по вопросу Афганистана между ШОС и НАТО, что дало бы двойной результат после введения активной двусторонней помощи.

Наконец, энергичные усилия должны быть направлены на содействие Кабулу в строительстве ее национально-государственной стратегии, основанной на развитии ее минерально-ресурсной базы и развитии сельского хозяйства, учитывая местные условия. И в первую очередь, желание помочь Афганистану должно быть продемонстрировано со стороны всего международного сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Брукингский Институт (США) - <http://www.brookings.edu>
- [2] Европейский центр по изучению проблем безопасности им. Джорджа Маршалла (США) - <http://www.marshallcenter.org/mcpublicweb/>
- [3] Китайский институт международных отношений - <http://www.cicir.ac.cn/chinese/>
- [4] Международный совет по безопасности и развитию - <http://www.icosgroup.net>
- [5] официальный сайт корпорации RAND (США) - <http://www.rand.org/>
- [6] Французский институт по международным отношениям - <http://www.ifri.org/>

СТАМБУЛЬСКИЙ ПРОЦЕСС И РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ АФГАНСКОГО КОНФЛИКТА В НАЧАЛЕ 2010-Х ГГ.¹

В.С. Бойко

Стамбульский процесс - инициатива состоявшейся в ноябре 2011 г. в Стамбуле международной конференции по Афганистану на уровне министров иностранных дел группы стран “Сердце Азии”. В эту группу включают около 20 стран, в том числе Россию, а в экспертных кругах и СМИ для обозначения этих стран иногда используется выражение «афганский регион». Стамбульский процесс направлен на вовлечение Афганистана в политическую и экономическую

¹ Данный материал подготовлен в рамках и при поддержке программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» на 2012 – 2016 гг.

Бойко Владимир Сергеевич -д.и.н., проф. кафедры всеобщей истории Алтайской государственной педагогической академии

жизнь этого региона, но помимо попыток международного сообщества решить афганскую проблему, в стамбульской инициативе угадываются и попытки США переложить ответственность за афганские дела на ближайших и дальних соседей Афганистана. Россия занимает сдержанную позицию в рамках Стамбульского процесса, что порождает недовольство со стороны главных инициаторов этого проекта и других держав, в частности, Индии. Основными формами Стамбульского процесса стали конференции министров иностранных дел, на которых принимаются решения по важнейшим направлениям афганского урегулирования и широкому кругу проблем региональной безопасности (борьба с терроризмом, наркотрафиком и пр.). 14 июня 2012 г. в Кабуле состоялась вторая министерская конференция Стамбульского процесса, в апреле 2013 г. в Алматы – третий форум такого рода, проведение следующей такой встречи запланировано в КНР в 2014 г. На роль основной политико-дипломатической площадки Стамбульского процесса претендует Казахстан, в силу географического положения оставшийся на вторых местах по некоторым вопросам региональной, и в том числе афганской, политики.

Организационное и научно-аналитическое сопровождение Стамбульского процесса обеспечивают различные силы и структуры, но в политико-экспертном отношении наиболее заметной из них является фонд им. Фридриха Эберта – один из мозговых центров социал-демократической партии Германии. Силами сотрудников главного и региональных офисов (в Центральной Азии, России, Индии, Турции) разработан специальный проект под названием «Афганистан, как он видится после 2014 г.: перспективы и стратегии конструктивного урегулирования конфликта странами-соседями». Его особенностью является создание разветвленной политико-экспертной инфраструктуры в виде *групп действия* в самом Афганистане, Пакистане, Индии, а

также объединенной группы действия, представляющей республики Центральной Азии. Все эти группы состоят из опытных специалистов-международников, а также сотрудников различных государственных структур и неправительственных организаций, и в ряду задач, поставленных перед ними, является формирование в каждой из представляемых ими стран влиятельного лобби, способного и готового поддержать идеи и действия в рамках Стамбульского процесса. Такие лобби формируются из видных политиков, деятелей культуры, науки и др.

Россия, Китай и Иран, а также Турция пока представлены индивидуальными экспертами, хотя разработчики проекта фонда Ф. Эберта ведут активную работу с китайской и иранской сторонами (последняя, в частности, представлена двумя высокопоставленными дипломатами). Фактически, эта формула означает изоляцию России, как реакцию на ее относительную пассивность в рамках Стамбульского процесса.

Организационным выражением афганского проекта фонда Эберта стало проведение в 2012 и 2013 гг. серии конференций и выработка итогового документа, призванного стать практической программой действий. Работа над ним велась в различных форматах (чаще - как закрытые заседания одной или нескольких групп действия), хотя в ряде заседаний участвовали и индивидуальные эксперты, а также приглашенные гости – представители государственных учреждений и эксперты Германии, Афганистана, Турции, США, дипломаты стран-участниц Стамбульского процесса, с минимальным представительством России.

Ключевой акцией проекта стало проведение 20-22 ноября 2013 г. 2-го межрегионального саммита по Афганистану в Стамбуле (Турция) – именно там в присутствии и с участием ведущих дипломатов (в том числе директора отдела Афганистана госдепартамента США Д. Рэнка, специального

представителя Германии в Афганистане и Пакистане М. Коха и др.) состоялись итоговые дискуссии и представлен базовый документ, содержащий основные предложения по афганскому урегулированию. В ходе саммита была распространена и разработана афганской группы действия «Несокрушимый нейтралитет: восстановление традиционного курса и защита суверенного и процветающего Афганистана», содержащая соображения афганских экспертов по поводу будущего внешнеполитического статуса Афганистана. Эта разработка, как и большая часть положений базового документа, была подготовлена лидерами афганской группы действия – Махмудом Сайкалом и Амином Харуном – бывшими высокопоставленными дипломатами, ныне входящими в окружение кандидата в президенты Афганистана д-ра Абдулла Абдулла.

Координатор афганской политики США в госдепартаменте Д. Рэнк занял роль наблюдателя, он не дал ответа на вопрос о сроках новой американской военной миссии в Афганистане и перспективах заключения соглашения о безопасности с афганской стороной, переложив наиболее трудные вопросы на своего более опытного германского коллегу М. Коха. В ходе Стамбульской встречи экспертов по Афганистану организаторы уделили особое внимание многочисленной афганской делегации, представленной не только политологами, журналистами, но и известными политиками (выбывший к тому времени из президентской гонки лидер традиционалистской суфийской политико-религиозной группировки И. Гилани и др.), а также таджикским и казахстанским участникам – именно они доминируют в объединенной группе действия Центральной Азии. Узбекистан негативно относится к стамбульским инициативам, усматривая в них вмешательство во внутренние дела центральноазиатских государств, хотя узбекские эксперты (Б. Эргашев и др.) тоже представлены в этой группе.

Организаторам встречи второго эшелона Стамбульского процесса (т.е. смешанного форума экспертов и политиков) в целом удалось добиться не только принятия итогового документа, но и доверительного уровня дискуссий, в том числе между членами пакистанской и индийской групп действия. Диссонансом прозвучали лишь выступления представителей Ирана С.С. Гадери и А.М. Рузбехани, - этот тандем представлял одновременно и политиков, и экспертов, хотя оба иранских делегата являются высокопоставленными карьерными дипломатами. Такая промежуточная формула представительства означает попытку диалога с иранской стороной на всех возможных уровнях – у фонда Эберта установились, в частности партнерские отношения и Институтом политических и международных исследований – аналитическим центром МИД Ирана.

Минимальное участие и представительство Китая в афганском проекте фонда Эберта, скорее всего, обусловлено позицией самой китайской стороны. Но известно, что представители фонда совершили весной 2013 г. специальную поездку в КНР и провели серию встреч в ведущих научно-исследовательских институтах (Китайский институт современных международных отношений), но Китай, по крайней мере, в рамках данного проекта, не расширил формат своего участия до группы действия и тем более создания специального лобби. Это обстоятельство сближает статус его представительства с российским – несмотря на предложения российской стороны о расширении ее участия в проекте, ей было в этом отказано, хотя в московском офисе фонда Эберта весной 2014 г. должна состояться презентация итогового документа «Афганистан в 2014 г. и в последующий период». Ее цель – получить отклики со стороны экспертного сообщества, а также российских властей, недостаточно активно участвующих, по мнению аналитиков и

функционеров фонда, в афганских делах в рамках Стамбульского процесса.

Документ «*Афганский регион в 2014 г. и в последующий период*» [1- P.21] представляет собой совместную декларацию всех участвующих в проекте Фонда Эберта экспертов и официальных лиц (всего около 60 чел.) по поводу достижения мира и стабильности в Афганистане и вокруг него. Руководители проекта настояли на том, чтобы каждый эксперт выразил согласие (или несогласие) с основными положениями данного документа. В нем сформулированы основные цели внутривосточного развития Афганистана, действий его ближних и дальних соседей в рамках Стамбульского процесса. На региональном уровне предполагается, в частности, создание совместной афгано-пакистанской экспертной группы по изучению причин конфликта между этими странами, проведение трехсторонних переговоров между Афганистаном, Пакистаном и Индией, поддержка сотрудничества Индии и Ирана на афганском направлении, совместные усилия республик Центральной Азии и Афганистана, организация трехстороннего афгано-китайско-пакистанского взаимодействия по Афганистану. На самом высоком (глобальном) международном уровне США и их союзники по НАТО должны убедить страны «афганского» региона, что их долговременное присутствие в Афганистане имеет целью лишь поддержку афганского народа, и в этом контексте разрешение ирано-американских противоречий должно помочь и двусторонним афгано-иранским отношениям.

Для реализации Декларации о мире и стабильности в «афганском регионе» предполагается трансформировать существующие группы действия в группы поддержки Афганистана с представительством в них как экспертов, так и официальных лиц, и они, в соответствии с афганским проектом фонда Эберта, смогут проводить в жизнь

ближайшие, средне- и долгосрочные цели, детально сформулированные в данной декларации. В хронологическом отношении речь идет о периоде 2014 – 2024 гг. – «декаде трансформации».

Некоторые рекомендации на ближайший период (до 2015 г.):

- проведение президентских и парламентских выборов в 2014 и 2015 гг., трансформация иностранного военного и иного присутствия в иные формы, с передачей основных функций в этой области афганским силам безопасности, трансформация вооруженной оппозиции в политическую и ее участие в процессах демократизации,

На среднесрочную перспективу (до 2018 г.):

- стимулирование организаций в сфере региональной безопасности и экономического сотрудничества (ОДКБ, СААРК, ШОС и др.) к координации своих усилий с проектами и программами в рамках Стамбульского процесса и др., сохранение миссии НАТО и международного сообщества в подготовке кадров, финансовой и иной помощи Афганистану, развитие транспортной, торговой и иной инфраструктуры Афганистана и всего региона, создание в приграничье особых экономических зон и пр.

На долгосрочную перспективу (до 2024 г. и в последующий период):

- достижение и соблюдение особого международно-политического статуса Афганистана как нейтрального государства, основанного на его специфике и опыте других стран, назначение для этой цели и в дополнение механизмов Стамбульского процесса специального представителя генсека ООН, с одобрением этого решения постоянными членами СБ на специальной международной конференции, назначение наблюдателей ООН для мониторинга ситуации в этом направлении.

Афганский проект фонда им. Эберта – инициатива одной из ведущих политических партий Германии (СДПГ) – страны-главного партнера и союзника США по евроатлантической политике в Афганистане и Азии в целом. Он разработан и продвигается на основе богатого практического опыта германской стороны и ее партнеров, в том числе в Центральной Азии, с привлечением большой группы специалистов профильных ведомств Германии и государственно-политических структур (МИД, парламент и др.), лучших специалистов-востоковедов, афганцев, представляющих как власть, так и оппозицию, экспертов из многих стран Центральной и Южной Азии, Китая и др. Этот проект позволяет странам евро-атлантического блока и их партнерам в самом Афганистане и вокруг него создать разветвленную научно-аналитическую сеть изучения и мониторинга ситуации на значительном пространстве Азии и при этом институционализировать контакты с различными политическими кругами и силами, будь то власть или оппозиция. Особая ставка при этом, как и в самом Стамбульском процессе, делается на потенциал и позицию стран «Сердца Азии», в ряду которых выделяются сами афганцы и их ближайшие соседи – центрально- и южноазиаты. Россия занимает сдержанную позицию по афганским делам, будь то инициативы Стамбульского процесса или другие проекты, и для этого есть геополитические и другие основания. Но при этом российская сторона не должна изолироваться от подобных инициатив, в том числе в информационном отношении и в экспертном формате. Несмотря на наличие в стамбульских и других программах спорных или даже неприемлемых идей (фактическое вмешательство во внутренние дела стран Центральной Азии под предлогом защиты их безопасности и др.), она должна поддерживать режим контактов и взаимодействия с фондом Эберта, возможно, даже путем

расширения его присутствия в Азиатской части России - например, в приграничном Алтайском крае, где угрозы безопасности, в том числе исходящие из Афганистана, ощущаются наиболее явно. Формат такого присутствия и основные направления деятельности фонда должны строго регламентироваться самой Россией, и обеспечивать ее представительство во всех сегментах международно-политических и экспертно-аналитических структур, сфокусированных на решении важнейших вопросов безопасности и развития.

ЛИТЕРАТУРА

[1]. Afghanistan's Region: 2014&beyond. Joint Declaration on Regional Peace and Stability. FES, New Delhi (n.d.).

КУДА ВЕДЁТ «НОВЫЙ ШЁЛКОВЫЙ ПУТЬ»?

В. Н. Пластун*

1. Немного истории. Евразийский «Великий шёлковый путь», появившийся II в. до н. э., представлял собою систему караванных торговых путей протяжённостью более 7 тыс. км и играл роль важного связующего звена между цивилизациями. Археологи утверждают, что ещё в III тысячелетии до н.э. существовал «лазуритовый путь», по которому лазурит из предгорий Памира транспортировали в страны Ближнего Междуречья и Индию. Затем – с конца II тысячелетия до н. э. – обозначился «нефритовый путь», по которому из района современного китайского Синьцзяна

* **Пластун Владимир Никитович** – д.и.н., профессор кафедры востоковедения Гуманитарного Факультета Новосибирского Государственного Университета

самоцветы доставляли в обмен на шелк. К середине I тыс. до н. э. маршруты начали переплетаться: лазурит попадает в Китай, а китайский шёлк в Персию и долину Инда. Таким образом, с конца II в. до н. э. Великий шёлковый путь (ВШП) становится своего рода звеном в цепочке, связывающем Китай, Индию и Ближний Восток с Европой.

Нестабильная обстановка на европейском континенте, характеризовавшаяся в те годы бесконечными войнами, серьёзно затрудняла доставку товаров с Востока. Интенсивность развития торговых отношений зависела в первую очередь от геополитической стабильности регионов, по которым пролегли маршруты караванных и морских путей. Междоусобные конфликты ослабляли центральную власть, разоряли торговцев; появились шайки профессиональных грабителей торговых караванов. Конец периоду нестабильности на маршрутах Восток-Европа к концу XI века, как ни парадоксально, положили именно арабские завоевания – восточные товары появились на рынках южного Средиземноморья.

Обратим, между прочим, внимание на такой весьма важный для понимания современных международных отношений фактор как роль ВШП в распространении мировых религий. Пионерами в этой сфере стали буддийские монахи, принесшие в первые века н.э. концепцию своего вероучения, продвигаясь из Индии в Среднюю Азию и в Китай. Затем буддизм проник в государства Средней Азии и Восточного Туркестана, и в IV – XI вв. – в Китай.

В VIII – XIV вв. в странах Центральной Азии местные вероисповедания были оттеснены Исламом, распространение которого происходило также по традиционным маршрутам ВШП. Монголы, завоевавшие Китай, приняли мусульманскую веру в качестве государственной религии в XIV в. Крупные мусульманские общины до сих пор

существуют в самом Китае, а с XIX в. значительные общины приверженцев Ислама появились и в Японии.

Веротерпимостью монгольских правителей не замедлили воспользоваться христиане-католики, основавшие в XIII в. в Ханбалыке (современный Пекин) постоянную миссию. Христианские проповеди на средневековом Востоке не оказали большого влияния на мировоззрение местного населения. Через ВШП в Центральную Азию проникали представители и других вероучений: иудаизма (Хазария, VIII – X вв.), манихейства (Уйгурский каганат, VIII в.), зороастризма. Однако азиаты предпочли Ислам.

Закат эпохи активности на маршрутах ВШП пути историки относят к XVI веку, когда началось бурное развитие торгового мореплавания вдоль побережий Ближнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии. Одновременно происходил процесс колонизации стран Востока армиями новых конкистадоров из Европы, жаждущих привить туземцам зачатки цивилизации и понятия демократического правления... В обмен на природные ресурсы.

История ВШП в наши дни могла бы использоваться в наши дни как образец взаимовыгодной торговли и культурного общения. Именно это предполагалось программой ЮНЕСКО «Шелковый путь – путь диалога» в 1987–1997 гг. Вопрос о восстановлении ВШП поднимался в 1998 г. на международной конференции в Баку, где 32 евроазиатских государства подписали многостороннее соглашение по развитию коридора Европа – Кавказ – Азия. Однако на пути осуществления проекта, кроме чисто технических трудностей, возникают (чаще, чем раньше) политические препятствия. Например, согласования при пересечении через 10 государственных границ и, самое главное, вопросы обеспечения безопасности. Кроме того, существуют опасения относительно сохранения

экономической независимости бывших советских республик Закавказья и Средней Азии от России.

С начала 1990-х продолжается обсуждение и частично реализуется проект создания трансевразийской транспортной системы, призванной приблизительно повторить маршрут ВШП (Китай-Туркменистан-Турция-Грузия) – ТРАСЕКА (ТРАСЕКА – Transport Corridor Europe – Caucasus – Asia). [10].

2. Влияние глобализации. С 70-х годов XX века нарушение платежного баланса США привело к ослаблению доллара. Погашение дефицита баланса долларами, а не золотом привело к подрыву доверия к этой международной денежной единице и, особенно, к его золотому содержанию. Страны, ведущие торговые операции с США, стали требовать обмена долларовых резервов на золото. Сейчас позиция доллара неустойчива, как, впрочем, и евро и японской йены, претендующих на стабильность.

На снижение уровня стабильности в мировой финансовой системе значительное влияние стали оказывать активно развивающиеся криминальные экономические связи. Глобализация охватывает не только легальную, но и теневую экономику. Набирают обороты рынки наркобизнеса и нелегальной торговли оружием, объём которого в последние десятилетия доходит до 5-10 млрд долл. Список контрабанды пополняется алмазами, золотом, нефтью.

Около 8% мировой торговли (примерно 200 млрд долл. ежегодно) составляют подделки под всемирно известные торговые марки. Большая часть их приходит из развивающихся стран (Китай и другие страны ЮВА). В индустриально развитых странах дельцы «специализируются» на контрафакте высокотехнологических товаров.

Возрастающую роль в теневой экономике играет мировая система нелегальной миграции, через которую ежегодно проходит около 4 млн человек, принося организаторам доход в сумме около 7 млрд долл.

Весьма прибыльным занятием является «отмывание» и сокрытие доходов. По оценкам, в мировой «прачечной» ежегодно чистят 500–1000 млрд долл. (10% объема международной торговли). Гарантии сохранения банковских секретов привлекают и мафиозные организации, транснациональные корпорации, избегающие налогообложения.

Исследуя детали глобального развития нелегальной экономики, эксперты, приходят к неожиданным выводам. Оказывается, глобализация отнюдь не приводит к повышению действенного контроля над экономикой, поскольку её весьма действенным «побочным продуктом» становятся «серые зоны». Они «числятся» в составе мировой хозяйственной системы, но находятся вне зоны правительственного контроля. «Серые зоны» легко можно обнаружить в Латинской Америке, в Азии, Африке, России. В Азии, как считают исследователи, «серые зоны» представлены Афганистаном и некоторые районы Мьянмы. В России 90-х годов такой зоной была Чечня. К структурам теневых форм международных финансовых сделок относится, например, традиционная для многих мусульманских стран «хавала», которую используют не только трудовые мигранты, но и исламистские террористы. [11].

3.Новый шёлковый путь. К поискам возможностей возрождения Великого шёлкового пути в начале XXI века подступались многие западные и американские исследователи различных направлений. Как довольно часто случается на крутых поворотах истории, поискам нового способствовали случайные (и неслучайные) военные конфликты.

Как полагают узбекские исследователи Г. Юлдашева, М. Шукурзода, в США идеи возрождения Великого шёлкового пути в новом формате и с иным геополитическим подходом стали рассматриваться в США «еще в октябре 1997 г., когда сенатор Браунбек в тесном сотрудничестве с проф. Ф.

Старром выдвинул свою законодательную инициативу о Шелковом пути». Впоследствии Ф. Старр, возглавляющий Институт Центральной Азии и Кавказа в Университете им. Дж. Хопкинса в Вашингтоне, постоянно обновлял концепцию и проект под названием «Новый Шелковый путь», который был им опубликован в книге «Афганистан вне рамок процесса национального строительства. Предоставление шанса экономической стратегии» [7].

Руководство США, однако, пошло по другому пути, о чём пишет известный американский политолог З. Бжезинский: «Играя на массовом незнании [американским] народом мировой истории и географии, средства массовой информации в погоне за прибылью нагнетали панику, воспользовавшись которой демагоги из правительства Буша повели страну в восьмилетний крестовый поход. “Война с террором” стала синонимом внешней политики, и Штаты почти не заботились о том, чтобы выстроить стратегию, учитывающую долгосрочные интересы страны в складывающейся геополитической картине».[1- Р. 187.].

Оценка ситуации, данная З. Бжезинским, поначалу не была услышана и осознана в Белом доме. А. Магомедов по этому поводу замечает, что «представители Госдепартамента долгое время относились к этому плану с настороженностью и недоверием, первоначально посчитав его неработоспособным. Но в 2010 году он получил поддержку Центрального командования США и его тогдашнего руководителя генерала Дэвида Петреуса». Затем и в Вашингтоне решили поддержать проект, а «госсекретарь Хиллари Клинтон, судя по всему, приняла ее в качестве экономической базы для американской стратегии в Афганистане после 2014 года, продвигая эту идею на своих встречах в октябре 2011г. с президентами трех стран-соседей Афганистана — Пакистана, Таджикистана и Узбекистана» [3].

Этому предшествовали многочисленные интервью Ф. Старра, выступления на научных конференциях, неоднократно перепечатывавшиеся международными СМИ. Его статья, озаглавленная «Открывая Центральную Азию заново...» (2010 г.) вызвала широкий резонанс среди мировой научной общественности, политиков и военных.

Не столь важно, выполнял ли профессор Ф. Старр заказ Пентагона и ЦРУ или же им двигали чисто научные интересы. Однако когда он обвиняет в несчастьях, обрушившихся на Афганистан и регион кого угодно, не упоминая США, которые ведут там войну уже 12 лет, становится понятно, что речь идёт в первую очередь о геополитике, а не об интересах стран ЦА. Он, например, пишет: «В разоренном Афганистане, традиционно считавшемся сердцевиной Центральной Азии, вооруженные силы США сражаются с отсталыми и невежественными талибами. Главные новости в Америке, связанные с остальной частью Центральной Азии, касаются поисков баз, с которых Пентагон мог бы обеспечивать афганскую кампанию». Китай, по мнению Ф. Старра, рассматривает ЦА «как полуколониальный источник нефти, природного газа, золота, алюминия, меди и урана», Россия – как зону «геополитического соперничества с Западом и все больше с Китаем» [4].

К тому времени провал военной операции США и их союзников в «борьбе с терроризмом» в Афганистане уже обозначился, а уходить с пятном позора поражения Вашингтон не собирался. Выход виделся в реализации принципа «уходить, оставаясь», т. е. закрепиться в регионе при помощи экономических рычагов, не исключая тем не менее, применение силы, которая может потребоваться «для защиты национальных интересов США». Начался лихорадочный поиск новых подходов к закреплению в центрально-азиатском регионе – средоточию огромнейших природных богатств.

Крайне негативные результаты боевых действий в Афганистане, где трижды (в XIX и XX вв.) сломали зубы британские колонизаторы, Советский Союз (1979-1989 гг.), а теперь погибают натовские военнослужащие, заставил Вашингтон разрабатывать проекты обходных путей. Предыдущий опыт заставлял обратиться к тщательному изучению будущего театра уже невоенных действий.

В статьях, публикациях, интервью Ф. Старр убеждал читателей в том, что главным препятствием в развитии международной торговли были Советский Союз и талибы: «Советы возрождали грамотность, но вместе с тем они подавляли свободную мысль». Старинные транспортные маршруты стали возрождаться «с тех пор, как регион вышел из-под контроля Советов, а затем движения Талибан». И ни слова о военных действиях США и их союзников по НАТО в Афганистане.

Вопреки реальной хронике развития событий в Афганистане, он утверждает, что «“Открытие” Центральной Азии миру» произошло между 1991 и 2001 годами. Но ведь в 1991 г. исполнилось уже два года, как советские войска покинули Афганистан. В 1992 г. исламская оппозиция, захватив Кабул, развязала гражданскую войну. Хаос длился до 1996 г., когда в Афганистан хлынули отряды «Движения талибан», подготовленные при непосредственном участии представителей ЦРУ и УМР (Управления межведомственной разведки Пакистана). США поддерживали действия талибов до тех пор, пока те не переступили границы дозволенного, а именно – перестали выполнять указания Вашингтона. Вот тогда (и только тогда!) Вашингтон принял решение их наказать: в октябре 2001 г. американские войска начали войну против талибов, укрывавшим к тому же «врага № 1» США Усаму Бен Ладена.

Как можно было в такой обстановке «открыть» Центральную Азию в период между 1991 и 2001 гг.?!

По плану Ф. Старра, необходимо сконцентрировать усилия государств ЦА, а также «помогающих им дружественных стран, в том числе Соединенных Штатов на восстановлении главных континентальных транспортных маршрутов, повышении свободы пресечения границ, снижении экспортно-импортных тарифов и уменьшении вмешательства правительств в экономическую и социальную жизнь» [5].

Когда он предлагает «относиться к странам региона как к суверенным государствам, а не как к шахматным фигурам – к тому же инертным в плане культурного развития», то сначала не совсем понятно, к кому он обращается.

В конце концов выясняется, что «правительство Владимира Путина» рассматривает ЦА «в качестве “зоны особых интересов” своего государства», китайцы – «в качестве источников сырья», Соединенные Штаты – «в качестве остановки для заправки топливом на пути к Кабулу». А надо, говорит Ф. Старр, взаимодействовать со странами ЦА, «а также использовать их уникальное географическое положение, реально позволяющее превратиться в связующее звено, мост между цивилизациями. Такое понимание вещей... подтолкнет международных партнеров региона рассматривать его не просто как объект геополитической игры, а как нечто большее» [5].

Можно бы с энтузиазмом приступать к обсуждению и практической реализации проекта «Новый шёлковый путь». Думаю, что Ф. Старр прав, утверждая: «Борьба в Афганистане – это региональное явление по своим масштабам, оказывающее влияние на остальную Центральную Азию, Пакистан, Индию, Китай, Иран и т. д., и с ней должно покончить на региональном уровне». То есть, необходимы совместные усилия всех сторон, заинтересованных в скорейшем окончании конфликта и восстановлении разрушенной экономики Афганистана.

Но вот тут-то и начинаются метаморфозы.

В 48-страничной брошюре, опубликованной Ф. Старом и его соавторами [12], говорится: основная трудность – для центрально-азиатского региона вообще, и для Афганистана («пробка в горлышке бутылки») в частности – заключалась в том, что эти территории служили барьером на пути развития континентальных транспортных маршрутов. Изоляция «от мира коммерции обрекала Афганистан и его соседей на отсталость и заставляла их народы прибегать к экстремистским способам решения проблем».

Прорвать изоляцию и сломать барьеры, согласно выводам Ф. Старра и его коллег, удалось Соединённым Штатам Америки: «Возглавленная США операция “Несокрушимая свобода” радикально изменила ситуацию, вновь, впервые после 1936 года открыв северные границы Афганистана для широкомасштабных торговых отношений, и создав такие же потенциальные возможности на восточной границе с Пакистаном». Именно эта акция явилась «наилучшим и единственно возможным путём для Америки консолидировать и расширить свои военные интересы в Афганистане (подчёркнуто мной – В. П.)». Иными словами, как следует из последующего изложения концепции, предлагается вывести народы ЦА из отсталости и отвлечь их от соблазна прибегать к экстремистским вылазкам через боевые действия американских войск. Иначе не получается...

Ф. Старр полагает, что Афганистану надо дать возможность стать «естественным узлом и транзитным пунктом для шоссейных дорог, железнодорожных магистралей, трубопроводов и линий электропередач». Для этого требуется определить приоритетные задачи, координировать действия и создать умелое управление.

Кто это сделает? Ф. Старр и соавторы его концепции отвечают: «Америка и её партнёры по коалиции». Почему именно они? Потому, отвечает Ф. Старр, что «Америка, как

незаинтересованный [бескорыстный] участник, лучше позиционирована, чем какая-либо другая сила в регионе для осуществления изменений, которые удовлетворят всех» (подчёркнуто мной – В. П.).

Логически трудно понять, почему вдруг незаинтересованный [бескорыстный] участник (Соединённые Штаты) воспылил желанием навести порядок в этом очень отдалённом от США и Европы регионе, применяя военную мощь, убивая мирных жителей, неся немалые потери в личном составе своих боевых частей. На альтруизм не похоже, если вспомнить схожие ситуации, хотя бы в Ираке.

И потребуется на это, как несколько раз повторяется в брошюре, всего лишь от 18 до 24 месяцев. (Напомним, что этот срок указывался ещё в 2010-м). Правительство самого Афганистана, указывает Ф. Старр, ещё в 2007 г. подтвердило «свою национальную стратегию», основанную на развитии транспортной инфраструктуры. Большинство компонентов стратегии, писал Ф. Старр, «уже осуществляются США, региональными государствами, международными финансовыми институтами или частными инвесторами. Остальные требуют прямого руководства и координации со стороны США и, особенно, в части рискованного управления». Следовательно, речь опять идёт о стратегическом плане, выработанном американскими экспертами и предназначенном для осуществления под американским руководством.

Суть плана, изложенного в брошюре, состоит в следующем.

Современный подход США к экономическому обновлению региона покоится на четырёх столпах: 1) создание рабочих мест; 2) обеспечение базовых служб; 3) создание инфраструктуры; 4) расширение финансового обеспечения.

Для достижения успеха в реализации экономической стратегии для Афганистана необходимо руководствоваться четырьмя критериями.

1. Она должна быть прямо направлена на улучшение условий жизни афганцев, пакистанцев и народов Центральной Азии. Именно такой подход ослабит желание прибегать к насилию и только в этом случае начнётся и может осуществиться в течение 18-24 месяцев сокращение дорогостоящего военного присутствия США.

2. Реализация экономической и военной стратегий должна происходить одновременно.

3. Афганское правительство (после вывода американских войск) должно перевести страну на самообеспечение. «Сегодня США выплачивают жалование всем афганским военнослужащим и гражданскому персоналу. Так не может больше продолжаться».

4. Экономическая стратегия должна работать быстро, продемонстрировав удовлетворительные результаты уже в течение 18-24 месяцев. Экономический прогресс создаст условия, которые дадут США возможность перенести центр тяжести с военных усилий в область улучшения социально-экономической ситуации.

Осуществление проекта, пишут его авторы, тем более обещает быть успешным, что к нему подключатся другие страны региона, Индия и Пакистан. Конечно, строительство трубопроводов, железных дорог и линий электропередач потребует больших вложений, но недостатка в международных инвесторах не будет (внимание!), «если Соединённые Штаты возьмут на себя обеспечение необходимого стратегического руководства».

Сомнительно, чтобы осуществление проекта было успешным, если им руководит «незаинтересованный», то есть – «бескорыстный» (!) участник. Желаемый результат при осуществлении любого предприятия может быть достигнут

только (и только!) в том случае, если в нём участвуют (а тем более – им руководят) кровно заинтересованные лица на государственном уровне.

В последующих выступлениях Ф. Старра просматриваются желание как-то сгладить впечатление о непрременной руководящей роли США в реализации идеи НШП. Он начинает заверять читателей в том, что «это не проект-предложение», что «Новый Шелковый путь фактически уже продвигается во всех направлениях, при посредничестве или без содействия Соединенных Штатов или какой-либо другой страны или группы стран». «Единственный вопрос, – убеждает он, – состоит лишь в том, что он может быть ускорен при поддержке США» [9].

Антироссийские нотки в высказываниях Ф. Старра по-прежнему присутствуют, он говорит о «скептицизме в этом вопросе» Москвы, которая, мол, «стремится сохранить транспортную модель советского периода» в то время, как «бизнесмены на Урале, в Западной Сибири и Алтае горят желанием получить доступ к отправке своих грузов в Индию, Пакистан и Юго-Восточную Азию» [13].

Ф. Старр признаёт, что «неспособность США принять “Стратегию Шелкового пути” для Афганистана и сопредельных стран нанесла бы серьезный удар по авторитету Вашингтона в Кабуле и других региональных столицах», но в то же время предупреждает: «Возможный кризис в Афганистане, Центральной Азии и Пакистане может отразиться в первую очередь не на Вашингтоне, но на его союзниках и партнерах, чья стабильность не безразлична для США... Другими словами, если бы США оказались не в состоянии предложить и проводить новую транспортно-торговую стратегию, НАТО также пришлось бы за это расплачиваться» [8].

Здесь слышатся элементы угрозы в отношении потенциальных партнёров по проекту, как своих, натовских,

так и других государств региона. Нечто вроде «кнута и пряника».

Нельзя не согласиться с содержанием большинства выводов, к которым пришли Г. Юлдашева и М. Шукурзода. Они обратили основное внимание на то, что «при урегулировании афганской проблемы в вышеизложенном ракурсе заинтересованы, прежде всего, сами Соединенные Штаты, поскольку с устранением потенциальных угроз как своим, так и центрально-азиатским интересам, они сохраняют при этом положение одного из крупнейших лидеров в зарождающемся миропорядке, что вполне объективно для держав такого уровня».

Заметили они и тот факт, что в концепции Ф. Старра проблемы демократии, монотонно повторяющиеся в официальной риторике США по поводу «диктаторских» азиатских режимов «отодвигаются на второй план в силу несоизмеримости по масштабам возможных последствий региональной нестабильности с уровнем демократических проблем».

Ф. Старр настойчиво повторяет, что стратегия Нового Шелкового пути не направлена против чьих-либо интересов и сулит его участникам только выгоду. Вместе с тем, не стоит забывать о политических препятствиях, стоящих на пути его осуществления, а также тот неоспоримый факт, что к возведению этих барьеров в значительной степени самое непосредственное отношение имеют Соединённые Штаты Америки.

Прошло три года. Дискуссии вокруг проекта начали затухать. На совещании экспертов в Институте Центральной Азии и Кавказа при Университете Дж. Хопкинса теперь говорят, что центрально-азиатские государства почти не продвигаются по пути экономической интеграции, предпочитая полагаться на двухсторонние связи с «крупными внешними странами» [6]. Сам Ф. Старр признаёт, что

«в настоящее время этот регион пока теряет свой суверенитет во всех смыслах, за исключением узко политического». Самыми заинтересованными игроками на этом поле он назвал ЕС, США, Китай и Россию.

Вывод Ф. Старра таков: «Если это действительно так, то необходимо задаться вопросом, правильно ли вообще говорить о подобном объединении и может быть нам нужна какая-то совершенно иная конструкция... Моя личная точка зрения состоит в том, что страны Центральной Азии очень умело ведут себя в отношении внешних сил и что они осознают свой собственный суверенитет гораздо глубже, чем мы, но при всем при этом в 2013 году центробежные силы в регионе будут абсолютно доминирующими и каких-либо значительных перемен на горизонте не видно».

По-моему, суть концепции профессора Ф. Старра, приложившего титанические усилия для того, чтобы убедить мировое сообщество в необходимости трансформации подхода к решению задач экономического развития региона ЦА заслуживает всяческого одобрения и поддержки. Однако он недооценил значение политических целей различных внешних сил, борющихся за влияние в регионе и, в первую очередь, – Соединённых Штатов Америки. Проект Нового шёлкового пути придётся, видимо, отложить до лучших времён. Не зря З. Бжезинский заметил, что «на Востоке стремительно растут несколько новых претендентов на мировое господство», а посему «нынешний мир гораздо менее склонен подчиняться одной державе – даже такой мощной в военном отношении и политически влиятельной как Соединённые Штаты». Отсюда и его совет Вашингтону – выступить для стран Востока в качестве «посредника и миротворца» [2- Р. 286.].

К этому пожеланию стоило бы прислушаться. Не сомневаюсь, что профессор Ф. Стар, разрабатывая свою стратегию НШП, имел в виду именно такое развитие событий,

но политические соображения, скорее всего подсказанные сторонниками «мировой гегемонии США», помешали ему рассмотреть детали истинного положения дел в регионе и попытаться определить более реальную перспективу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бжезинский Збигнев*. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. – М.: Астрель, 2012.
2. *Бжезинский Збигнев*. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис.
3. *Магомедов Арбахан*. Концепция «Нового Шёлкового пути» США против стратегии евразийской интеграции Владимира Путина: перетягивание Центральной Азии // Сайт ГЛАСРУ. Обзор российской геополитической мысли: URL <http://www.glasru.ru/kontsepsiya-novogo-shyolkovogo-puti-ssha-protiv-strategii-evraziyskoy-integratsii-vladimira-putina-peretyagivanie-tsentralnoy-azii/> 21.08.2012 (дата обращения 25.03.2013).
4. *Старр Фредерик*: «Открывая Центральную Азию заново...» // Сайт Trend News: URL <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1265952540> (дата обращения 12.02.2010).
5. *Старр Фредерик*: «Открывая Центральную Азию...».
6. *Старр Фредерик*: Центральная Азия продолжает разваливаться // Сайт Vesti.uz: URL <http://news.mail.ru/inworld/uzbekistan/politics/11224478/> (дата обращения 07.12.2012).
7. Юлдашева Г., Щукурзода М. Стратегия нового шёлкового пути: проблемы и перспективы // Информационный портал 12 uz: URL <http://www.12uz.com/ru/news/show/comments/7410/> 21.11.2011 (дата обращения 25.03.2012).
8. *Юлдашева Г., Щукурзода М.* Стратегия нового шёлкового пути: проблемы и перспективы.
9. Цит. по: Юлдашева Г., Щукурзода М. Стратегия нового шёлкового пути: проблемы и перспективы // Информационный портал 12 uz: URL <http://www.12uz.com/ru/news/show/comments/7410/> 21.11.2011 (дата обращения 25.03.2012).

10. См.: Интернет-ресурсы: Л.А. Мамлеева. Становление Великого шелкового пути в системе трансквилизационного взаимодействия народов Евразии // Археология Евразии / Vita Antiqua. 1999. № 2 - <http://archaeology.kiev.ua/pub/mamleyeva.htm>, 21.09.2001.
11. См.: Энциклопедия Кругосвет // http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/ekonomika_i_pravo/MIROVAYA_EKONOMIKA.html (дата обращения 25.03.2013).
12. The Key to Success in Afghanistan. A Modern Silk Road Strategy. S. Frederick Starr and Andrew C. Kuchins with Stephen Benson, Elie Krakowski, Johannes Linn, Thomas Sanderson Published by the Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program in Cooperation with the Center for Strategic & International Studies // Silk Road Paper, May 2010. 48 p.

III. СИТУАЦИЯ В АФГАНИСТАНЕ И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКО-АФГАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ И АФГАНСКОЙ ПОЛИТИКИ США

М.Р. Арунова

95 лет тому назад 4 июня 1918 г. Совет народных комиссаров РСФСР, не считая законным ущемление Англией прав Афганистана во внешнеполитических вопросах и объявив о готовности учредить в стране свое полномочное представительство, обратился к руководству Туркестанской автономной советской социалистической республики (ТАССР) с предложением направить в Кабул своего сотрудника[21- С. 45.]. В июне 1918 г. в страну был командирован К.И. Сливицкий – председатель Совета крепости Кушка, знавший язык дари и к тому же специалист в области радиотехники.[21-С.41,47].

Попытка прибывшего в Кабул в начале 1919 г. К.И. Сливицкого, установить дипломатические отношения с Афганистаном оказалась безуспешной. Эмир Хабибулла за несколько недель до смерти заключил соглашения со среднеазиатскими правителями о сопротивлении распространению большевизма.

Арунова Марианна Рубеновна - д.п.н., вед.научн сотрудник Института востоковедения РАН РФ

В конце 1918-начале 1919 гг. внутреннее положение в Афганистане становилось все более напряженным. В ночь с 20 на 21 февраля 1919 г. эмир был убит в Желалабаде вблизи своей летней резиденции. Новым эмиром стал его сын Аманулла-хан, коронованный 28 февраля 1919 г. В первом же выступлении эмир провозгласил восстановление независимости Афганистана, подчеркнув, что афганское правительство свободно во всех вопросах внутренней и внешней политики и ныне страна обладает правами, которыми пользуются все суверенные государства.[10 – С. 84-85, 88.].

3 марта 1919 г. Аманулла-хан направил вице-королю Индии Челмсфорду послание, в котором извещал о своем вступлении на престол, восстановлении независимости и ставил вопрос о пересмотре англо-афганских отношений. В ответе, полученном, в Кабуле лишь через полтора месяца, вице-король отказался признать независимость Афганистана и вскоре к индо-афганской границе стали подтягиваться войска. Это свидетельствовало о намерениях Лондона силой воспрепятствовать восстановлению независимости.

Москва занимала в корне иную позицию. Еще весной 1918 г. (т.е. до провозглашения Афганистаном восстановления независимости) Россия потребовала, чтобы в текст Брест-Литовского договора была включена ст. 7, предусматривающая обязательства договаривающихся сторон уважать политическую независимость и территориальную неприкосновенность Афганистана и Персии.[12 – С. 123.]. Затем в начале марта 1919 г. в беседе с представителем президента США и премьер-

министра Англии В. Буллитом В.И. Ленин настаивал, чтобы в документах Парижской мирной конференции общим взаимным обязательством было гарантировано неприменение силы для низвержения афганского правительства. Однако, мнение В.И. Ленина было скрыть о мировой общественности.[8-С.81-92.]

7 апреля 1919 г. эмир Аманулла и афганский министр иностранных дел М. Тарзи направили в Москву послания, в которых объявлялось о вступлении Амануллы на престол, провозглашении восстановления независимости и намерении установить дружественные отношения между РСФСР и Афганистаном.[22- С. 8.]. Решение обратиться к Москве не было принято спонтанно: в Афганистане знали об обращении Совнаркома «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» и Брест-Литовском мирном договоре (перевод его полного текста 25 июля 1918 г. был опубликован М. Тарзи в издававшейся им газете «Сираджауль-ахбар» - «Светильник истории»). К тому же К.И. Сливичский, находившийся с начала 1919 г. в Кабуле, принимая на смонтированной им радиостанции передачи из Москвы, информировал эмира о событиях в России и ее линии в поддержку освободительной борьбы народов Востока. Послания из Афганистана, полученные в Ташкенте, переслали в Москву по радиотелеграфу. Председатель Совнаркома В.И. Ленина и Председатель ВЦИК М.И. Калинин 27 мая 1919 г. в ответном послании приветствовали заявления эмира Амануллы и М. Тарзи и предложили произвести обмен дипломатическими представительствами, что вскоре и произошло. С того времени 27 мая 1919 г.

признано считать днем установления дипломатических отношений между нашими странами. Тогда же в отдельной ноте Наркоминдела РСФСР, пересланной в Кабул, сообщалось, что советское правительство признает независимость Афганистана и уничтожает все договоры, которые были «силой навязаны народам маленьким и слабым их сильными и хищными соседями, в том числе царским правительством». В отношении Афганистана имелась в виду англо-русская конвенция 1907 г. Более того, в ноте подчеркивалось, что «Советское правительство, как только осведомилось о провозглашении независимости афганского народа, тотчас же торжественно признало самостоятельность Афганистана и с величайшим благожелательством относится к борьбе афганского народа против его угнетателя и врага».[13- с.24]. В это время шла третья англо-афганская война и афганское правительство, естественно, была весьма заинтересовано в поддержке. Провал английской интервенции в Средней Азии в результате успешных действий Красной Армии и мощное антианглийское восстание пуштунских племен значительно затрудняли борьбу Англии против Афганистана. После непродолжительных военных действий англичане согласились на предложенное афганской стороной перемирие. 19 августа 1919 г. в Равальпинди был заключен прелиминарный (предварительный) мирный договор.

В декабре 1919 г. в Кабул прибыл чрезвычайный и Полномочный представитель РСФСР Я.З. Суриц и сопровождавшие его лица. Уже в начале 1920 г. начались переговоры о заключении договора между

нашими странами. Переговоры шли весьма непросто. Нарком иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерин, выступая 17 июня 1920 г. на заседании ВЦИК, отмечал: «Несмотря на отдельные затруднения, мы все же имеем в Афганистане друга и союзника и мы убеждены, что эти дружественные отношения с Афганистаном будут развиваться и впредь»[13-С.659].

13 сентября 1920 г. Я.З. Суриц и афганский министр иностранных дел М. Тарзи парафировали текст договора. Однако его заключение, а затем ратификация заняли в связи с противодействием Англии несколько месяцев.

Прибывший в Кабул в начале января 1921 г. для переговоров о заключении постоянного мирного англо-афганского договора Г. Доббс, предложил Афганистан некоторые уступки по сравнению с преминарным договором, подписанным в Равальпинди. Речь в том числе шла о предоставлении Афганистану 20 тыс. винтовок, 20 полевых батарей, пулеметов и выплате ежегодных субсидий, но при обязательном условии аннулирования парафированного советско-афганского договора, высылки из Афганистана советского посольства и всех лиц, присутствие которых Англия сочтет для себя опальным. Важнейшим требованием, высказанном Г. Доббсом, было принятие эмиром обязательства вести переговоры с другими государствами только через посредство британского правительства [11].

Афганское правительство отвергло эти требования и после согласований в Москве 28 февраля 1921 г. состоялось заключение советско-афганского дружественного договора. В начале

августа 1921 г. Джирга (собрание представителей центральных и провинциальных властей, вождей племен, религиозных авторитетов, крупных землевладельцев и деловых кругов) одобрила советско-афганский договор, а 14 августа договор был ратифицирован.[11-125-127].

Заключение Договора имело историческое значение и для РСФСР, и для Афганистана. Для РСФСР – прорыв созданной Западом дипломатической изоляции, обеспечение безопасности южных границ и путь к развитию торговых отношений. Для Афганистана – это был первый равноправный договор с великой державой, основывающийся на принципах взаимного уважения и невмешательства в дела друг друга, что отличало его от всех заключенных им ранее договорно-правовых документов, ущемлявших суверенитет и национальную независимость афганского народа.

Договор 1921 г. имел важное значение для других стран Востока и как «первопроходец», вводил их равноправными членами в систему международных отношений, служа далее стимулирующим фактором в их борьбе за независимость. Несомненно можно подчеркнуть и то, что многие принципиальные положения договора с годами стали общепризнанными нормами и были зафиксированы в таких документах общемирового значения, как Устав Организации Объединенных Наций и многих других.

Анализируя основные положения Договора 1921 г., следует особо отметить, что в его преамбуле указана цель – упрочение дружественных отношений между Россией и Афганистаном и ограждение его действительной независимости.

Чрезвычайную важность представляет ст.2, в соответствии с которой обе стороны приняли на себя обязательство не вступать с третьей державой в военный или политические соглашения, наносящие ущерб одной из договаривающихся сторон.

Учитывая, что Афганистан – государство, не имеющее выхода к морю и во многом зависящее от внешнеторговых связей, наша страна в соответствии с ст.6 обязалась предоставлять афганцам право свободного и беспошлинного транзита через свою территорию грузов, закупленных не только в России, но и в других странах[14 - С. 550 и след.].

Несмотря на хозяйственную разруху и огромнейшие экономические трудности тех лет Россия уже в первые годы после подписания Договора согласно ст. 10 оказывала Афганистан посильную финансовую помощь. Уже 12 марта 1921 г. советский полномочный представитель (так в то время именовались чрезвычайные и полномочные послы) вручил афганскому правительству 120 тыс. рублей золотом, а в августе того же года еще 500 тыс. рублей также золотом. Со своей стороны афганские власти в сентябре 1921 г. когда в ряде российских областей возникли серьезные трудности с продовольствием, выразили готовность продать советской России 500 тыс. пудов пшеницы и 500 баранов, а затем эмир Аманулла сообщил советскому полпреду в Кабуле о безвозмездной передаче около 200 тыс. пудов зерна[9 - С. 8.].

Постепенно между странами стала развиваться торговля. Этому способствовали введение льготного налогообложения для афганских купцов, а затем предоставление им кредитов. Важную роль в

успешном расширении торговли сыграло и то обстоятельство, что сбыт афганских товаров, в частности, хлопка, хотя он был сравнительно не очень высокого качества, был гарантирован: СССР закупал хлопок по твердым ценам, независимо от колебаний на мировом рынке. Большое значение для развития торговли имели также ежегодно проводившиеся с 1922 г. нижегородские ярмарки. Установление на ярмарочной торговле особых льгот при уплате налогов, таможенных пошлин, железнодорожных тарифов и предоставление права беспрепятственного въезда на советскую территорию с каждым годом привлекали все большее число афганских купцов. В 1926/1927 гг. через ярмарку осуществлялось 13,6% общего объема советско-афганских внешнеторговых операций.[9-С.11].

Идя на встречу пожеланиям афганской стороны, СССР увеличивал поставки керосина машин и оборудования.[6 – С. 858 и далее]. В эти же годы стало осуществляться и технико-экономическое содействие Афганистану – построена переданная в дар афганцам первая радиотелеграфная станция, а 15 сентября 1921 г. советское правительство предложило оборудовать две метеорологические станции сельхоз назначения. Одна из них начала функционировать в 1923 г. В 1922-1923 гг. Афганистану были переданы учебные самолеты в организованную в Кабуле авиашколу. В 1926 г. в Афганистане было уже 12 самолетов различных марок, советские летчики обучали молодых афганцев летному делу. В 1924-1927 гг. при содействии СССР были сооружены телеграфная

линия Кушка-Герат-Кандагар-Кабул, Кабул-Мазари-Шариф и открыта школа телеграфистов.

В Афганистан передавались селекционные семена хлопчатника, после чего в ряде городов при содействии советских специалистов стали создаваться хлопкоочистительные предприятия.[9 – С.15-16].

Оказывая технико-экономическое содействие Афганистану и развивая торговлю, советские представители неуклонно учитывали инструкцию, данную Москвой советскому полпреду. В инструкции, в частности, говорилось: «Вы должны избегать роковой ошибки искусственных попыток насаждения коммунизма. Мы говорим афганскому правительству: у нас один строй, у вас другой, у нас одни идеалы, у вас другие; нас, однако, связывает общность стремлений к полной самостоятельности, независимости и самодеятельности наших народов. Мы не вмешиваемся в ваши внутренние дела; мы не вторгаемся в самодеятельность вашего народа; мы оказываем содействие всякому явлению, которое играет прогрессивную роль в развитии вашего народа. Мы ни на минуту не думаем навязывать вашему народу такую программу, которая ему чужда в нынешней стадии его развития».[15 – СС. 166-167].

Рекомендации, изложенные в инструкции, были особенно важны, т.к. в декабре 1919 г. в Ташкенте Коминтерном был создан Совет интернациональной пропаганды, материалы которого распространялись в Средней Азии и в зоне афганских племен у границ с Британской Индией, призывая их развернуть работу по пропаганде освободительных идей Октября. Возможность появления этих материалов

среди племен в самом Афганистане, могла вызвать осложнения между нашими двумя странами.

Несомненную озабоченность Москвы вызвали решения международной конференции в Локарно (1925 г.), практически направленные на создание единого фронта борьбы с СССР. Благодаря активным действиям советской дипломатии был подписан ряд договоров с приграничными странами. Первым из них стал дружественный договор с Турцией, заключенный 17 декабря 1925 г. В архивных материалах МИД РФ сохранился документ, в котором сообщалось, что в беседе с афганским послом в Москве, последний высказал пожелание о заключении договора СССР с Афганистаном, аналогичного советско-турецкому.[15- Т.IX. С.487].

31 августа 1926 г. в Пагмане был подписан советско-афганский договор о нейтралитете и взаимном ненападении.[15- Т.IX. –С 406-407]. Обе стороны взяли обязательства в случае войны или военных действий между одной из договаривающихся сторон или несколькими третьими державами соблюдать нейтралитет по отношению друг к другу (ст. 1). Ст. 2 предусматривала, что стороны будут не только воздерживаться от нападения друг на друга, но и обязуются: а) не принимать участия в союзах или соглашениях военного или политического характера, направленных против другой стороны; б) не принимать участия в финансовом или экономическом бойкоте или блокаде; в) воздерживаться от всякого вооруженного или невооруженного вмешательства в дела другой стороны. В этой же статье предусматривалась возможность оказания в случае необходимости

определенной помощи, если в этом будет необходимость. Также в Договоре оговаривалось, что если линия поведения третьей державы или третьих держав по отношению к одной из договаривающихся сторон будет иметь враждебный характер, то другая сторона обязуется не только не поддерживать такую линию поведения, но и обязана на своей территории противодействовать ей и вытекающим из нее враждебным действиям и начинаниям. Стороны сочли также необходимым включить в Договор статью, запрещающую организацию и деятельность группировок и отдельных лиц, которые наносили бы вред СССР и Афганистану. Важное значение имела ст. 5, в соответствии с которой, стороны вне пределов взятых на себя обязательств сохраняли право на полную свободу внешних сношений.

Рассматривая советско-афганские отношения в середине 20-х гг. прошлого века, следует упомянуть и о решении вопроса о принадлежности острова Урта-Тугай на Аму-Дарье. Напомним, что Урта-Тугай ранее принадлежал царской России. После отречения Николая II, русские военные посты покинули остров. Со временем пространство между островом и афганской территорией занесло песком и Урта-Тугай превратился в полуостров, который заселили занимавшиеся рыболовством афганцы, затем там обосновались бежавшие из Средней Азии басмачи, совершавшие нападения на советскую территорию. В ноябре 1925 г. на Урта-Тугай произошел вооруженный конфликт, после чего была создана советско-афганская смешанная комиссия. В результате переговоров стороны подписали Протокол, согласно которому «СССР, признавая

преобладающее значение экономических интересов Афганистана и исходя из дружественных отношений между двумя странами в целях их углубления, соглашается на передачу острова во владение афганского государства». Афганистан, со своей стороны, взял на себя обязательство принимать меры к тому, чтобы территория Урта-Тугай не использовалась враждебными СССР элементами для нападений на советскую территорию».[3 – С.30-31].

Весной 1928 г. эмир Аманулла был приглашен посетить нашу страну с официальным визитом. Западные державы, прежде всего Англия, стремились сорвать визит. Как свидетельствовал известный афганский историк М. Губар, Лондон дал эмиру понять, что тот может рассчитывать на любую помощь со стороны английского правительства при условии, если воздержится от поездки в СССР.[10 – С.162]. Тем не менее, визит состоялся. Амануллахан пробыл в СССР с 2 по 18 мая 1928 г. Во время переговоров была достигнута принципиальная договоренность о расширении экономических, научных и культурных связей и решения ряда проблем, включая пограничные. Успешное развитие отношений между нашими странами было прервано в период антиамануллистских мятежей и восстаний племен в конце 1928 г., отречения Амануллы и захвата Кабула дезертировавшим из афганской армии унтер-офицером таджиком Хабибуллой, известным под именем Бачаи-Сакао (сын водоноса), провозгласившего себя эмиром. По его инициативе в феврале 1929 г. в Кабуле было созвано совещание главарей басмачей, на котором разрабатывались планы борьбы против советской Средней Азии. В период (хотя и недолгий) нахождения у власти

Бачаи-Сакао, мятежей и восстаний, был нанесен большой урон экономике страны. Парализованы внутренняя и внешняя торговля, участились грабежи и разбои. 4 октября 1928 г. и.о. наркома иностранных дел М.М. Литвинов, выражая официальную позицию СССР, заявил, что советское правительство воздерживалось от какого бы то ни было вмешательства в происходившую в Афганистане внутреннюю борьбу и не поддерживало ни одну из группировок, следя при этом за тем, чтобы такого вмешательства не было и со стороны других соседних Афганистану стран.[20- С. с. 56-57].

Изгнание Бачаи Сакао и провозглашение 15 ноября 1929 г. королем Афганистана Мухаммад Надир-шаха открыли новую страницу в истории страны. Перед правительством встали серьезнейшие задачи стабилизации политической обстановки и восстановления экономики. Через два дня после восшествия на престол Мухаммад Надир-шах уведомил наркоминдел СССР о намерении развивать отношения между нашими странами. Улучшению этих отношений содействовали меры по ликвидации отрядов басмачей, совершавших нападения на территории советских среднеазиатских республик. В декабре 1930 г. для руководства операциями в северный Афганистан прибыл афганский военный министр. В результате массированных ударов правительственных войск наиболее крупные басмаческие группировки были ликвидированы, другие, укрывшись в провинциях (в частности, в Гератской), продолжали нападать на приграничные населенные пункты советской Средней Азии.

Постепенно между странами возобновлялась торговля, что дало возможность Афганистану в основном справиться с трудностями, возникшими в связи с мировым экономическим кризисом. В частности, благодаря значительному расширению физического объема советско-афганской торговли при изменении в пользу афганской стороны соотношения цен на советские и афганские товары, Афганистан избежал тех огромных потерь, которые понесли многие развивающиеся страны.[9 – С.35]. К тому же в 1934 г. было учреждено представительство Совафганторга, а в апреле 1936 г. (уже при правлении короля М. Захир-шаха) между Совафганторгом и Афганистаном было подписано трехлетнее товарообменное соглашение, предусматривавшее взаимные поставки товаров на сумму 10 млн. долл. с каждой стороны. В те годы СССР стал занимать первое место в афганском импорте, второе (после Британской Индии) в экспорте и общем товарообороте. Изменилась и товарная структура советско-афганской торговли – в Афганистан по его просьбе все больше поставлялись керосин, черные металлы, машины и оборудование. Кроме того, советские специалисты оказывали Афганистану технико-экономическое содействие в проектировании и строительстве народно-хозяйственных объектов - хлопкоочистительного завода в Кундузе (с цехами по производству растительного масла, мыла и керамической посуды), ирригационных сооружений, дорог, а также в развитии сельского хозяйства. С этой целью в Афганистан начали поставляться трактора, сельхозинвентарь, стройматериалы, цемент, химикаты для борьбы с саранчой, болезнями

хлопчатника и многое, многое другое. Афганистан, со своей стороны, в соответствии с заключенными с СССР соглашениями, закупал без валютных затрат Советские товары широкого профиля и на льготных условиях продавать свои товары на емком советском рынке.[9 –С.38-43].

Стремясь к развитию и укреплению отношений с Афганистаном и приданию им прочной основы, Москва в 1930 г. выступила с инициативой подготовки нового Договора о нейтралитете и взаимном ненападении. Базируясь на основных положениях договоров 1921 и 1926 гг., в Договоре, подписанном 24 июня 1931 г., оба государства признали, что договаривающиеся стороны будут разрешать все могущие возникнуть между ними споры или конфликты, какого бы характера и какого бы происхождения они ни были, только мирными средствами (ст. 7). В статье 6 уточнялось понятие нейтралитета одной стороны по отношению к другой. В этой же статье вновь подчеркивалось, что каждая сторона сохраняет полную свободу действий для установления различного рода отношений и союзов с третьими странами, если они не противоречат Договору. Обмен ратификационными грамотами состоялся 15 октября того же года.[16 – С.154-155]. В 1936 г. срок действия Договора был продлен до 1946 г.

Успешное развитие советско-афганских отношений нашло отражение в подписанных в последующий период документах о торгово-экономическом сотрудничестве, радиотелеграфных связях, урегулировали ситуации на советско-афганской границе, установлении института пограничных комиссаров и других.[9 – 38-41].

С тех пор прошли многие десятилетия. Наша страна перенесла тяжелые испытания – Великую Отечественную войну, унесшую более 27 миллионов жизней советских людей. Непростыми в эти годы были отношения между Афганистаном и СССР. Несмотря на Договор о нейтралитете, афганское правительство вело линию, противоречившую положениям этого договора. Германия и ее союзники – державы «ОСИ» проявляли далеко не академический интерес к районам Афганистана, приграничным советской Средней Азии, Британской Индии и за их пределами, вели пропаганду. Об этом красноречиво свидетельствуют архивные материалы и труды исследователей их использовавших.[18]. Напомним, что во второй половине 30-х гг. Германия и ее союзники предпринимали активные шаги, направленные на укрепление своих политических и экономических позиций в Афганистане, предоставляли безвозмездную помощь и льготные кредиты, создавали отделения фирм в Кабуле, привлекали деловые и военные круги, часть элиты (включая членов королевской семьи), использовали басмачество и вождей племен, приграничных Британской Индии, безуспешно пытаясь подключить к своим планам Москву. После нападения Германии на СССР афганское руководство, хотя и сделало устное заявление о нейтралитете, официально нейтралитет не подтверждало. Как свидетельствуют архивные материалы МИД РФ, в советском посольстве в Кабуле было известно о позитивной реакции высшего руководства Афганистана на военные действия гитлеровцев против СССР: афганский король выделил из своих средств 12 тыс. афгани на

благодарственные богослужения в столичных мечетях, а премьер-министр, выступая перед членами афганского парламента, заявил, что в результате войны СССР, как единое государство распадется и следовательно необходимо поддерживать эмигрантов (басмачей), а также готовить афганцев к войне для присоединения среднеазиатских районов к Афганистану. При этом популяризировалось положение о том, что за убийство «неверного» мусульманину уготован рай.[1].

11 октября 1941 г. советский посол в Кабуле обратился с нотой к правительству Афганистана, в которой, основываясь на Договоре 1931 г. о нейтралитете предлагал принять меры по пресечению антисоветской деятельности фашистской агентуры и настаивал на удалении из Афганистана германских и итальянских агентов.[2].

Аналогичное заявление в отношении германских и итальянских граждан было сделано Лондоном. Одновременно СССР и Великобритания использовали и иные дипломатические, а также экономические рычаги влияния на Кабул.

В результате порядка 200 немецких и итальянских граждан, не являвшихся сотрудниками диппредставительств, были выдворены из страны. Миссии Германии и Италии продолжали функционировать, а часть агентов, получив диппаспорта, сохранилась.

В начале ноября 1941 г. Джирга поддержала утверждение Афганистаном нейтралитета.[7]. На афганское руководство оказали тогда значительное влияние события в Иране: после того, как шах Реза Пехлеви не удовлетворил требования СССР и

Англии выдворить из страны гитлеровскую агентуру, военные части СССР и Англии вошли в Иран. Кроме того, прекращение торговли с СССР, поставлявшего керосин, промышленную продукцию и покупавшего на льготных условиях афганские товары, нанесло удар всей финансовой системе страны. Во много раз возросли цены, увеличилась инфляция. Тем не менее, как свидетельствуют материалы архивов, часть афганской элиты продолжала поддерживать контакты с агентурой держав «ОСИ». Располагая информацией на этот счет, Москва сотрудничала с Лондоном в данном направлении. Разгром фашистской Германии ликвидировал угрозу порабощения стран Востока. Опубликованные в послевоенные годы документы генштаба, вермахта и мемуары немецких генералов содержат данные о том, что Гитлер намеревался захватить Турцию, Иран, Афганистан и Индию. Еще в 1939 г. разрабатывались планы для вторжения в эти страны. Для вторжения, в частности, в Афганистан, предполагалось выделить 3 танковые и 4 мотострелковые дивизии и 1 автополк.[19 –СС. 73-80].

После окончания войны, несмотря на попытки США вовлечь Афганистан в военно-политические блоки в Азии, Кабул проводил нейтралитетский курс. Этот курс требовал от находящейся в системе капиталистического хозяйства страны, остро нуждавшейся во внешнеэкономической помощи, вести линию на укрепление позиций в регионе и мировом сообществе. Естественным выражением подобной линии являлось отношение Афганистана к проблемам в области экономики, политики и права, привлекавшим внимание развивающихся стран.

Вступив в 1955 г. в Движение неприсоединения, а затем, став членом его Координационного бюро, Афганистан с трибуны ООН и других международных форумов активно выступал с антиколониалистских позиций.

К середине 50-х гг. постепенно стали развиваться советско-афганское технико-экономическое сотрудничество и торговля. Афганистану по его просьбе предоставлялись кредиты, некоторые до 100 млн. долл., часть их предоставлялась на долгосрочной основе на сроки от 8 до 50 лет погашения. Это позволяло афганцам не только построить, но и освоить объекты и получать доходы, которые шли и на погашение кредитов и вложение средств в экономику. Весьма важно и то, что кредиты, равно, как и проценты по ним, оплачивались не золотом и валютой, а товарами традиционного афганского экспорта. Все расчеты по кредитам осуществлялись через государственные банки обеих стран, в которых были открыты счета в американских долларах.[9 – СС. 71-92.].

При содействии СССР было построено более 100 крупных народно-хозяйственных объектов. Из них назовем Джангалакский авторемонтный завод, заводы по производству азотно-туковых удобрений, цементный, асфальтобетонный, хлебозаводы, элеваторы, Джалалабадскую ирригационную систему, позволившую оросить 32 тыс. га земли (из них 24 тыс. га целинных), гидроэлектростанции, плотины, ЛЭП, аэродромы, порты, сотни километров шоссейных дорог, автомагистраль Саланг – от Доши до Джабаль-ус-Сераджа с тоннелем длиной 2,7 км., пробитым через Гиндукуш на высоте более 3300м, под уровнем моря. На стройках бок о бок трудились

советские специалисты и афганцы. Только на строительстве автомагистрали САЛАНГ работали более 13 тыс. афганцев, получивших строительные специальности. При содействии нашей страны были построены и оснащены Политехнический институт и техникумы. СССР безвозмездно передавал Афганистану всю документацию для пуска и освоения объектов. В СССР обучались многие сотни молодых афганцев. Успешно развивались научные и культурные связи. Во много раз возросла торговля. В страну поставлялись необходимые товары, в том числе по просьбе афганской стороны военная техника, нефтепродукты, оборудование, машины. [9 – СС. 71-92].

Эти годы остались в памяти и советских и афганских людей. Однако, впоследствии произошли события, которые и по сей день вызывают нашу общую горечь и боль. Речь прежде всего идет о конце декабря 1979 г. – вводе советских войск в Афганистан.

Обращение к этой теме отнюдь не продиктовано стремлением в какой-либо степени оправдать эту акцию СССР или еще более жестко ее осудить.

На наш взгляд, следует несколько подробнее, чем это делалось прежде, остановиться на курсе, взятом США в отношении не только Афганистана и региона, но и Москвы. Напомним, например, о том, что официальный Вашингтон практически открыто назвал ввод войск «ошибкой Советов в полной мере отвечающей интересам США, которую необходимо использовать как можно шире». [26- СС.19,44 и след.]

Негативная оценка акции СССР в мире в целом, а также советской и афганской стороной известны.

Тем не менее, необходимо особо подчеркнуть, что некоторые обвинения в адрес Москвы не бесспорны, а подчас ошибочны. Это признавалось и признается многими зарубежными, в том числе и американскими политиками и политологами.[26] При этом следует особо подчеркнуть, что в прессе, а также в работах зарубежных политологов отмечалось, что руководство СССР было больше встревожено тем, что теряет союзника и «считало, что принятие крайних мер по укреплению ускользающего влияния в Афганистане будет понято американцами, которые действовали аналогичным образом по отношению к другим странам в их собственной сфере влияния».[44] Обращает на себя внимание и мнение ряда серьезных авторов Запада, отмечавших, что хотя Москва не признается в поведении, подобном империалистическому, сложившаяся к концу 1979 г. ситуация была подобна той, когда США совершили вторжение в Доминиканскую республику, а затем установили там более послушный им режим.[37- Р. 155].

Однако, оценивая события конца декабря 1979 г., западные авторы практически стремились замолчать или свести к минимуму не только серьезные перемены внешнеполитического курса Вашингтона в предшествующие годы, но и неоспоримые факты его активнейшего вмешательства в афганские дела, по всей видимости, полагая, что однозначно обвиняя СССР, им удастся заручиться поддержкой мирового сообщества в реализации их будущих планов и действий и в отношении Афганистана, и региона в целом. Необходимо особо подчеркнуть, что именно в те годы США взяли курс на конфронтацию с Москвой. Модифицируя линию «отбрасывания» и

«сдерживания», но не отказываясь от ее сути, американская администрация отошла от скомпрометировавших себя форм союзнических связей и союзов, став предпочитать развитие и укрепление двусторонних отношений с приграничными нашей стране государствами региона Юго-Западной Азии, включая Афганистан. Напомним, что в июле 1973 г. в стране в результате свержения монархии главной государства стал двоюродный брат короля Мухаммад Дауд, бесосновательно именовавшийся в западной прессе «красным принцем», в связи с развитием в период его премьерства (1953-1963) технико-экономического сотрудничества с СССР. В годы республики (июль 1973-апрель 1978) в Афганистан выезжали высокие должностные лица США. Учитывая острую необходимость в экономической помощи для реализации объявленного М. Даудом семилетнего плана, США и ряд дружественных им стран предоставляли Кабулу кредиты и безвозмездную помощь. Рассчитывая на это и, получая помощь (правда не в тех объемах, как было в начале обещано), М. Дауд отнюдь не закрывал двери перед Москвой и другими соцстранами.[17]. В тот период был подписан ряд важных соглашений о значительном расширении технико-экономического сотрудничества и торговли, отсрочены выплаты по кредитам, по-прежнему оставалось стабильным и предоставление военной техники, а ее уровень даже имел тенденцию к повышению.[35 –Р. 40-41.]. Именно советские эксперты уже в конце 1973-начала 1974 гг. были приглашены М. Даудом в Кабул для подробного обсуждения проблем реализации семилетнего плана. Однако, несмотря на обращения

Кабула и желание продолжить сотрудничество Москва, серьезно проанализировав и внутренние афганские ресурсы, и свои возможности, была не в состоянии предоставить в полном объеме необходимые для Афганистана средства.[17-Ежов Г.П.- С.47]. Тем не менее, весьма важно напомнить, что накануне апрельских 1978 г. событий в Афганистане, объем помощи СССР и соцстран составлял 1 млрд. 574 млн. долл., т.е. порядка 53% всей иностранной помощи.[23 –С.165].

Что касается Вашингтона, то американская администрация, стремясь к привлечению Афганистана к своим планам в регионе, не отказывалась и от силового давления на М. Дауда. Не без участия ЦРУ в некоторых провинциях организовывались антидаудовские заговоры и вооруженные выступления, весьма успешно возобновлялись и активизировались контакты представителей США с промонархически и прозападно настроенной элитой и обосновавшейся в Пакистане эмиграцией, видевших в США гаранта от роста влияния леводемократических сил и сотрудничества Афганистана с СССР. Свидетельства об антисоветской линии, взятой Вашингтоном в тот период, мы видим в ряде официальных выступлений высоких должностных лиц. Приведем к примеру, выступление в сенате председателя начальника штабов генерала Брауна, заявившего о необходимости ограничить влияние СССР в Юго-Западной Азии, причем не более и не менее, как путем усиления в регионе военной деятельности США.[41].

К лету 1977 г. (т.е. задолго до прихода к власти Народно-демократическое партии Афганистана

(НДПА) и тем более до ввода в страну советских войск) в Совете национальной безопасности при участии сотрудников военно-политических ведомств был подготовлен и представлен президенту Меморандум-10, в котором излагалась новая военная стратегия США, рассматривались возможные варианты развития событий в регионе, включая ограниченные конфликты между Востоком и Западом, вероятность ядерной войны и различные военные планы. Тогда же был поставлен вопрос о создании сил быстрого реагирования. Вскоре (Дж. Картер дал указание о подготовке планов «малых войн» в Юго-Западной Азии.[27 –С. 279]. Что касается непосредственно Афганистана, то Вашингтон намеревался и далее развивать отношения с Кабулом. М. Дауд был приглашен посетить США в сентябре 1978 г. с официальным визитом, во время которого предусматривалось предоставление Афганистану помощи на долгосрочной основе. Весьма примечательно, что в феврале 1978 г. с кратким визитом Кабул посетил командующий флотом США адмирал Морис Визмор в зоне Тихого океана.

Рассматривая внешнеполитический курс Кабула в последние годы республиканского правления, важно отметить, что под влиянием арабских стран – Саудовской Аравии, государств Персидского залива, Египта, а также шахского Ирана, Пакистана, а после прихода к власти в Дели в 1977 г. Джанатапарти, объявившей о новом этапе отношений с США, и Индией М. Дауд стал все больше учитывать региональный фактор.

В США характеризовали конец правления М. Дауда как экономически неустойчивый и

дрейфующий.[34 –Р.48]. Политический кризис и ухудшение общей социально-экономической ситуации в стране ускорили его падение. Как полагали некоторые американские политологи режим все же можно было спасти, если бы Вашингтон своевременно достиг с М. Даудом негласной договоренности.[32-Р. 130-131].

В результате вооруженного восстания в Кабуле 28 апреля 1978 г. к власти пришла ориентировавшаяся на Москву Народно-Демократическая партия Афганистана (НДПА) и создана Демократическая республика Афганистан (ДРА). Главой государства стал лидер НДПА Н.М. Тараки.

Вначале в западной прессе появилось множество публикаций о причастности СССР к этим событиям. Однако, вскоре весьма ориентированные американские политики и политологи признавали отсутствие каких-либо существенных доказательств, подтверждавших, что «Советы планировали и направляли переворот или участвовали в нем.[35 –Р.62]. Даже такая влиятельная газета как «Вашингтон пост», опубликовала статью сообщавшую, что «американские специалисты не обнаружили отпечатков пальцев русских на афганской революции»[42]. Сперва Вашингтон демонстрировал Кабулу, что продолжает оставаться его партнером среди стран Запада. Убедившись, что иранская монархия не удержится у власти, США к концу 1978 г. стали разрабатывать планы по сосредоточению своих ВМС в Персидском заливе. При этом Белый Дом стремился побудить арабские страны, включая Саудовскую Аравию, приглушить заботы о локальных проблемах, в том числе об

отношениях с Израилем, и сконцентрировать внимание на борьбе с «советской угрозой». С этой целью на Ближний Восток в январе 1979 г. был направлен министр обороны США.-[31 – Р.202]. Одновременно Вашингтон разыгрывал «китайскую карту», с целью оказать давление на СССР с восточного фланга. В беседе Зб. Бжезинского с Дэн Сяопином, а затем в январских 1979 г. переговорах Дэн Сяопина с Дж. Картером, Пекину был представлен пакет документов, с которым китайская сторона в целом согласилась. Речь шла о тесном сотрудничестве в афганских делах и, в частности, о поддержке Китаем оппозиции ДРА, прежде всего вооружением. По данным Зб. Бжезинского, Пекин уведомлял США о своей незаинтересованности предоставлять оппозиции оружие китайского производства.[33].

Победа в феврале 1979 г. исламской революции в Иране обусловила активизацию США на афганском направлении, прежде всего осуществлением программ разносторонней поддержки силам оппозиции кабульскому режиму. Тогда же конгресс утвердил резкое сокращение помощи Афганистану, обвинив его руководство в смерти американского посла в Кабуле А. Даббса. На деле же А. Даббс был захвачен одной из террористических группировок и убит при попытке служб безопасности ДРА его освободить.

23 февраля помощник президента по национальной безопасности Зб. Бжезинский вручил Дж. Картеру документ, в котором настоятельно проводилась идея о необходимости создания новой системы безопасности и подтверждения военной мощи США в регионе. И хотя в Вашингтоне было

известно, что советское присутствие в Афганистане в тот период значительно не возросло, американская администрация все более явно проявляла готовность заявить миру, что именно США несут ответственность за дальнейший ход развития ситуации в этой части Азии и Афганистана, который стал уже открыто рассматриваться Вашингтоном, как арена борьбы с Советским Союзом.[33].

Через два дня – 25 февраля Дж. Картер, выступая по телевидению, заявил, что США «готовы защищать свои жизненные интересы любыми средствами, включая военную силу, повсюду, где это будет необходимо – на Среднем и Востоке или где-либо еще.[27 – С.304-305].

В апреле 1979 г. с подачи Зб. Бжезинского американский Координационный совет при Совете безопасности принял документ, в котором заявлялось, что США следует проявлять «большее сочувствие тем афганцам, которые решительны в сохранении независимости своей страны». [33-Brzezinski –Р.247]. Несмотря на туманную формулировку, было ясно, что речь шла об увеличении разноплановой поддержки сил оппозиции. И самое главное заключалось в том, что ситуация в Афганистане рассматривалась как ценный политический шанс для Вашингтона.[33 - Galster J.J.-Р. 1520; Brzezinski - Р. 389]. С апреля контакты соответствующих ведомств США с афганской оппозицией осуществлялись уже регулярно. Впоследствии стало известно, что заслуга в организации тайной переправки средств и оружия моджахедам, по признанию Зб. Бжезинского, принадлежит именно ему.[43]. Эти поставки шли из

арабских стран, Китая и, непосредственно из США и осуществлялись ЦРУ через Пакистан. Как свидетельствовали самые весьма компетентные источники, это была одна из самых опасных и трудных операций такого рода, когда-либо ранее предпринимавшейся в военной истории. «Не было пути, ведущего в Афганистан и оттуда, который не был бы разведан до мельчайших подробностей».[43] При этом, как признавал затем в своих мемуарах Дж. Картер, «в условиях особой секретности рассматривались возможности производства и поставок оппозиции оружия советских образцов, что выглядело бы как поступающее от афганских вооруженных сил».[36 –Р.475]. Все большее внимание уделялось Пакистану, как «прифронтовому государству», с ведомствами которого в ЦРУ обсуждались технические вопросы о предоставлении разносторонней помощи моджахедам. При этом Вашингтон направлял и корректировал контакты с пакистанскими министерствами обороны и иностранных дел.

В СССР на самом высоком уровне рассматривались возможные варианты развития событий в Афганистане и вокруг него. Советское руководство не исключало необходимости принятия мер для защиты южных границ нашей страны. Однако, при содержании крупных военных соединений на Западе и Востоке, подобное обеспечение безопасности Юга, тем более скорейшее, для СССР было практически непосильно. В Москве считали необходимым оказывать разностороннюю поддержку Кабулу, однако, прямое вооруженное вмешательство в афганские дела советские руководители исключали. Как

свидетельствуют архивные материалы, Л. И. Брежнев, А. Н. Косыгин и крупные военачальники, в том числе начальник Генштаба Н. П. Огарков, несмотря на неоднократные обращения афганских лидеров, выступали против ввода в страну советских войск. Так, 19 марта 1979 г. Л. И. Брежнев на совещании Политбюро подчеркивал: «Необходимо объяснить Тараки и другим афганским товарищам, что мы можем помочь им всем, что необходимо... Участие же наших войск может нанести вред не только нам, но и прежде всего им».[4]. На следующий день, 20 марта А. Н. Косыгин в беседе с афганским президентом Н. М. Тараки в ответ на его просьбу о вводе советских войск, открыто изложил обоснованную точку зрения СССР: «Наши общие враги только и жду того момента, чтобы на территории Афганистана появились советские войска... Мы тщательно изучили все аспекты этой акции и пришли к выводу, что, если ввести наши войска, то обстановка в Вашей стране не только не улучшится, но, напротив, осложнится. Нельзя не видеть, что нашим войскам пришлось бы бороться не только с внешним агрессором, но и с какой-то частью вашего народа[5].

Осенью 1979 г. социально-экономическая и военно-политическая обстановка в Афганистане (особенно после убийства 7 сентября по приказу Х. Амина президента Н. М. Тараки) резко обострилась (Отметим, что Х. Амин проигнорировал обращение советского руководства о сохранении жизни Н. М. Тараки после его смещения со всех постов). Ужесточилась межфракционная борьба в партии. Волонтаризм и перегибы узурпировавшего власть Х. Амина и его сторонников сопровождалась

массовыми репрессиями, арестами и казнями. Тяжелое положение сложилось в экономике, главным образом, в сельском хозяйстве: сократилось производство зерновых и технических культур (соответственно на 10 и 30 процентов). Среднедушевой доход населения снизился и составил 139 долларов. Народ в своей массе не понимал и не принимал реформ, проводившихся с грубыми нарушениями законности вопреки нормам ислама и традиций и не только уходил за пределы страны в Иран и Пакистан, но и пополнял ряды вооруженной оппозиции. В афгано-пакистанском приграничье и Пакистане функционировало более 30 лагерей и военных баз боевиков, обучавшихся американскими, пакистанскими, китайскими инструкторами и специалистами из арабских стран. В 18 из 26 провинций шли военные действия. Сложившаяся обстановка представляла серьезную угрозу не только режиму НДПА, но и единству страны в целом.[39]. Особенно взрывоопасной становилась ситуация в приграничных СССР северных районах Афганистана, часть населения которых составляли потомки басмачей, бежавших в 20-30 гг. из Средней Азии и особенно восприимчивых к призывам оппозиции бороться с новыми властями в защиту ислама и активнейшим образом поддерживавшие боевиков. Именно тогда наше государство столкнулось с серьезной угрозой проникновения с афганской территории религиозного экстремизма и терроризма.

К тому же в тот период в действиях афганского руководства, прежде всего Х. Амина, проявлялось явное стремление к сближению с США, Пакистаном и Китаем. Изученные нами материалы

американского посольства в Тегеране, изъятие стражами исламской революции, а затем опубликованные, не оставляют сомнений на этот счет. Позже о попытках Х. Амина установить действенные контакты с этими странами писали западные политологи.[29].

В ноябре 1979 г. Вашингтон отверг предложения СССР о разоружении, а в декабре в американской печати было опубликовано выступление министра обороны Г. Брауна о том, что в связи с волнениями в Иране и Афганистане следует заново обдумать характер своего присутствия во всем регионе.[27 – С.304-305].

Почти одновременно крупные авианосные соединения американских ВМС стали перебрасываться в Индийский океан и далее в направлении пакистанского и иранского побережий. Затем в декабре на сессии НАТО было принято решение о размещении Першинг-2 и крылатых ракет в Западной Европе, дальнейшая направленность которых у Москвы, как видится, не вызвала сомнений. Тогда же западные СМИ, нагнетая обстановку, публиковали материалы об истинных и мнимых планах США в регионе, провоцируя СССР на принятие кардинальных мер. Изучение доступных нам материалов дает все основания полагать, что многие влиятельные политики США не видели для СССР реальной альтернативы решению ввести войска. При этом они считали, что Москва может пойти на ввод войск главным образом в целях обеспечения своих южных границ.[40-Р.1-25].

Ряд серьезных американских исследователей небезосновательно высказывали мысль о том, что администрация Дж. Картера не пожелала понять

причин, побудивших Москву принять решение о вводе войск, что привело к политике «чрезмерной реакции» на советскую акцию. Именно эта реакция, каковы бы ни были причины ее вызвавшие, по их оценкам вылилась в тщательно продуманную США чрезвычайно дорогую войну.[33- Galster S.-P.1524].

25 декабря 1979 г. в 15 часов подразделения 40-й армии вопреки прежним твердым намерениям СССР не идти на военное вмешательство в афганские дела перешли советско-афганскую границу.

Утверждения ряда зарубежных, да и отечественных авторов о том, что решение о вводе войск и сам ввод были осуществлены спонтанно, не соответствуют действительности. Несмотря на отсутствие политического решения о вводе войск, министерство обороны значительную работу в данном направлении проводило. Как свидетельствуют многие изученные нами источники, в Москве полагали, что если и не придется вводить войска, то их частичное отобилизовывание и подготовка способны оказать сдерживающее воздействие на вооруженную оппозицию и поддерживавшие ее страны. Генерал Ю.В. Шаталин, в частности, в своих мемуарах приводит данные о подготовке советских войск с начала 1979 г. «К 2 марта 5-ая гвардейская и 108 мотострелковая дивизии, до этого кадрированные и имевшие не более трети списочного состава под видом учений уже к июню на 75 процентов докомплектовались личным составом срочной службы. Сам характер учений и обрабатываемая по ним документация были подготовлены к событиям 25 декабря 1979 г.» [28].

Советское руководство, приняло решение о вводе войск в соответствии с национальными интересами страны, как они тогда понимались, не учитывая ни возможных последствий внутри- и внешнеполитического характера для СССР и Афганистана, ни изменения общей обстановки в мире со времен венгерских 1956 г. и чехословацких 1968 г. событий. Кроме того, в СССР, видимо, полагали, что его бездействие в отношении ситуации в ДРА, руководители которой с апреля 1978 г. заявляли о принятии курса на развитие социализма, может быть не понято, а возможно и осуждено международным коммунистическим движением и некоторыми странами движения неприсоединения. Не следует полностью исключать и то, что в Москве считали, что обсуждение вариантов решения афганской проблемы в Верховном Совете и с соцстранами потребует значительного времени и создаст возможность силам оппозиции и поддерживавшим ее государствам подготовиться и принять жесткие меры, которые приведут не только к усилению кровопролития, но и к акциям, которые значительно осложнят ситуацию в СССР, Афганистане и регионе. Здесь же позволим себе однозначно признать, что для Москвы и Кабула были более, чем необходимы вдумчивый поиск и принятие целого комплекса путей и мер для политического урегулирования афганской проблемы, **причем до того**, как ситуация стала столь взрывоопасной. Нельзя не согласиться, например, с мнением крупного военачальника генерала армии М.А. Гареева, возглавлявшего в 1989-1990 гг. советскую оперативную военную группу при афганском президенте М. Наджибулле,

считавшего, что Москве следовало выдвинуть убедительные инициативы и предложения, принять неординарные кардинальные решения.[4-ГареевМ.А.- 364-365]. В данном случае было бы полезно, например, обратиться к опыту России XIX в., сочетавшей военные действия на Кавказе с политическими, дипломатическими и иными мерами, как в отношении горцев, так и других государств. Вспомним, в частности, о заключении в 1857 и 1858 гг. соглашений России с Францией и Англией, в результате которых эти страны практически отказались от выступлений в поддержку горцев, а также о действенном давлении России на Персию и Турцию, вынудившим их не претендовать на Кавказ. Видимо, следует напомнить и о контактах, осуществлявшихся Санкт-Петербургом при посредничестве полковника Лазарева с имамом Шамилем, получившим серьезные обязательства России и затем ею выполненными. Известно также, что в годы завоевания Средней Азии царское правительство не пошло на коренное изменение внутреннего уклада во владениях эмира Бухары. При установлении и утверждении советской власти в Средней Азии тоже далеко не все решалось исключительно военным путем.

Что же касается Афганистана, то афганские лидеры и советские руководители однозначно максималистски подходя к ситуации, взяли курс на советизацию, не учитывая реалии страны - значение норм ислама и традиций, феномен структуры племен с их незыблемой силовой составляющей и многое другое. Это по существу исключило не только возможности примирения с относительно

умеренными силами, но и хотя бы сколько-нибудь перспективный диалог с ними. Представляется, что и курс М. Наджибуллы на национальное примирение, хотя и далеко не во всем совершенный, был выдвинут позже, чем его успех мог быть достигнут.

Поиск эффективного диалога, например, с США, видимо, был все же возможен, например, при объявлении руководством ДРА в 1978 – начале 1979 г. статуса нейтрального государства, а затем путем уступок с нашей стороны при получении гарантий встречных шагов Вашингтона на афганском направлении. Как мы знаем, ничем не гарантированные, кроме пустых слов, огромные уступки, на которые пошли Горбачев и Шеварднадзе при подписании Женевских соглашений [45], в конечном счете привели к новой трагедии – приходу к власти моджахедов, многие годы активнейшим образом поддерживавшихся прежде всего Вашингтоном и Исламабадом. Перессорившиеся моджахеды не смогли установить мир на афганской земле, привели к фрагментации страны и еще большему кровопролитию. Затем они были изгнаны из Афганистана талибами, возвращёнными теми же спонсорами. Выйдя из-под контроля своих покровителей (во многом под влиянием и финансовых вливаний лидера экстремистской организации «аль-Каиды» Усамы бен Ладена, тесно связанного с США, талибы превратили страну в мировой центр производства наркотиков, этно-религиозного экстремизма и терроризма. Дальнейший ход развития событий в Афганистане и вокруг него известен.

ЛИТЕРАТУРА

1. АВП РФ, ф. 012, 1941, №2а, П. 25, д. 241, лл. 18. См. об этом подробно Ю.Н. Тихонов, ук. соч. сс. 225-228.
2. АВП РФ, ф. 071, №023, п. 196, д. 5, лл. 119, 151-152.
3. *Арунова М.Р., О. Шумилов.* Очерки истории формирования государственных границ между Россией, СССР и Афганистаном. М. 1994, с. 30-31.
4. Архив президента РФ «Рабочая запись заседания Политбюро. 19.03.1979. См. об этом подробно М.А. Гареев, *Моя последняя война*, М. 1996, с. 29.
5. Архив президента РФ, Рабочая запись беседы А.М. Косыгина с Н.М. Тараки, 20.03.79. См. такж Гореев ук.соч.
6. Внешняя торговля СССР, 1918-1940 гг., М. 1960, с. 858 и далее.
7. Газета «Ислах», Кабул, 1941, 06.09.41.
8. *Гвишиани Л.А.* 1919 г. Миссия У. Буллита//США: экономика, политика, идеология. М. 1970, №1, сс. 81-92.
9. Головин Ю.М. Советский Союз и Афганистан, М. 1962, с. 8.
10. *Губар М.Г.* Афганистан дар Масир-е тарих, Кабул. 1946; М. Губар, Афганистан на путях истории. М. 1987, сс. 84-85, 88.
11. *Губар М.Г.Ук.* Соч. с. 117-118; J. Adames, *Afghanistan, 1900-1923.* California, 1967, pp. 157-166.
12. Документы внешней политики СССР (Далее Документы) М. 1959, т. I, с. 123.
13. Документы... т. II, с. 24.
14. Документы... т. III, с. 550 и след.
15. Документы... т. IV, сс. 166-167.
16. Документы... т. XIV, с. 154-155.
17. *Ежов Г.П.* Некоторые особенности развития экономики Афганистана в 70-ые годы XX в. //Формирование образа России в контексте

- афганского кризиса. М. 2010, сс. 44-77; В.Г. Коргун, История Афганистана. XX век. М. 2004, с. 397.
18. *Оришев А.Б.* Документы Архива внешней политики РФ о политике нацистской Германии в отношении Афганистана накануне и в годы Второй мировой войны//Анналы, Снесаревские чтения Душанбе 1996 г. Душанбе 1997 г. с. 73 и след. Ю.Н. Тихонов. Политика великих держав в Афганистане (1919-1945гг.), М. 2007; сс. 6-185-287; АВП РФ, Архив внешней политики РФ, ф. 071, №23 д.2; Политико-экономический доклад по Афганистану за 1940 г. АВП РФ, ф. 071, 1941, №23, п. 197, д. 9; Доклад Советского посольства в Афганистане «Внешняя политика афганского правительства в 1941-начале 1942 гг.//АВП РФ, ф. 071, 1942, №24 п. 199, д. 2; Записи Советского посла о беседах с представителями английского посольства в Кабуле за 1942, 1943 гг.//АВП РФ, ф. 06, 1942, п. 4, д. 16; ф. 06, №4, 20, дд.215, 165; Справка резидента Советской разведки в Кабуле//Архив Службы Внешней Разведки, д. 31252 за 1944 г. и др. См. об этом подробно Ю.Н. Тихонов, ук.соч. сс. 225-228.
 19. *Оришев А.Б.* ук. соч. сс. 73-80.
 20. *Литвинов М.М.*. Внешняя политика СССР. Речи и заявления. 1927-1937, М. 1938, с. 56-57.
 21. *Ромодин В.А.* Очерки истории и истории культуры Афганистана (середина XIX-первая треть XX в.) М. 1983, с. 45.
 22. Советско-афганские отношения. Документы и материалы. 1919-1969. М. 1971, с. 8.
 23. *Слинкин М.Ф.*, Афганистан: оппозиция и власть. Симферополь, 2004, с. 165.
 24. См. об этом подробно М. Губар, ук. Соч. 125-127.
 25. См. об этом подробно Ю.М. Головин, ук. соч. с. 15-16.
 26. См. подробно М. Арунова Афганская политика США. 1945-1999. М. 2000, сс. 19, 44 и след.

27. См. об этом подробно. Ю.М. Мельников. Сила и бессилие: внешняя политика Вашингтона. М. 1983, с. 279.
28. См. об этом подробно «День», 1993, №6.
29. См. в частности «Аснаде Ланэ-йи джасуси» Тегеран. б.г., Документы шпионского гнезда. Пер на русск. яз. М. 1984; Секретная переписка внешнеполитических ведомств США по Афганистану, Документ № 6789, 11 сентября 1979 г. и др. Из посольства США в Кабуле. Конфиденциально, сс. 125, см. так же с. 71, 91, 99; Bradsher H., op. cit. p. 122-124; 179; Hammond T., The Red Flag over Afghanistan. Wash. 1984, p. 91; Garthoff G., Defence and Confrontation. American-Soviet Relations from Nixon to Reagan, Wash, op. cit. p. 909-910, etc.
30. 1919 г. Миссия У. Буллита//США: экономика, политика, идеология. М. 1970, №1, сс. 81-92.
31. *Amstutz B.* Afghanistan. The First Years of the Soviet Occupation. Washington, 1986, p. 202.
32. *Arnold A.* The Soviet Unvasion of Afghanistan in Perspective, Stanford, 1983, p. 130-131.
33. Brzesinski Zb., The Power and Principles, Washington, 1985, p. 427; Galster S. The Rivarly and the Reconciliation in Afghanistn, "Third World Quarterly", Oct. 1988, p. 1513.
34. *Bradsher. H.* Afghanistan and the Soviet Union, Duham, 1985, op. cit, p. 48.
35. *Collins J.J.* The Soviet Union and Afghanistan. London, 1986. p. 62.
36. *Carter J.*, Keeping Fath, New York, 1982, p. 475.
37. *Garthoff R.* Detent and Confrontation. American-Soviet Relations from Nixson to Reagan op, cit., Chau A.S. The Fall over Afghanistan, London, 1984, p. 155.
38. *Galster J.J.* p. 1520; Brzezinski, op. cit., p. 389.
39. *Kafeez Malik.* Editorial Note. In Journal of South Asian and Middle Eastern Studies. Vol. III, Villanova, 1979,

- №2, р. 5. См. об этом подробно. История Афганистана, отв. Ред. Ю.В. Ганковский М. 1982, с. 337.
40. *Monks A.* The Soviet Intervention in Afghanistan; University of Wyoming, 1982, p. 1-25.
 41. Readings before the Committee on Armed Service; U.S. Senate. Washington, 1977, ф. 336-337. См. подробно Конфронтация или диалог. Киев. 1989, сс. 234, 240.
 42. The Washington Post, 15.05.1978.
 43. The New York Times, 1984, лл. 06.1984.
 44. The News Week, 04.02.1980
 45. World Drug Report 2012/United Nation Office on Drugs and Crime, Vienne 2012.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИТУАЦИИ В АФГАНИСТАНЕ И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

**Гаспарян А. Л.
Джага А. М.**

В первую очередь необходимо определить текущее положение ситуации в Афганистане. В этом контексте надо сказать, что ассиметричный военный конфликт в стране длится с 2001 года до сих пор между Международными силами содействия безопасности (МССБ/ISAF) и

Гаспарян Аргам Леонидович - студент магистратуры МГИМО-Университет МИД России, направление «Внешняя политика и дипломатия России»; **Джага Андрей Михайлович** - студент магистратуры МГИМО-Университет МИД России, направление «Внешняя политика и дипломатия России». Научный руководитель - к.п.н., ст. преподаватель кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО (У)- Сушенцов Андрей Андреевич

исламистской организацией Талибан, в результате чего страна де-факто расколота. Кроме того, фактически отсутствует инфраструктура, а также наблюдается низкий уровень как экономического развития (хотя по производству опиатов страна занимает первое место в мире) [6], так и политической культуры (фактически не существует альтернативы движению Талибан).

Учитывая политическую и экономическую ситуацию в Афганистане, противоборство имеет продолжающийся характер. Важную роль в определении текущей ситуации в Афганистане играют внешние игроки: как региональные страны (включая исламистские движения), так и одновременное присутствие внерегиональных участников, что придает конфликтной ситуации более важный характер. Естественно, ожидаемый вывод войск МССБ и предстоящие президентские выборы (2014г.), [7] – это те составляющие, которые определяют дальнейшую ситуацию в стране: status quo или изменения?

Важную роль в «афганском вопросе» играют тенденции, которые показывают сложные моменты в развитии ситуации в стране. В первую очередь, в процессе постепенной передачи ответственности от МССБ Афганской Национальной Армии (АНА) прослеживается захват движением Талибан территорий, из которых выводятся силы МССБ [9], что еще больше осложняет текущую ситуацию. Вместе с тем, возникает маятник нестабильности – зона Аф-Пак (Афганистан-Пакистан), как внешняя тенденция. В сложившейся ситуации делаются попытки включить Талибан в переговорный процесс [1], чтобы найти альтернативный вариант решения вопроса. Особую роль в названных отдельных составляющих играет «американская стратегия», которая находится на этапе трансформации от военной поддержки к финансовой поддержке.

Если говорить о факторах, которые влияют на текущее положение в стране и которые могут определить перспективы развития ситуации, в первую очередь следует учитывать факторы национального уровня: роль движения Талибан: возможность эволюционировать и перейти к статусу конструктивной политической силы [10]; общая социально–психологическая ситуация в стране; предстоящие выборы 2014г; и эффективность АНА. Несомненно, именно сильная армия сможет вести борьбу с талибами и наркотиками. Американскими экспертами было посчитано, что для борьбы с повстанцами нужно 20 военных на 1000 жителей или соотношение 1:50, что является минимально эффективным коэффициентом плотности войск. То есть, на 50 жителей нужен 1 военный для тотального контроля над пространством. Таким образом, Афганистану, у которого население 33,609,937 человек, исходя из данного расчета нужна будет профессиональная армия количеством ~ 672,200 военных (а сейчас АНА насчитывает всего приблизительно 195,000 военных) [11].

Безусловно, как на ситуацию в стране, так и на факторы национального уровня влияют детерминанты регионального уровня: активность и цели Пакистана; поддержка Ираном и Индией национального правительства. Также, существуют факторы международного уровня: вывод войск МССБ; готовность США финансово поддерживать Кабул; возможность международного сообщества договориться с движением Талибан.

Именно совокупность названных факторов определяет возможные сценарии развития ситуации в Афганистане, где наряду с более нереалистичными (сохранение существующего режима при полном выводе МССБ; раздел государства в результате гражданской войны; автономное самоуправление субъектов федерации;) следовало бы выделить возможные:

- во-первых, сохранение существующего режима и контингентов МССБ: сохраняется присутствие США в стране (военные базы), а преемник Карзая продолжает прозападную политику;
- во-вторых, эволюция государственного режима Афганистана по примеру «пакистанской модели». В результате активного финансирования со стороны США и понимания афганского правительства необходимости создать мощную армию, в Афганистане возникает сильная армия, обильно финансируемая и обученная американцами. Армия становится самой сильной организацией в стране, и начинает активно влиять на политику государства. Больше не подчиняется правительству, а использует его для реализации своих политических целей внутри страны и управления государством в целом. Сильная армия как политический актор будет бороться со всеми: с оппозицией, диссидентами, талибами, наркобаронами – теми, кто может бросить вызов её политическому доминированию. В Афганистане возникнет новая внутренняя сила, которая, как минимум, не допустит распространения нестабильности в стране и регионе, в лучшем случае - подавит движение Талибан и очистит от него большую часть страны. У армии, как внутреннего политического более эффективного игрока, будет больше поддержки среди населения, чем у американцев [8];
- в-третьих, возвращение талибов к власти и их контроль на всей территории страны: внутренний хаос и внутренняя тотальная война с сильными талибами, что и приведет к реализации данного сценария.

Какой бы сценарий не оправдался, все же в «афганском вопросе» у РФ особые интересы. На концептуальном уровне: «...постконфликтное восстановление Афганистана в качестве суверенного, миролюбивого, нейтрального государства с устойчивой экономикой ... меры по снижению уровня террористической

угрозы, исходящей с территории Афганистана, а также по ликвидации или существенному сокращению незаконного производства и оборота наркотиков...» (Концепция внешней политики Российской Федерации 12.02.2013 г.) [2]. Кроме того можно говорить об интересах в разных сферах, которые выделяет эксперт Мендкович Н.А.:

- безопасность (недопущение распространения исламистских фундаменталистских движений на страны Средней Азии и РФ, борьба с наркоторговлей).
- политика (создание механизмов влияния на афганскую внешнюю политику, сохранение регионального баланса и политического нейтралитета Афганистана и противодействие формированию военных баз США на территории Афганистана);
- экономика (международная торговля, транзитные проекты, доступ к перспективным рынкам) [4];

Учитывая интересы РФ в «афганском вопросе» и угрозы, исходящие из Афганистана, представляется целесообразным дать следующие практические рекомендации РФ по формированию политики по отношению к Афганистану:

МИД РФ: 1. Поддерживать многосторонний диалог со странами Средней Азии по борьбе с исламистскими радикальными движениями и приложить совместные усилия по защите афганской границы от трансграничных угроз по типу операции «Канал» с участием таких стран: Россия, Афганистан, Казахстан, Туркменистан, Таджикистан, Киргизстан, Узбекистан;

2. Подготовка в российских ВУЗах афганских национальных кадров для полицейских, антинаркотических и военных структур [5];

3. Инициировать в рамках ОДКБ созыв заседания Координационного совета руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков (КСОПН) и поднять вопрос о взаимодействии

КСОПН с ШОС и Евразийской группой по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ) с участием антинаркотических ведомств государств Средней Азии для проведения оперативно-тактических учений по типу «Гром-2012», оперативно-розыскной деятельности, обмена информационными ресурсами, подготовки кадров [3] .

Федеральная служба РФ по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН): 1.Наладить сотрудничество с аналогичными службами Афганистана и стран Средней Азии;_2.Проводить совместные спецоперации в странах Средней Азии и Афганистана с целью уничтожения нарколабораторий;

Государственный антинаркотический комитет: 1.Создать межведомственные группы для изучения вопросов, касающихся незаконному обороту наркотических средств; 2.Участвовать в международном сотрудничестве в области противодействия незаконному обороту наркотических средств; 3.Осуществить оперативно-розыскную деятельность;

Федеральная миграционная служба: ужесточение пограничного контроля со странами Средней Азии;

Российско-афганский деловой совет: 1.Создать новые проекты экономического сотрудничества; 2.Инвестировать в ресурсно-добывающий сектор промышленности Афганистана; 3.Отправлять российских специалистов для восстановления промышленных предприятий, учебных заведений; 4.Обсудить аналогичные вопросы с главами торгово-промышленных палат стран СНГ.

Таким образом, текущее положение в Афганистане, набор факторов и тенденции свидетельствуют о том, что нет единого подхода к рассмотрению перспектив развития ситуации в стране. Однако предлагаются возможные сценарии, которые охватывают существующие детерминанты

«афганского вопроса». Кроме того, учитывая интересы России по отношению к Афганистану и возникающие угрозы с данного направления, акцент делается на непосредственные практические рекомендации, которые нацелены на реализацию интересов России и вместе с тем на искоренение существующих угроз национальной безопасности РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Американцы ведут переговоры с талибами:
<http://www.mk.ru/politics/world/article/2013/03/10/823491-amerikantsyi-vedut-peregovoryi-s-talibami.html>
2. Концепция внешней политики РФ (12 февраля 2013):
http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F
3. КСОПН государств-членов ОДКБ рассмотрел Антинаркотическую стратегию на 2013-2017 годы/ ОДКБ:
http://odkbcsto.org/news/detail.php?element_id=1396
4. Мендкович Н. А. Политика России в Афганистане в 2001–2011 гг./Фонд исторической перспективы:
http://www.perspektivy.info/oykumena/azia/politika_rossii_v_afganistane_v_20012011_gg_2012-02-17.htm
5. Российско-афганские отношения/МИД РФ:
<http://www.mid.ru/bdomp/nsrasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/9258c824737051ca43256d9700331b25!OpenDocument>
6. Afghanistan Opium Survey 2012 - United Nations Office on Drugs and Crime:
http://www.unodc.org/documents/cropmonitoring/Afghanistan/ORAS_report_2012.pdf
7. Afghan Security in 2013 and Beyond/ Stratfor-Global Intelligence News & Analysis : <http://www.stratfor.com/sample/analysis/afghan-security-2013-and-beyond>
8. Egypt's Military and the Pakistani Model Stratfor | Global Intelligence News & Analysis : <http://www.stratfor.com/sample/analysis/egypt-military-and-pakistani-model>
9. Helmand Province After the Western Withdrawal/ Stratfor-Global Intelligence News & Analysis :

<http://www.stratfor.com/sample/analysis/helmand-province-after-western-withdrawal>

10. TALKING ABOUT TALKS: TOWARD A POLITICAL SETTLEMENT IN AFGHANISTAN. Asia Report N°221 – 26 March 2012/International Crisis Group:
<http://www.crisisgroup.org/~media/Files/asia/south-asia/afghanistan/221-talking-about-talks-toward-a-political-settlement-in-afghanistan.pdf>
11. 672,000 troops minimum needed in Afghanistan - U.S. Military Counterinsurgency manual suggests:
<http://www.dailykos.com/story/2009/09/12/780690/-672-000-troops-minimum-needed-in-Afghanistan-U-S-Military-Counterinsurgency-manual-suggests>

О ВОЗМОЖНЫХ УГРОЗАХ И ВЫЗОВАХ ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ПОСЛЕ ВЫВОДА ВОЙСК МССБ С АФГАНИСТАНА В 2014 ГОДУ

О.Н. Голишников

Запланированный вывод основного контингента Международных сил содействия безопасности (МССБ) с Афганистана в 2014 году диктует необходимость прогнозирования дальнейшего развития внутривнутриполитической ситуации в Афганистане, а также всесторонней оценки возможных последствий для обеспечения безопасности в регионе. Различные мнения специалистов, касающиеся данных вопросов, можно условно разделить на две категории – пессимистические и оптимистические. Первые солидарны в

Голишников Олег Николаевич – студент Магистерской программы «Международные отношения: европейские и азиатские исследования» Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ. Научный руководитель - к.и.н., Л.Ю. Гусев, старший научный сотрудник Аналитического центра МГИМО.

том, что вывод войск МССБ с афганской территории спровоцирует дестабилизацию в Афганистане, так как местные экстремистско-террористические группировки, в том числе движение «Талибан» активизируют свою деятельность, направленную на свержение существующего режима в стране. При этом отмечаются риски экспорта нестабильности из Афганистана на приграничные территории, в частности, в страны Центральной Азии, в силу возможного проникновения и распространения в регионе радикальных течений. В свою очередь, более оптимистические оценки сводятся к тому, что катастрофических последствий, связанных с выводом войск НАТО с Афганистана до конца 2014 года, не произойдет, поскольку силы антитеррористической коалиции заметно ослабили боевиков и внутренние подразделения Афганистана способны взять на себя полную ответственность по обеспечению безопасности в стране. Если даже и произойдет определенное ухудшение ситуации в Афганистане, то оно не выйдет за рамки афганского государства, так как экстремистско-террористические группировки будут замкнуты на внутривнутриполитической борьбе за власть. В то же время, несмотря на различия в оценках развития ситуации в регионе после 2014 года многие специалисты разделяют мнения о том, что более чем десятилетнее пребывание войск «Североатлантического Альянса» на афганской территории не сделало Афганистан стабильным государством, поскольку в стране, по-прежнему, сохраняется сложная ситуация, а с учетом приближающихся президентских выборов в апреле 2014 года обстановка в Афганистане может только накалиться, в том числе в силу роста напряженности между различными этническими группами в борьбе за верховную власть в стране. Помимо активности талибов и неэффективности государственных структур ИРА существенное негативное влияние оказывали и разногласия между союзниками по вопросу увеличения своих

контингентов и объемам экономического содействия Афганистану, а также усугубляющаяся ненадежность Пакистана в качестве основного регионального партнера США и НАТО в афганском вопросе [1]. Ситуацию осложняет продолжающееся геополитическое противоборство между великими державами за влияние в регионе, что в свою очередь также оказывает дестабилизирующее воздействие на внутривнутриполитические процессы в Центральной Азии и Афганистане.

Что касается позиций государств Центральной Азии, то все 5 республик региона – Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Кыргызстан – в разной степени обеспокоены дальнейшим развитием ситуации в Афганистане в связи с выводом основного контингента НАТО в 2014 году. Несмотря на то, что все республики разделяют опасения по поводу роста нестабильности в соседнем Афганистане, оценки его последствий для центральноазиатского региона несколько различаются. К примеру, по заявлению Президента Узбекистана «сегодня проблемы для наших стран видны невооруженным глазом. Заметно усиление напряженности в связи предстоящим выводом миротворческих сил из Афганистана» [2]. Президент Таджикистана отмечает, что «после вывода войск НАТО из Афганистана нужно готовиться к худшему варианту развития событий» [3]. В свою очередь, Президент Казахстана, выступая на XI Евразийском медиа-форуме, выразил уверенность, что ничего катастрофического в связи с выводом войск НАТО из Афганистана в регионе не произойдет. Он не считает, как цитируют его слова СМИ, «что включен таймер обратного отсчета в связи с выводом войск НАТО из Афганистана в 2014 году» [4].

Следует также отметить, что развитие ситуации в Афганистане после 2014 года и связанные с этим опасения относительно ее дестабилизации и возможности

распространения на приграничные территории, вносят определенные коррективы в стратегии центральноазиатских государств по обеспечению собственной безопасности. В данном контексте завязанные на ОДКБ страны региона (Казахстан, Таджикистан и Кыргызстан) акцентируют свое внимание, в том числе на усилении взаимодействия в рамках деятельности данной организации, тогда как другие центральноазиатские государства (Узбекистан и Туркменистан) полагаются в основном на собственные силы. Определенные различия в походах центральноазиатских стран наблюдаются в отношении решения «афганской проблематики». Их усилия в этом направлении главным образом сосредоточены на развитии двустороннего сотрудничества с Афганистаном. Данное обстоятельство, с одной стороны, объясняется отсутствием эффективности многосторонних форматов кооперации в «афганском вопросе», с другой стороны, – естественным стремлением каждой из центральноазиатских стран продемонстрировать свою значимость и роль в деле обеспечения стабильности и безопасности в Афганистане. Отдавая должное практическому содействию государств региона в стабилизации Афганистана, тем не менее, представляется, что конвергенция усилий центральноазиатских стран в этом вопросе будет иметь больше эффекта, чем ставка на двустороннее сотрудничество с афганским правительством, поскольку решение комплексных проблем «южного соседа» требует взвешенного и вместе с тем консолидированного подхода, как со стороны центральноазиатских государств, так и со стороны международного сообщества в целом, особенно в условиях запланированного вывода войск НАТО с афганской территории до 2014 года и возможного ухудшения на этом фоне общественно-политической обстановки в Афганистане. Более того, для центральноазиатских государств необходимость стабилизации Афганистана

заключается не только в обеспечении национальной безопасности, но и в использовании возможностей диверсификации своих торгово-экономических и транспортно-коммуникационных связей в южном направлении.

Вместе с тем, возможные (оптимистические и пессимистические) сценарии развития ситуации в Афганистане после 2014 года и ее последствий для Центральной Азии целесообразно рассматривать, прежде всего, в контексте сохраняющейся экстремистско-террористической угрозы. Вывод войск антитеррористической коалиции с Афганистана может спровоцировать активизацию деятельности «Талибана», аффилированных с «Аль-Кайдой» экстремистских групп, и других террористических организаций. Так, оценивая вероятность того, что Афганистан будет использоваться в качестве плацдарма для Аль-Каиды и других групп боевиков, ряд американских специалистов проводят параллель с Ираком после вывода оттуда американских войск в 2011 году. По их мнению, Аль-Каида с этого времени перегруппировалась, совершая интенсивные атаки и сыграв важную роль в создании террористического подразделения «Джабхат-ан-Нусра» в Сирии [5]. На примере Афганистана, эксперты указывают на то, что в 2013 году в таких провинциях как Хост и Пактия повстанцы из террористической сети «Хаккани» увеличили территориальный контроль после того, как американские войска и афганские силы покинули несколько баз [6]. Кроме того, наблюдается продолжение талибами использования практики организации нападений террористов-смертников в различных общественных местах, сопровождающихся гибелью огромного количества мирных граждан. Так, «число убитых и пострадавших от нападений в 2013 году возросло на 57% по сравнению с 2012 годом и на 800% по сравнению с 2011 годом» [7].

Если рассматривать с точки зрения террористической угрозы для стран центральноазиатского региона, то на территории «АфПак» (особенно в зоне племен ФАТА) дислоцируется ряд экстремистско-террористических сил, преследующих цели свержения конституционных режимов в республиках Центральной Азии и создания на их месте Халифата. Среди организаций, ведущих свою деятельность в этом направлении, можно выделить: «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ), «Хизб-ут-Тахрир-аль-Ислами», «Акрамийя», «Нурчилар», «Таблиги Джамаат», «Исламская партия Восточного Туркестана», «Джамаат Ансаруллох», «Жамаат моджахедов Центральной Азии» и др. [8]. Их перемещение в северные территории Афганистана, граничащие с центральноазиатскими республиками и попытки проникновения в страны региона угрожают национальной безопасности государств Центральной Азии. Так, в 2013 году в северных приграничных районах Афганистана наблюдалось скопление боевиков «Талибана» и «ИДУ». По словам спецпредставителя президента России по Афганистану Замира Кабулова, в северной части ИРА созданы два очага концентрации боевиков, первый из которых расположен в районе провинций Бадахшан и Кундуз, а второй – в провинции Бадгис. Он также подчеркнул, что численность антиправительственных группировок достигает нескольких тысяч человек, принадлежащих к различным национальностям, в том числе таджиков, туркменов, пуштунов и узбеков, указав при этом, что на этих плацдармах идет подготовка для «работы» в Средней Азии [9].

Основанием для беспокойства является и недостаточная подготовленность афганских сил по обеспечению безопасности в стране. На сегодняшний день в Афганистане находится 57 тысяч (в том числе 38 тысяч американских) военнослужащих МССБ (См. Таблица 1.), которые помимо выполнения боевых задач занимаются обучением,

консультированием и оказанием помощи афганским силам, как военным, так и полиции.

Таблица 1.

Общая численность служащих МССБ (ISAF) в Афганистане (в разрезе стран)

	Albania	74		Georgia	1,560		Norway	109
	Armenia	121		Germany	3,077		Poland	967
	Australia	348		Greece	7		Portugal	78
	Austria	3		Hungary	131		Romania	505
	Azerbaijan	94		Iceland	2		Slovakia	274
	Bahrain	0		Ireland	7		Slovenia	34
	Belgium	140		Italy	2,159		Spain	259
	Bosnia & Herzegovina	53		Jordan	456		Sweden	270
	Bulgaria	417		Republic of Korea	50		The former Yugoslav Republic of Macedonia ¹	155
	Canada	265		Latvia	131		Tonga	55
	Croatia	140		Lithuania	99		Turkey	458
	Czech Republic	219		Luxembourg	10		Ukraine	28
	Denmark	263		Malaysia	1		United Arab Emirates	35
	El Salvador	12		Mongolia	40		United Kingdom	5,200
	Estonia	156		Montenegro	25		United States	38,000
	Finland	110		Netherlands	200		Total	57,004
	France	205		New Zealand	2			

Источник: International Security Assistance Force: Key Facts and Figures, January 2014 // <http://www.isaf.nato.int/images/stories/File/2014-01-15%20isaf%20placemat-final.pdf>

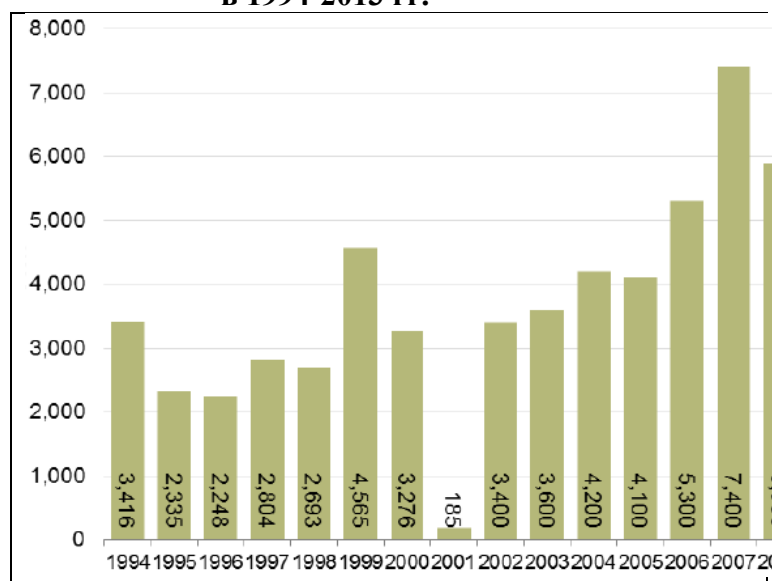
Как отмечают эксперты, несмотря на то, что с 2009 года численность афганских сил безопасности выросла со 100 тысяч до 350 тысяч и на них приходится 95% проводимых сегодня в Афганистане боевых операций, они по-прежнему остаются неграмотными и не имеют достаточно средств ПВО, разведки, и медицинских возможностей для поддержания своей боеготовности [10]. Так, согласно данным, приводимым в отчете специального инспектора по проектам

реконструкции Афганистана Джона Сопко, стартовавшая в ноябре 2009 года программа НАТО по обучению афганских военнослужащих и полицейских базовым навыкам чтения, письма и счета оказалась нереализуемой. Планировалось, что программа стоимостью в 200 мил. долл. США приведет к тому, что к 2014 году весь персонал Афганских национальных сил безопасности (ANSF) будет владеть грамотностью на уровне первого класса, половина из которого должна была быть обучена на уровне третьего класса, однако, на данный момент только 64% (224826 чел.) служащих ANSF владеют базовыми навыками грамотности на уровне первого класса, что предполагает умение писать свое имя и читать отдельные слова и только 21% (73700 чел.) служащих овладели навыками практической грамотности на уровне третьего класса – умением читать и писать абзацы текста, а также складывать и вычитать шестизначные числа [11]. На фоне вывода основного контингента войск МССБ эти и другие проблемы служащих ANSF, сопряженные, в том числе с фактами дезертирства и низким уровнем морально-психологического состояния личного состава афганских сил не внушает оптимизма касательно дальнейшего развития ситуации в Афганистане и ее последствий для безопасности центральноазиатского региона.

Не менее серьезной угрозой остается наркотрафик. На афганской территории помимо наркопосевов сосредоточены основные хранилища, лаборатории, а также иная инфраструктура, связанная с незаконным производством наркотиков. По оценкам независимых экспертов на Афганистан приходится более 90% производимого в мире героина, при этом через территорию Центральной Азии проходит так называемый «северный маршрут», по которому осуществляется транзит наркотиков в Россию и дальше в Европу. Согласно данным Управления ООН по контролю над наркотиками и предупреждению преступлений (UNODC),

ежегодный объем героина, проходящего транзитом через государства центральноазиатского региона достигает 90 тонн, из которых лишь 3% задерживаются органами правопорядка [12]. При этом в 2013 году производство опиумного мака в Афганистане по сравнению с 2012 годом увеличилось на 49%, в количественном выражении наркопроизводство возросло с 3,7 до 5,5 тыс. тонн (См. Таблица 2), в свою очередь, площади посевов опийного мака в Афганистане за последние пять лет выросли со 193 000 га в 2007 году до 209 000 га в 2013 году [13]. Среди основных причин сохранения высокого уровня производства опиума называются несостоятельность афганского государства обеспечить выращивание альтернативных культур, а также коррумпированность властей Афганистана, препятствующих борьбе международных организаций с производством и сбытом наркотиков, которые, как отмечают эксперты, получают более половины прибыли с каждого произведенного килограмма опия. Вносит свою лепту и сохранение рекордных цен на опиум.

Таблица 2.
**Потенциальный объём производства опиума в
 Афганистане (в тыс. тонн)
 в 1994-2013 гг.**

Источник: Afghanistan Opium Survey 2013: Summary findings // UNODC and IRA Ministry of Counter Narcotics. November 2013. P.17

Сохраняется высокая вероятность того, что вывод основного контингента натовских войск может только усугубить ситуацию в данном направлении, при этом некоторые специалисты склонны полагать, что отсутствие целенаправленной работы НАТО по уничтожению наркопосевов и инфраструктуры по производству и хранению наркотиков в Афганистане в той или иной степени обуславливает высокий уровень наркопроизводства в стране. Неоднозначная оценка деятельности НАТО в этом направлении основана на прямой связи наркопроизводства и деятельности экстремистско-террористических сил, так как

доходы от незаконного оборота наркотиков идут на финансирование деятельности различных террористических группировок и экстремистских движений, в том числе тех, которые стремятся подорвать общественно-политическую ситуацию в Центральной Азии. Особую актуальность борьба с наркоугрозой представляет для Российской Федерации, поскольку Россия за последнее время превратилась в крупнейший рынок сбыта героина. На Россию приходится от 18% (по данным ООН) до 20% (по данным ФСКН) потребляемого в мире героина. Как заявил директор ФСКН России В.П. Иванов на одиннадцатом заседании КСОПН, состоявшемся 11 апреля 2012 года в г. Астана, «на сегодняшний день в России число человек, регулярно употребляющих наркотики, составляет порядка пяти миллионов, из них свыше 1,5 миллиона употребляет опиаты. Ежегодно от наркотиков умирают более 100 тыс. российских граждан. Это в сотни раз превышает количество людей, погибающих от терактов и катастроф» [14]. Данное обстоятельство диктует необходимость укрепления взаимодействия центральноазиатских государств, России и других заинтересованных сторон в борьбе против наркоагрессии.

Градус напряженности в центральноазиатском регионе после 2014 года может добавить усиление геополитического противоборства между великими державами, при этом особого внимания заслуживает стратегия Соединенных Штатов, которым 12 лет войны в Афганистане стоили 700 млрд. долл. и унесли жизни 2310 американских солдат [15]. Как показывает анализ, за последнее время США внесли определенные коррективы в центральноазиатский вектор своего внешнеполитического курса, о чем свидетельствует последовательный отход Вашингтона от практики прислушивания к правозащитным организациям, которые нередко политизировано подходят к оценке состояния прав

человека и демократии в Центральной Азии. Политика США в отношении стран региона все больше принимает прагматический характер, что, в первую очередь, сопряжено с запланированным выводом до 2014 года войск США/НАТО с Афганистана и использованием в этих целях возможностей «Северной распределительной сети» (Northern Distribution Network), которая проходит через территорию Центральной Азии.

В экспертно-аналитических кругах подготовку к завершению военной кампании ISAF и использование NDN многие рассматривают, в том числе в контексте смещения военно-политического присутствия Вашингтона на «север», в частности, на территорию стран Центральной Азии. С геополитической точки зрения Соединенные Штаты заинтересованы в военно-политическом закреплении в регионе, поскольку это открывает дополнительные возможности в плане ограничения влияния Москвы и Пекина в Центральной Азии. Однако на практике Вашингтон сталкивается с рядом обстоятельств, в значительной мере препятствующих реализации его планов в данном направлении, что в свою очередь прослеживается при анализе происходящих центральноазиатских странах процессов. Так, Казахстан позиционирует себя в качестве традиционного союзника Москвы, что большей частью исключает размещение (передислокацию) военных баз и объектов США на его территории. Видимо Вашингтону не удастся прозондировать почву для своих планов в Туркменистане и Узбекистане, поскольку Ашхабад, скорее всего, будет исходить из своего нейтрального статуса, а Ташкент, в свою очередь, – из положений Концепции внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан, запрещающей размещение военных баз и объектов иностранных государств на территории страны.

Что касается Таджикистана и Кыргызстана, то Россия, пролоббировав пролонгацию дислокации российских военных баз и вывод американского контингента с авиабазы «Манас» в Бишкеке, по сути, приняла упреждающие меры, существенно ограничивающие возможности военно-политического закрепления Вашингтона в этих республиках. В то же время некоторые эксперты (особенно российские) полагают, что несмотря на одобрение 19 июня 2013 года парламентом Киргизии закона о денонсации договора между правительствами КР и США о создании военной базы в аэропорту Бишкека, база «Манас», по сути, никуда не сворачивается, поскольку размещенное на ней радиоэлектронную разведывательную аппаратуру планируется перенести в здания американского посольства. При этом специалисты указывают на то, что обслуживающие «Манас» американские военнослужащие переоформлены в гражданских лиц и получили статус дипломатических сотрудников [16]. Однако представляется, что даже такой расклад больше свидетельствует о попытках Вашингтона компенсировать свой уход за счет расширения разведывательной деятельности, нежели о полноценном военно-политическом закреплении США в Кыргызстане и в регионе в целом. Следовательно, в ближайшей перспективе военно-политическое присутствие США, скорее всего, ограничиться афганской территорией, однако и здесь могут возникнуть определенные вопросы.

Вероятно осознание Вашингтоном бесперспективности возможности контроля ситуации в Афганистане с учетом сложной этнической мозаики афганского народа, консервации в стране слабых и коррумпированных политических институтов, а также неподготовленности афганских сил взять на себя ответственность за обеспечение безопасности в стране вынудило Соединенные Штаты идти на переговоры с его потенциальным врагом – движением «Талибан». Первые

сведения о том, что официальные власти ищут контакты в талибской среде начали поступать еще в 2006 г. - когда произошло резкое ухудшение обстановки и всплеск боевых действий [17]. Согласно циркулирующей в СМИ информации для этих целей конце 2011 г. в Дохе (Катар) было открыто представительство «Талибана», при этом намерение американцев проводить переговоры с талибами без согласования с официальным Кабулом вызвало негодование со стороны президента ИРА Х.Карзая, посчитавшего, что таким образом игнорируются легитимные власти Афганистана. Кроме того, в начале 2014 года в Государственном департаменте США была создана временная структура – Управление стратегического партнерства с Афганистаном и Пакистаном, основной целью которого является содействие стратегическому партнерству между правительством США и правительствами Афганистана и Пакистана, продвижение дальнейшей безопасности и стабилизации, и переход к нормированному дипломатическому присутствию в обеих странах [18]. Хотя некоторые эксперты, основной целью данной структуры считают достижение примирения между афганским правительством и движением «Талибан» при посредничестве Пакистана после вывода войск США и НАТО с афганской территории [19]. Такой подход Вашингтона с одной стороны, несет в себе определенные тактические выгоды, с другой стороны, – долгосрочные риски и непредсказуемые последствия. Первое сопряжено, прежде всего, с возможностью примирения враждебных в Афганистане политических сил, что создаст условия для достойного вывода основного контингента американских войск и их союзников по НАТО и в перспективе сохранить военно-политическое влияние США в Афганистане. Под вторым подразумевается риск существенного обострения отношений между официальным Кабулом и движением «Талибан» в борьбе за

власть в Афганистане и как следствие усиления гражданского противостояния. Готовность Соединенных Штатов сесть за стол переговоров с «Талибаном» косвенно подтверждает признание движения в качестве реальной политической силы в Афганистане и придает последнему легитимности, при этом нельзя исключать того, что «Талибан» рассматривает этот шаг через призму слабости своих оппонентов, подспудно – убежденности в своей правоте, что может вдохновить движение на достижение статуса единственной законной власти в стране, в том числе путем активизации вооруженной борьбы. Последнее чревато не только дальнейшей дестабилизацией Афганистана, но и повышением рисков «афганизации» приграничных с ним территорий. Развитие ситуации в этом ключе может существенно девальвировать успехи Вашингтона и его союзников по НАТО в Афганистане, равно как и поставить под вопрос дальнейшее присутствие ограниченного военного контингента США на афганской территории после 2014 года. Вопрос также упирается и в нежелание Х.Карзая подписывать с США договор о безопасности, регламентирующий пребывание ограниченного контингента США и НАТО (по предварительным данным до 10 тыс. военнослужащих, из которых 2/3 будут приходиться на США) после 2014 года, хотя в поддержку данного документа выступили всеафганский совет старейшин Лойя Джирга, высшие чины афганской армии, а также все 11 кандидатов в президенты ИРА [20]. Специалисты полагают, что Х.Карзай не намерен брать на себя ответственность за решения, которые часть населения может воспринять как предательство национальных интересов, а также оставаться в истории в качестве «марионеточного» президента, поскольку это может нести угрозу и его личной безопасности, особенно в свете возможного возвращения «Талибана» к власти после 2014 года.

Таким образом, в связи с сохранением угрозы дестабилизации Афганистана на фоне вывода основного контингента МССБ – усилением межэтнических и межконфессиональных противоречий, активизацией деятельности экстремистско-террористических сил, нарастанием наркоугрозы, а также борьбы за власть в стране, для стран Центральной Азии представляется важным укреплять взаимодействие между собой, а также с ключевыми игроками (Россия, США, КНР, ЕС и др.), в том числе в рамках многосторонних форматов кооперации (ОДКБ, ШОС и т.д.) с целью нейтрализации указанных угроз в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Конаровский М.* Итоги афганской операции НАТО и сценарии для России // «Международная жизнь», Август 2013. С. 105.
- [2] *См.: Мухтаров Д.* В Центральной Азии растет напряженность в свете вывода войск НАТО из Афганистана – Каримов // Сайт независимого информационного агентства «Trend», 7 сентября 2012 г. <http://www.trend.az/regions/casia/uzbekistan/2062878.html>
- [3] *См.: Денисенко Д.* КР и Таджикистан готовятся к худшему сценарию после вывода войск из Афганистана // Сайт газеты «Вечерний Бишкек», 27 мая 2013 г. http://www.vb.kg/doc/229592_kr_i_tadjikistan_gotoviatsia_k_hydshemy_senariu_posle_vyvoda_voysk_iz_afganistana.html
- [4] *См.: Кобыров Б. Назарбаев:* Ничего катастрофического в Центральной Азии с выводом войск из Афганистана не произойдет // Сайт информационного портала «Tengrinews.kz», 25 апреля 2013 г. http://tengrinews.kz/kazakhstan_news/nazarbaev-katastroficheskogo-tsentralnoy-azii-vyivodom-voysk-afganistana-232971/
- [5] *Jones S. and Crane K.* Afghanistan After The Drawdown. CFR Special Report No. 67. November 2013. P. 18.
- [6] *Ibid* P. 9.
- [7] *Бобкин Н.* Найдут ли США выход из афганского тупика // Сайт Фонда стратегической культуры, 27 января 2014 г. <http://www.fondsk.ru/news/2014/01/27/najdut-li-ssha-vygod-iz-afganskogo-tupika-25418.html>

- [8] *Голишников О.* Постнатровский синдром Афганистана: основные угрозы и вызовы для Центральной Азии // Сайт Информационного центра международной безопасности, 31 октября 2012 г. http://icisecurity.ru/publications/experts/golishnikov_nato_afgan/
- [9] Замир Кабулов выразил обеспокоенность деятельностью боевиков на севере Афганистана // Сайт Информационного портала «Афганистан.Ру», 20 ноября 2013 г. <http://afghanistan.ru/doc/66135.html>
- [10] If there are no U.S. or NATO troops in Afghanistan after 2014, what happens? Answered by Janine Davidson, Senior Fellow for Defense Policy, February 8, 2014 // Website of Council on Foreign Relations <http://www.cfr.org/afghanistan/if-there-no-us-nato-troops-afghanistan-after-2014-happens/p32320>
- [11] *Sopko J.* Special Inspector General for Afghanistan Reconstruction // SIGAR 14-30 Audit Report, January 2014. P. 7.
- [12] Opiate Flows Through Northern Afghanistan and Central Asia: A Threat Assessment // UNODC, May 2012. P. 9-15.
- [13] Выступление директора ФСКН России В.П. Иванова на «правительственном часе» на заседании Совета Федерации по теме «О приоритетных направлениях государственной политики в сфере борьбы с наркоманией», 19 февраля 2014 г., Москва // Сайт ФСКН РФ http://fskn.gov.ru/includes/periodics/speeches_fskn/2014/0219/112229018/detail.shtml
- [14] Выступления Председателя Координационного совета руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности, директора ФСКН России В.П. Иванова на одиннадцатом заседании КСОПН 11 апреля 2012 года, г. Астана (Республика Казахстан) // Сайт ФСКН РФ http://www.fskn.gov.ru/includes/periodics/speeches_fskn/2012/0411/113518374/detail.shtml
- [15] *См.: Kaplan F.* Hamid Karzai Isn't Crazy. He's a wily survivor whose main concern is watching his own back // Website of State Magazine, February 13, 2014 http://www.slate.com/articles/news_and_politics/war_stories/2014/02/hamid_karzai_isn_t_crazy_the_afghan_president_is_trying_to_survive_a_post.html?wpirsrc=burger_bar
- [16] *См.: Панфилова В.* США не покидают «Манас» // Сайт газеты «Независимая», 21 октября 2013 г. http://www.ng.ru/cis/2013-10-21/1_manas.html

[17] *Викторов В.* Официальные переговоры США с талибами // Сайт Института Ближнего Востока <http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/11-02-12a.htm>

[18] Executive Order -- Establishment of Afghanistan and Pakistan Strategic Partnership Office and Amendment to Executive Order 12163 // Official Website of the White House <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/01/17/executive-order-establishment-afghanistan-and-pakistan-strategic-partner>

[19] *См.: Бобкин Н.* Найдут ли США выход из афганского тупика // Сайт Фонда стратегической культуры, 27 января 2014 г. <http://www.fondsk.ru/news/2014/01/27/najdut-li-ssha-vygod-iz-afganskogo-tupika-25418.html>

[20] *Kaplan F.* Hamid Karzai Isn't Crazy. He's a wily survivor whose main concern is watching his own back // Website of State Magazine, February 13, 2014

http://www.slate.com/articles/news_and_politics/war_stories/2014/02/hamid_karzai_isn_t_crazy_the_afghan_president_is_trying_to_survive_a_post.html?w_pisrc=burger_bar

АФГАНИСТАН И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ФЕНОМЕН 2014

М.А. КОНАРОВСКИЙ*

После падения в 2001 году режима талибов в Афганистане мировое сообщество проявляло излишний оптимизм, полагая, что афганский кризис, наконец, разрешен. Все, однако, пошло по иному сценарию, хотя, в принципе, именно такого развития событий, какое мы наблюдаем сейчас, и можно было ожидать, исходя из опыта исторических реалий этой страны. Более чем десятилетнее пребывание

* **Конаровский Михаил Алексеевич** -к.и.н, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО(У) МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный посол, Посол в Афганистане 2002- 2004, заместитель генерального секретаря Шанхайской организации сотрудничества, Член-корреспондент РАЕН (секция геополитики).

иностранных войск и массивованные внешние финансовые вливания не смогли обеспечить устойчивых военно – политических и экономических позиций новой власти в Кабуле и подорвать влияние ее вооруженных оппонентов. Не достигнув поставленной цели, с 2011 года начался постепенный вывод контингентов НАТО, который должен быть завершен к концу нынешнего года.

По мере приближения этой даты в экспертном сообществе активизируется обсуждение различных сценариев возможного развития обстановки в Афганистане и ее влияния на соседние регионы, прежде всего, на Центральную Азию. При всем разбросе мнений превалирует понимание, что без умиротворения в ИРА и вывода афганской проблемы из нынешнего тупика будет практически невозможно обеспечить стабильность и безопасность во всем этом и так взрывоопасном регионе, взаимоотношения в котором отягощены неразрешенностью застарелых проблем водопользования, подспудными взаимными территориальными претензиями, непростой этно-географической ситуацией и т.д. Представляется, что влияние обстановки в Афганистане после 2014 года будет значительно большим, чем то, которое наблюдалось в период активного пребывания в стране иностранных войск. В качестве примера можно напомнить, что после прихода к власти в Афганистане в середине 90 – х годов (и в результате ослабления влияния таджико - узбекских фракций на севере страны) талибы, по существу, были готовы к активному продвижению своего влияния и в Центральной Азии. С активизацией в последнее время деятельности в северных анклавах ИРА центрально-азиатских, связанных с движением Талибан военно-политических группировок, можно ожидать продолжения такой активности и в условиях после 2014 года. Сейчас трудно предсказать, насколько эффективной будет такая

деятельность, однако то, что она будет иметь место, совершенно очевидно.

Общая ситуация в Афганистане в новой конфигурации и возможная дальнейшая дестабилизация обстановки в этой стране неизбежно окажут (через Центральную Азию) и на Россию [4- Р. 310-311.]. При этом, чем радикальнее будет режим в Кабуле, тем более негативным способно стать такое влияние. Дополнительной питательной средой для нежелательного давления на РФ изнутри может оказаться и перманентно возрастающее количество нелегальных эмигрантов из Центральной Азии, прежде всего, из Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. Уже сейчас на российской территории участились случаи вербовки наемников и создания нелегальных центров распространения исламистских идей экстремистского содержания. Исходя из этого же, представляются недостаточно убедительными высказывания, приуменьшающие опасность влияния «постнатовского» Афганистана на положение дел в государствах Центральной Азии [10]. Тем более несостоятельными являются пробрасываемые иногда наблюдателями тезисы о, якобы, умышленном преувеличении в России такой опасности в стремлении обеспечить себе дополнительное влияние в регионе.

В этом же контексте, можно обобщить несколько выделяемых аналитиками сценариев развития обстановки в Афганистане после вывода иностранных войск. К наиболее оптимистичному относят сохранение власти нынешним режимом и его способность обеспечить в стране общую стабильность. Такое развитие, безусловно, представлялось бы наиболее желательным для Кабула и всего регионального и международного сообщества. Сторонники этой позиции подчеркивают благоприятные внешнеполитические условия для реализации данного сценария, и их коренное отличие от ситуации перед выводом советских войск в 1988 - 1989 годах

[3- Р. 117-119.]. В ее пользу приводятся и проведенные в ИРА в последние годы мероприятия по стабилизации позиций центральной власти и формированию Афганских национальных сил безопасности (АНСБ) – армии, центральной и местной полиции, ВВС, а также «сил общественной защиты» [9]. Вместе с тем, представляется несколько поверхностным тезис о том, что все эти новые условия, якобы, способны обеспечить и способность АНСБ удерживать власть в стране, поскольку теперь они будут бороться за свое выживание. Среди военнослужащих, особенно, рядового состава, вряд ли много принципиальных сторонников нынешней власти. В связи с этим же можно напомнить, что успехи движения талибов в середине 90 – х годов были связаны не столько с поддержкой населения, сколько с его усталостью от войны и нестабильности, разочарованностью тем, что правительство моджахедов не смогло обеспечить в стране мир и стабильность. Поэтому, когда после 2014 года правительство в Кабуле останется один на один со своими противниками, АНСБ как минимум встанут перед лицом резкого ослабления своего боевого потенциала. Тем более, что и сейчас, несмотря на предпринимаемые центральными властями и иностранными советниками меры организационно – стимулирующего характера, дезертирство продолжает оставаться одной из наиболее серьезных проблем АНСБ, что резко снижает их способность самостоятельно контролировать и обеспечивать безопасность в стране [8].

Значительно пробуксовывает и процесс национального примирения. Враждующие стороны пока остаются при своих запросных позициях. Совершенно очевидно, что талибы не заинтересованы в переговорах и рассчитывают на то, что после 2014 года власть на большей части территории страны, так или иначе, попадет под их контроль. В этой связи, в майском 2013 года Послании президента В. Путина президенту США Б. Обаме российский лидер еще раз

констатировал малую перспективность переговоров с талибами. Последними примерами ставки противников афганского примирения явилась акция устрашения талибов в Кабуле в конце января нынешнего года, когда в результате террористической атаки в центре города погиб 21 иностранный представитель. При этом, как в период противоборства «моджахедов» с НДПА в 80х годах прошлого века, так и сейчас, морально – политический перевес остается на стороне повстанцев. Мощным внешним фактором поддержки их движения является и неослабевающий потенциал исламского экстремизма и терроризма в мире, «арабская весна», затяжной военно-политический кризис в Сирии, продолжающийся рост исламизации в Пакистане на фоне усиления влияния «пакистанских талибов» на политические расклады в Исламабаде. Более широкую и благоприятную субрегиональную среду для противников режима Х. Карзая формирует и настораживающая магистральная тенденция на «архаизацию» Центральной Азии.

Несмотря на свою разобщенность, талибы, вряд ли, пойдут на серьезные переговоры с Кабулом и, тем более, на условиях правительства о прекращении ими боевых действий, признании нынешней конституции страны и ее политического строя. С другой стороны, требования талибов также пока неприемлемы для Кабула (пересмотр конституции, освобождение заключенных сторонников талибов, формирование переходного правительства и принятие новой конституции на основе шариата). Соответственно, противоборство продолжится. При этом, запросные позиции Кабула резко ослабевают и в результате перманентно возобновляющихся прямых контактов американцев с представителями талибов. По оценкам НАТО, численность активных экстремистов в Афганистане достигает 35 тыс. человек, которые активно прибегают к минно – взрывной

деятельности с использованием также террористов – смертников. Тесное взаимодействие между афганскими и пакистанскими талибами способствует масштабной инфильтрации боевиков и через афгано – пакистанскую границу.

Одним из наиболее серьезных внутривнутриполитических вызовов Афганистану будет оставаться межэтническая проблема на фоне значительного за последние десятилетия роста самосознания и политической активности национальных меньшинств (прежде всего, таджиков, узбеков и хазарейцев), чему во многом способствовало и более десятилетнее пребывание у власти НДПА. В рамках поисков вариантов, которые обеспечили бы если не решение, то, по крайней мере, определенное снижение остроты межнациональных отношений, некоторые аналитики предлагают конфедеративное устройство страны по признаку национальных анклавов (север, центр и крайний юго - запад – национальные меньшинства, вся остальная территория – пуштуны). Реализация такого сценария, однако, представлялась бы крайне затруднительной как в силу отсутствия в Афганистане четких границ проживания каждой конкретной народности, так и политически. Это могло бы спровоцировать новый виток гражданской войны и подтолкнуть дезинтеграционные процессы в более широком геополитическом пространстве, что привело бы к еще более резкой дестабилизации в регионе.

Особо значимым вопросом в перспективе будет оставаться и судьба иностранной помощи Афганистану и ее источниках. Кабулу, как справедливо отмечают наблюдатели, крайне необходима «позитивная повестка дня», содействие в реализации которой могло бы эффективно сказываться в том числе и через многосторонние программы. Такую миссию мог бы взять на себя т. наз. «Стамбульский процесс». Запущенный в 2011 году по инициативе Кабула и Анкары, он поставил

задачу объединить усилия правительства ИРА и соседей страны в интересах наращивания всестороннего сотрудничества в области безопасности и экономического развития при признании роли Афганистана как важнейшего связующего звена стран региона. Ведущие же страны Запада взяли на себя обязательство оказывать процессу всемерную поддержку, в том числе материальную, при этом оставаясь как бы на втором плане. Такая линия может являться еще одним подтверждением того, что ни США, ни их европейские союзники больше не заинтересованы в сохранении лидирующей роли в афганских делах [13- Р. 109.], стремясь переложить всю полноту ответственности за социально – экономическое развитие страны на региональные государства при сохранении в Афганистане своей военно – политической доминанты. В июне 2012 года министры иностранных дел участников «Стамбульского процесса» наметили семь приоритетных направлений многосторонних мер, а на встречах Старших должностных лиц в 2013 году были конкретизированы совместные действия на них, поддержаны планы сотрудничества региональных стран с ИРА, особо отмечено их значение в свете предстоящего вывода иностранных войск. Однако каких – либо масштабных практических действий на совместной основе пока не просматривается. При этом, такие влиятельные соседи Афганистана, как Пакистан, Индия и Иран предпочитают развивать хозяйственные связи с Кабулом, преимущественно, на двустороннем уровне. Аналогичная ситуация складывается и в рамках Шанхайской организации сотрудничества, включающей непосредственных соседей Афганистана - Китай, Узбекистан и Таджикистан, а также более отдаленных - Россию, Казахстан и Киргизию. При этом, в общеполитическом контексте, из всех стран – членов ШОС только Россия открыто солидаризировалась с

предварительными условиями Кабула для его диалога с талибами.

Вместе с тем, растущую обеспокоенность государств «Шанхайской шестерки» деградацией обстановки в Афганистане выразили представители государств – членов ШОС, а также стран – наблюдателей в ходе политических консультаций в Москве 22 января с.г. Основное внимание было уделено проблема афганского урегулирования, отмечалась полная поддержка обеспечения стабильности и безопасности в ИРА, необходимость продолжения в этом контексте оказания международной помощи афганским силам безопасности после завершения миссии МССБ, выделялось значение координирующей роли ООН и широкого международного сотрудничества для достижения устойчивого мира и безопасности. При этом, фактически впервые за последние годы (после известной международной конференции по Афганистану, созванной в России по эгидой ШОС в 2009 году) было вновь заявлено, что ШОС представляет собой удобную площадку для широкого диалога и согласования позиций «по всему комплексу вопросов обеспечения региональной безопасности» [15]. Это можно расценить и как готовность «Шестерки» взять на себя гораздо более предметную, чем раньше, роль в координации региональных усилий по урегулированию в Афганистане после 2014 года.

О весьма вероятной угрозе нового витка афганского кризиса после 2014 года свидетельствует и permanently деградирующая обстановка в ИРА, непрекращающиеся вооруженные вылазки и террористические акты талибов. Проявлением неуверенности Вашингтона и НАТО в бескризисном развитии ситуации в стране свидетельствовал его отказ от планов сокращения после 2015 года общей численности Афганских национальных сил безопасности (АНСБ) до 228 тыс. человек и сохранение до 2017 года ее

финансирования на уровне до 352 тыс. человек. Вместе с тем, в последнее время командование МССБ приняло решение не наращивать Национальные силы безопасности (зафиксировав их на уровне 195 тыс. чел.), а сконцентрироваться на повышении качества подготовки и оснащения их личного состава [1].

В свете предстоящих новых вызовов Администрация США, заинтересованная в продолжении взаимодействия с Россией, ведет поиски обновленных форм сотрудничества и с республиками Центральной Азии – членами ШОС и ОДКБ. При этом, как и в первые годы афганской кампании, с американской стороны такое сотрудничество видится не только через призму задач по тыловому обеспечению вывода войск НАТО, но и в интересах долговременного мониторинга «со своего угла» этого чувствительного для интересов России, а также Китая регионе. С другой стороны, правящие элиты центрально – азиатских государств также имеют в виду рационально использовать ситуацию в своих интересах, в том числе в диалогах с Москвой и Пекином. Особо заметна такая линия со стороны Ташкента, что активно поощряется Вашингтоном, который хорошо осознает особое место Узбекистана в Центральной Азии [5- Р. 114, 117-119.], а также в структуре «Северной распределительной сети» транспортировки грузов НАТО. Способствует этому и перманентное стремление Ташкента обеспечить себе привилегированное место на севере Афганистана как за счет этнического фактора, так и контроля за основными транспортными артериями, в перспективном расширении которых со своей ведущей ролью РУ весьма заинтересована. Объективно, интересам Вашингтона отвечает и выход Узбекистана из ОДКБ в 2012 оду.

Серьезное внимание на центрально – азиатском направлении США уделяют и динамично развивающемуся Казахстану, который в перспективе способен стать

лидирующей силой в регионе, в том числе в результате растущего имиджа Астаны на мировой арене. Заметную чувствительность к практическому военному сотрудничеству с Америкой проявляют Таджикистан и Киргизия. [6- Р. 6.]. Из центрально азиатских соседей ИРА именно они могут быть наиболее уязвимыми в случае обострения обстановки к югу от своих границ. Вместе с тем, некоторые западные политологи выражают сомнения в справедливости утверждений о наличии у США серьезных стратегических или коммерческих интересов в Центральной Азии, и интерес Вашингтона, по их мнению, заключается лишь «в противодействии непосредственным угрозам США и Западу». Однако само понятие «угроза» может трактоваться по разному и зависит от того, какие политические и иные интересы выдвигаются в каждый конкретный момент. В этом же контексте обращает на себя внимание расплывчатость определений Администрацией Б. Обамы «переходности» предстоящего периода в Афганистане и вокруг него, которые не конкретизирует «многие ее ключевые аспекты», в том числе, «какое правительство должно появиться в Кабуле после 2014 года, каковы должны быть его подходы к экономической стратегии, к проблемам демократии, прав человека и т.д.». [12- Р. 48.]. В этом контексте весьма важным, прежде всего, в плане реального отражения соотношения внутривнутриполитических сил в Афганистане будет итог намеченных на апрель новых парламентских выборов. Явно, тесно связанной с ней является затеянная Х. Карзаем игра с отказом, даже после положительного решения созванной им же Лояя Джирги, подписать с США базовое соглашения о безопасности.

Помимо оптимистического, рассматриваются и негативные, но более реалистичные сценарии развития событий в Афганистане после 2014 года. К ним относятся возможность сохранения лишь частичного контроля

центральных властей над территорией страны; де – факто географическая и политическая фрагментация Афганистана и образование на его территории нескольких квази государств; общая гражданская война «всех против всех»; полное возвращение талибов во власть. Не исключают и комбинаций этих сценариев, а также появление некоей третьей силы со своими лозунгами и политическими установками. Представляется, однако, что и она будет носить преимущественно консервативно – традиционалистские черты. В этой связи, скорее всего, следует быть готовыми к наиболее сложным и комплексным вариантам развития событий на фоне того, что будущий режим в Кабуле будет исламским с консервативно – традиционалистским уклоном. Однако в настоящее время можно лишь строить догадки о степени его консервативности и враждебности ко всему неисламскому. Поэтому требуется международная солидарность и сотрудничество по принципиальным вопросам, связанным с последующим развитием обстановки в ИРА и формированием Кабулом обновленной концепции своих взаимоотношений с соседями и в более широком внешнеполитическом диапазоне.

Главное же, что при любом сценарии развития ситуации в этой стране потребуется от регионального и мирового сообщества, так это политический консенсус в том, что новая власть в Кабуле не должна нести дестабилизирующей угрозы региону. При этом, если ранее задача избежать ползучей «талибанизации» из Афганистане отвечала интересам, прежде всего, соседей страны с севера, то в последнее время данная проблема начинает все больше беспокоить и Исламабад - первоначально возвращенные для ИРА талибы теперь периодически угрожают и стабильности самого Пакистана. Выдвигаемые в том же контексте идеи «нейтрализации» Афганистана под политические гарантии соседей и мировых держав [11- Р. 56.] в определенной

степени перекликаются с предложением России (поддерживаемом странами ШОС) о возвращении страны к нейтральному статусу, который был зафиксирован в конституции страны 1964 года. Представляется, что любое будущее правительство Афганистана, даже самое одиозное, на внешнеполитической арене только выиграло бы от провозглашения такого статуса.

Исходя из уроков прошлого, сейчас важно окончательно прояснить и дальнейшие намерения США НАТО в Афганистане, чтобы снять озабоченности, которые возникают у России, Китая, а также некоторых других государств. Важным проявлением солидарности международного сообщества перед лицом будущих вызовов с территории ИРА могло бы стать дальнейшее укрепление сотрудничества по линии Совета Россия – НАТО. Позитивные примеры этого уже есть: «Северная распределительная сеть», вертолетный проект (Трастовый фонд по ремонту вертолетной техники), подготовка антитеррористических кадров. [7]. Весомым элементом могла бы стать также и определенная институционализация взаимодействия между Североатлантическим альянсом и ОДКБ (за что выступает Москва, но возражает Брюссель). Предметные контакты между ними обеспечивали бы полезную эффективность взаимодействия как в общем мониторинге обстановки в Афганистане, так и в реализации, при необходимости, совместных программ. Одновременно Москве предстоит решить, как такое сотрудничество должно сопрягаться с ее известной позицией о неприемлемости длительного пребывания в Афганистане американских военнослужащих.

Параллельно должна активно продолжаться самостоятельная линия на дальнейшее укрепление южного фланга ОДКБ, повышение ее общего зримого «профиля» на центрально - азиатском направлении. В этом же русле следует работать и над дальнейшим развитием двусторонних военных

связей с Узбекистаном (однако, следует отметить, что неучастие этой страны в структурах Организации объективно ослабляет позиции ОДКБ в диалоге с НАТО о сотрудничестве на афганском направлении). В свете возможных перспективных угроз стабильности в Центральной Азии на неформальном саммите ОДКБ в конце мая 2013 года были приняты дополнительные коллективные решения по усилению военной составляющей Организации, а также по оказанию содействия афганским властям в поддержании стабильности в стране. [14]. При этом, в перспективе и вне зависимости от развития обстановки в Афганистане и вокруг него после 2014 года, России следует всемерно избегать какой – либо односторонней силовой вовлеченности во внутриафганские дела, что имело бы самые негативные последствия для ее реальных национальных интересов и позиций на региональной и мировой арене. При этом, что на фоне permanently ухудшающихся российско-американских отношений Вашингтон может начать косвенно провоцировать именно такой сценарий в целях стратегического ослабления России на ее южном фланге.

Летом 2013 года Аналитическая ассоциация ОДКБ и Институт международных исследований МГИМО (У) МИД России провели ситуационный анализ по сценариям и перспективам эволюции в Афганистане и постсоветской Центральной Азии после 2014 года. При участии экспертов из МИД, министерства обороны и ряда академических институтов были обсуждены четыре возможных сценария: 1 - успешное международное сотрудничество для решения проблем страны и центрально – азиатского региона, 2 - постепенный упадок в регионе результате того, что сохраняющееся международное соперничество будет негативно сказываться на эффективности международного содействия Центральной Азии, 3 - интенсификация «Новой Большой Игры», 4 - а также центрально - азиатский взрыв [2].

Исходя из высказанных на встрече экспертов соображений, наиболее реальным автору представляется не какой – либо конкретный из них, а некое сочетание второго и третьего сценариев. Это будет предполагать, что Афганистан и после вывода войск НАТО еще долго останется шаткой зоной нестабильности и противоречий, а вовлечение страны в матрицу регионального хозяйственно – экономического сотрудничества потребует значительных усилий мирового и регионального сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бобкин. Н.* Афганская армия. Январь 2014. www.fondsk.ru/priew/2014/01/08smozet-li-afghanistanskaya-armyja-zamen.
- [2] *Казанцев. А.* Афганистан и Центральная Азия после 2014. ИМИ МГИМО-Университет www.imi-mgimo.ru
- [3] *См. Конаровский. М.* Афганистан на пороге перемен. «Международная жизнь». М., февраль 2012.
- [4] *См. Лукин А.В.* Центральная Азия и Афганистан в стратегии России. Ежегодник ИМИ. 2012. МГИМО-Университет. М. 2012,
- [5] *Махмудов. А.* Проблемы региональной безопасности и регионального сотрудничества в политике Соединенных штатов в постсоветской Центральной Азии. «Центральная Азия и Кавказ». Том 15, выпуск 3. 2012.
- [6] *Мальшева. Д.* Вывод войск международной коалиции из Афганистана и Центральная Азия. Институт востоковедения РАН. Оценки и идеи. Бюллетень. т.1, №2, август 2012.
- [7] Интервью Постоянного представителя России при НАТО А.В. Грушко агентству «Интерфакс» 19 апреля 2013 года. МИД России. www.mid.ru
- [8] Интервью министра иностранных дел России С.В. Лаврова информационному агентству «СА-News». Afghanistan.ru 18.06.2013

- [9] НАТО. Афганские национальные силы безопасности (АНСБ): подготовка и развитие., с.1. Управление общественной дипломатии. Центр работы со СМИ . май 2012 г. www.isaf.nato.int
- [10] Выступление президента РК Н.А. Назарбаева на 11 Евразийском медиа – форуме. Астана, 25 апреля 2013 года. www.zakon.kz
- [11] См. *Andrew Kurth Cronin*. Thinking Long on Afghanistan: Could it be Neutralized? The Whashington Quarterly. Winter 2013.
- [12] *Antony H. Cordesman*. Afghanistan from 2012 – 2014: Is A Successful Transition Possible? In: CICIR Forum 2012. Special Issue. Contemporary International Relations. CICIR. Vol.22, 2012. Beijing, China.
- [13] *Nicolas Swanstrom*. Regional Cooperation or Competition in Afghanistan: Challenges for the Future. In: Contemporary International Relations. Special Issue 2012. Vol.22. Beijing. www.odkb-csto.org. 7 июня 2013

ПРИМЕЧАНИЯ

- (14) Сообщение для СМИ об итогах межмидовских консультаций в рамках ШОС по вопросам обеспечения региональной безопасности. www.mid.ru 23.01.2014

ПРОБЛЕМА РАСПРОСТРАНЕНИЯ НЕСТАБИЛЬНОСТИ В АФГАНИСТАНЕ НА ПРОСТРАНСТВО ЦАР

А.П. Пономаренко*

С самого начала XXI в. политическая ситуация в регионе Центральной Азии с каждым годом все сильнее зависит от неопределенного положения Афганистана,

* **Пономаренко Анатолий Петрович** - магистрант кафедры ТИМО. Научный руководитель – к.и.н., доцент К.П. Курьлев

который продолжает пребывать в затянувшемся военном и политическом кризисе. Афганский кризис уже 13 лет не перестает быть в ряду крупнейших проблем международных отношений. Крупная контр-террористическая операция под эгидой США и НАТО не только не достигла поставленных целей, но и спровоцировала рост экстремизма, терроризма, этнической преступности, нелегальной торговли оружием и многое другое, что стало головной болью как для соседних с Афганистаном государств, так и для всего огромного Евразийского континента. И если для последних эти угрозы отдаются эхом, то для соседей решение афганского вопроса остается жизненной задачей.

В качестве примера, какой нестабильностью могут обернуться события в Афганистане для Центральной Азии, можно привести «Арабскую весну» 2010-2012 гг. Она стала возможной из-за того, что в странах с арабским населением традиционно консервативное общество не допускало изменения социального и политического положения людей, элита была закрыта, отсутствовала связь между поколениями.

Лидеры, которых свергали в ходе революций, находились у власти по несколько десятков лет. За это время власть становилась насквозь коррумпированной, она теряла доверие населения. Наблюдалось наличие оппозиции в лице радикальных исламистов (которые, например, и пришли к власти в Египте и Ливии после свержения Х. Мубарака и М. Каддафи соответственно).

Если посмотреть на страны Средней Азии, то можно увидеть схожие симптомы, где есть как и коррумпированная многолетняя власть, так и радикальные исламистские оппозиционеры, преимущественно в Узбекистане и Таджикистане.

В связи с этим существует опасность того, что подобные процессы, которые можно было наблюдать в ходе «арабской весны», найдут благодатную почву в Центральной

Азии. Экспортеры «революции» останутся те же (Саудовская Аравия, Турция, Катар), так же, как и «группа поддержки» в лице заинтересованных государств Запада (США и Великобритании в первую очередь), которым необходимо ослабить позиции России и КНР [3-С.1].

Афганистан в данном контексте может сыграть роль бомбы замедленного действия. После планируемого в 2014 г. вывода войск НАТО из страны, как уже было написано выше, Афганистан почти наверняка будет ввергнут в пучину нового витка гражданской войны, нестабильность от которой быстро перекинется и на Среднюю Азию. Эти события вполне могут произойти в течение 3 лет, до 2017 г. Поэтому уже сейчас можно констатировать, что острая фаза войны в Афганистане может начаться в 2015-2017 гг., а в Центральной Азии волнения и противоборство официальных властей и исламистских оппозиционеров начнется в 2016-2017 гг., но основная фаза придется на время до 2020 г.

В связи с этим для государств региона жизненно важно подготовиться к такому сценарию развития политической ситуации и укреплять национальные силовые структуры и политические ведомства. Помимо этого, странам ЦА стоит расширять сотрудничество в соответствующих сферах с Россией и Китаем на двусторонних основах, а также в рамках существующих организаций: ШОС и ОДКБ.

Однако тут существуют загвоздки. Лишь Казахстан полностью открыт для упомянутых инициатив. Остальные государства ЦАР страдают от тех же проблем, что и большинство арабских стран: общества и элиты поделены на кланы, власть коррумпирована и преследует только свои интересы. В таких условиях вероятность адекватного сотрудничества между силовыми ведомствами крайне невелика. Стоит также отметить, что Киргизия уже пережила одну революцию, и обстановка в республике наглядным образом показывает, что вероятность новой не исчезает.

Медленно, но верно растет влияние ОПГ и исламистского подполья, в первую очередь Исламского движения Узбекистана (ИДУ). Они контролируют поток наркотиков из Афганистана через ЦАР. Официальные власти едва ли полностью держат государственные границы и даже некоторые районы внутри стран[7-С.120].

Уже сейчас параллельно с медленным ухудшением состояния экономик некоторых государств Средней Азии можно наблюдать усиление присутствия саудитов и Катара в Таджикистане и Киргизии. Помимо официальных посольств, эти страны (а также Турция) активно содействуют культурному проникновению: открываются различные школы с соответствующим исламистским обучением, медресе и пр. Исходя из этих тенденций можно предположить, что именно Киргизия станет исходной точкой вероятной череды революций в ЦАР.

Выбор Киргизии обусловлен ее географическим и политическим положением. Во-первых, на ее территории удобно размещать радикальные исламистские формирования. Во-вторых, их легко перебрасывать по всему региону и не только, под угрозой будет находиться даже Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) КНР [4-С.61]. В-третьих, по сравнению с Таджикистаном, в КР почти отсутствует влияние шиитского Ирана, который, как известно, является основным соперником саудитов в борьбе за лидерство в исламском мире.

Сегодня в кругах политологов отмечается, что в случае прорыва связанных с «Аль-Каидой» и «Талибаном» экстремистских группировок из Афганистана объектами их активности станут наименее развитые государства ЦАР: Киргизия, Таджикистан и Узбекистан. Впрочем, нестабильность может распространиться и на закрытый Туркменистан, и даже на благополучный Казахстан [6-С.2]. Такой интерес с относительно далеким от Афганистана

странам объясняется легко – исламские экстремисты представлены в первую очередь боевиками ИДУ и завербованными гражданами России из исламских районов: Татарстана, Башкортостана, Чечни, Ингушетии, Дагестана. Именно они, а не этнические афганцы или арабы составляют основу экстремистов, жаждущих создания Центральноазиатского халифата.

Впрочем, недооценивать боевиков из Афганистана нельзя. Именно они окажут всяческую помощь своим «братьям по вере» из джамаата «Уйгур-Булгар» и ИДУ. Высока вероятность развития противостояния по сирийскому варианту, когда имело место значительная кооперация разведок Пакистана и Саудовской Аравии по подготовке боевиков на территории «Галибана» и в сотрудничестве с ним. Новоиспеченные «борцы за веру» до сих пор ведут непрерывающуюся диверсионную войну против правительственных войск в Сирии.

Отсюда следует логичный вывод: чтобы стабилизировать регион, необходимо свести к минимуму влияние радикальных исламистских проповедников на население. Их идеология – т.н. «мусульманская справедливость» - отличная формулировка и лозунг для объединения всех маргинальных слоев общества и экстремистов для свержения власти. Поэтому необходимо ликвидировать исламистские группировки в каждой отдельно взятой стране, чтобы не допустить эскалации в дальнейшем [1-С.53].

Помимо этого, следует обратить внимание на этнический фактор. В Киргизии существует довольно крупная диаспора уйгуров, которые являются также и главным дестабилизирующим фактором на территории Китая. Поэтому, имела бы смысл кооперация киргизских силовых ведомств с их китайскими коллегами из Министерства общественной безопасности. Последние могли бы

организовать мониторинг уйгурских экстремистов на территории СУАР с целью выявления их связей и возможных планируемых действий с киргизскими боевиками.

В качестве превентивной меры имеет смысл учесть роль Турции в организации революции в Ливии, инспирации гражданской войны в Сирии и начать вытеснение влияния Анкары из Центральной Азии. При этом особое внимание надо уделить ревизии различным организациям по объединению тюркских народов (ТЮРКСОЛ). Все подобные фонды работают под эгидой Бюро военной разведки.

Другим объектом для ревизии должны послужить отделения финансируемой США организации «Нурджулар»[1-С.70]. Если в регионе все же начнется волна «цветных революций», ее могут задействовать в роли агентов влияния. Не стоит забывать и об ОПГ и криминализованных кланах, которые контролируют наркотрафик. Киргизская революция 2010 г. отчетливо иллюстрирует, насколько они влияют на градус протеста и организованность вооруженных беспорядков.

Пример «арабской весны» показал, что государство, на территории которого опробуется попытка госпереворота, не имеет никаких шансов для получения каких-то гарантий от организаторов дестабилизационной деятельности – их попросту не станут выполнять[5-С.23]. США, ваххабитские монархии Саудовской Аравии и Катара, исламизирующаяся Турция и даже некоторые страны Евросоюза не приемлют сложившуюся относительно стабильную ситуацию долго – она им попросту мешает в реализации своих собственных интересов в регионе. Поэтому странам ЦАР, России и Китаю уже сейчас стоит обратить внимание и на вероятные очаги исламистской революции – помимо Киргизии это территория Ферганской долины в Узбекистане. В зоне риска также Дагестан, Афганистан, Таджикистан и даже СУАР.

Если брать за образец пример текущей войны в Сирии (и даже вооруженного переворота на Украине), можно прогнозировать, что, если на территории государств ЦА разразится политический кризис, основные экспортеры революций (в лице США, Турции и др.) начнут обеспечивать деньгами и политической пропагандой представителей оппозиции. Пакистан и Саудовская Аравия займутся непосредственно боевиками: их обучением, финансированием, логистикой; не исключено участие Турции и Катара. Все имеют свои интересы, и конкуренция между «организаторами» довольно высока.

Спецслужбы западных государств примут более опосредованное участие в организации нестабильности. Их задачей с большой долей вероятности станет подготовка местных бойцов для удержания важных объектов ядерной химической и биологической промышленности, оставшихся со времен Советского Союза, чтобы те не перешли под контроль исламских экстремистов. Вопрос пропаганды необходимого «организаторам» мнения касательно дестабилизации в Центральной Азии фактически решен. Подконтрольные государствам американские и европейские СМИ, а также крупные телеканалы БСВ вроде «Аль-Джазиры», учитывая их доминирование в информационном поле, легко сформируют необходимое мнение у населения. Впрочем, у многих развивающихся стран национальные СМИ, как правило, занимают скептическую позицию по отношению к точкам зрения первых, исходя из освещения различных конфликтов последних двух десятилетий.

Уже сейчас можно констатировать, что существует вероятность открытого военного вмешательства союзников и ближайших партнеров стран региона – Москвы и Пекина. Происходить это может как в рамках ОДКБ, так и под эгидой ШОС. Хотя практика показывает, что обе державы вполне могут предпочесть лишь наблюдение за ситуацией, усиление

контроля на границах и в крайнем случае – небольшие операции. В случае угрозы для Казахстана, Россия, однако, может также ввести войска по крымскому сценарию. Если же заокеанские и ближневосточные экспортеры нестабильности сделают попытку использовать ООН, как в ситуации с Ливией, она будет заблокирована и Россией, и Китаем, что показал сирийский пример.

Государства, которые стоят за гипотетической «азиатской весной», имеют схожие задачи: укрепление зоны влияния в Центральной Азии (если необходимо – включая уничтожение государственности), создание марионеточных властей, управление местными кланами и ОПГ. Но приоритеты у всех разнятся, причем порой они настолько разные, что в будущем могут привести к новой фазе нестабильности.

1) США: нивелирование позиций России и Китая, создания платформы для сдерживания КНР в будущем;

2) Саудовская Аравия и Катар: продвижение исламистской идеологии в Среднюю Азию, получение новых зон влияния в виде свежеиспеченных халифатов, опосредованное ослабление влияния Ирана;

3) Турция: продвижение идей пантюркизма, т.е. фактическая экспансия Турции согласно плану «Неооттоманской Порты»;

4) Евросоюз: новый рынок сбыта и источник экономических привелегий, а также улучшение отношений со всеми задействованными акторами.

Однако, несмотря на высокую вероятность данного прогноза, назвать его полностью радужным для упомянутых акторов нельзя. «Арабская весна» (как и государственный переворот на Украине) показали, что все, кто замешан в антиправительственных акциях и государственных переворотах, преследуют собственные интересы, поэтому действуют скооперировано лишь в течение 0,5-2 лет.

Конфликтов между ними хватает: Штаты имеют разногласия с Турцией и Аравией, Катар – с Францией и Великобританией, а последние – с США. Исламские страны традиционно преследуют только свои интересы, не считаясь с данными договоренностями.

Вероятный прогноз «центральноазиатской весны» /

Возможное применение теории управляемого хаоса, которая в контексте региона будет выглядеть как «центральноазиатская весна», можно разделить на восемь этапов:

1. Создание напряжения в различных частях государств, использование провокаторов для начала беспорядков между недовольным населением и силовиками. Всё транслируется с помощью арабских и западных СМИ, подробно освещаются человеческие жертвы по всему миру;

2. Использование агентов влияния в лице кланов, которые недовольны своим положением, радикальных исламистов, маргинальной интеллигенции. Все они будут вносить свою лепту в свержение существующего режима;

3. Воспитание и «вскармливание» лидеров оппозиции за пределами Центральной Азии (как и в случае с другими «цветными революциями»), а также рядовых боевиков уже в пределах ЦАР. Возможно создание исламского интернационала (как в случае с повстанцами в Сирии). В то же время, в странах Запада, в Турции и заинтересованных арабских государствах СМИ ведут мощную кампанию поддержки оппозиции, которая со временем превращается в полноценную информационную войну. Используются громкие лозунги о защите прав человека и мусульманской солидарности;

4. Использование различных рычагов давления на власть: попытка очернения правящего режима, точечные санкции против представителей элиты, ослабление дипломатических связей, экономические санкции и прекращение торговли,

шантаж с заморозкой национальных и элитарных денежных средств в европейских банках (то есть все механизмы, попытка использования которых была безуспешно применена против России после воссоединения с Крымом);

5. Использование Афганского фактора – приграничные с Афганистаном области к тому времени будут зоной нестабильности ввиду активизации «Талибана». Осуществление подготовки вооруженной оппозиции в лагерях боевиков;

6. Использование исламских банков для финансирования деятельности радикально настроенной исламистской оппозиции;

7. Формирование транспортной сети для быстрой переброски готовых радикалов и оборудования из Афганистана в ЦАР;

8. Создание организованных оппозиционных группировок во всех важных пунктах – городах, заводах, промышленных центрах[3-С.4].

По сути, все остальное – лишь частности. Скорее всего активная часть волнения закончится тем, что организованные экстремисты возьмут под контроль все основные центры коммуникации: электростанции, ЛЭП, станции водоснабжения. В зоне риска, в первую очередь, Киргизия и Таджикистан. Однако итоги будут зависеть уже от того, насколько успешно действующие игроки смогут организовать свою деятельность, и от того, как будут действовать главные внешние акторы, против которых, собственно, и будет направлена вся операция по превращению ЦАР в зону нестабильности – РФ и КНР.

Скорее всего, поводом для начала этой широкомасштабной операции станет смена высшего руководства в одной из ведущих центральноазиатских стран, либо за некоторое время до этого (если информация по передаче власти будет достоверна известна заинтересованным

игрокам) [З-С.6]. Исходя из примеров Сирии и Украины, любая попытка прекратить массовые протесты с использованием силовых ведомств будет тиражироваться СМИ как «жестокое репрессии кровавого режима против мирных демонстрантов» и станет элементом информационной борьбы.

Таков прогноз для самых уязвимых государств Средней Азии – Киргизии и Таджикистана. Их государственность слабеет с каждым днем, влияние исламских экстремистов, представителей наркокартелей и ОПГ возрастает, так же, как и влияние Саудовской Аравии и Турции (как в политическом, так и в культурном плане). Вероятное распространение нестабильности из Афганистана на другие государства региона несколько отличается ввиду их лучшего экономического и политического состояния.

В наиболее защищенном состоянии находится самое развитое государство ЦАР – Казахстан. Именно он способен провести полный комплекс мер по предотвращению широкомасштабной кампании управляемого хаоса, включая постоянный мониторинг внутривнутриполитической ситуации, подготовку силовых структур, пресечение финансирования оппозиции из-за рубежа, выработку собственных сценариев поведения на случай усиления напряженности в регионе и т.д.

Главной итоговой целью для экстремистов и их покровителей станет, скорее всего, Узбекистан. Руководство республики выбрало политику изоляционизма, которая основывается, с одной стороны, на стремлении к лидерству в ЦА, а с другой – на балансе сотрудничества с США и России. Пример «арабской весны» в Тунисе, Египте, Ливии показал, что президент Ислам Каримов, много лет проводивший политику возвышения силовых структур, укрепления границ и провоцирования периодических конфликтов с соседями не сможет осуществить мирную передачу власти своему преемнику.

Отдельно от всех стран региона стоит рассмотреть Туркмению. Республика проводит самую активную политику изоляции, однако нынешний президент Бердымухаммедов не обладает таким же влиянием своего предшественника. При его правлении ведущие кланы стали не столь лояльны власти, национальная элита также перестала быть абсолютно преданной лидеру.

Помимо ухудшения ситуации «в верхах», можно наблюдать и размежевание среди населения Туркменистана. В обществе в последние годы значительно усилили свои позиции салафиты, что особенно заметно в Прикаспийском регионе[2-С.5]. Их деятельность традиционно направлена против светских властей, и финансируется она либо из Афганистана, либо через районы Ирана с суннитским населением. Наличие и усиление таких экстремистских групп создает угрозу для безопасности Туркменистана и может быть использовано заинтересованными акторами для распространения нестабильности в республику.

В этом случае также можно сделать вывод, что Туркмения стала заложником своих газовых месторождений. Ресурсы республики представляют интерес для их экономических конкурентов из Катара, а также для руководства Пакистана и «Талибана». Власти в Дохе, за спиной которых стоит американская администрация, заинтересованы в прокладке газопровода через Афганистан в Пакистан [3-С.9], что, в свою очередь, наносит ущерб сразу трем конкурентам арабского эмирата: Ирану, России и Китаю. Ввиду этого, Туркмения может вполне стать объектом политической интриги и жертвой нестабильности, которая потенциально может потрясти регион.

В итоге можно констатировать, что нестабильность в Афганистане, которая почти неминуемо возникнет после ухода контингента НАТО, с большой долей вероятности перекинется на регион Центральной Азии и нанесет ущерб не

только собственно государствам региона, но и их крупным соседям – РФ и КНР. С уверенностью можно утверждать, что до 2020 г. в регионе не состоится военное вторжение со стороны Североатлантического альянса, либо другого военно-политического блока. Роль интервентов будет отведена именно радикальным исламистским объединениям проблема оснащения которых уже решена в связи с наличием в соседнем Афганистане крупных складов с техникой и вооружением образца НАТО.

В случае эскалации политической ситуации также очевидны поставки вооружения странам региона со стороны РФ и КНР, и, возможно, Ирана. Это почти наверняка натолкнется на негативную реакцию мирового сообщества, однако оба государства уже доказали, что при отстаивании национальных интересов ни мнение Генеральной ассамблеи, ни Совета Безопасности ООН не заставит их отступить.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Олкотт М.Б.* Центральная Азия: перспективы смены власти // Pro et Contra. 2012.
- [2] *Пономарев В.* Казахстан: борьба с "салафитами" на Мангышлаке // Agentura.ru. 2013. С. 5.
- [3] *Сатановский Е.* «Дестабилизация Центральной Азии» // Институт Ближнего Востока; февраль 2014.
- [4] *Сыроежкин К.Л.* Мифы и реальности этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. Алматы, 2009
- [5] *Троицкий Е.Ф.* Политика США в Центральной Азии. Томск, 2012.
- [6] *Фальков М.* Исламское движение Узбекистана (ИДУ) // Независимая газета. М., 2013. С. 2
- [7] Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: возможности и вызовы для России / Под ред. М.М. Наринского и А.В. Мальгина. М., 2003. С. 120.

АФГАНИСТАН ПОСЛЕ ВЫВОДА НАТОВСКОГО КОНТИНГЕНТА В 2014 ГОДУ. СТРАТЕГИЯ БОРЬБА С МИРОВЫМ ЦЕНТРОМ НАРКОПРОИЗВОДСТВА – ВЫЗОВЫ РОССИИ

И.Ж. Сарсембаев*

В 2014 году перед Российской Федерацией, а также странами Центрально-азиатского региона встанет задача выработки новой стратегии и плана действий в отношении Афганистана, который остается один на один со своими проблемами.

В будущем году, США и ее союзники, уходят из Афганистана, практически не решили ранее поставленных задач.

К сожалению, приходится признать, что годы присутствия США в Афганистане не только не решили вопрос уничтожения политического влияния Движения Талибан и радикальных исламистов, но привели к фактическому уничтожению всех экономической инфраструктуры этой страны.

Срочная необходимость всеобъемлющей международной помощи этому государству обусловлена тем, что Афганистан, образно говоря, необходимо снять с «иглы героинового производства», на которую его посадили международные преступные группировки и экстремистские силы, которые используют крайнюю бедность и разруху этой страны в своих преступных целях.

Тот факт, что Центральная Азия превратилась в один из крупнейших коридоров поставки наркотиков на рынок России – так называемый «Северный маршрут», – в наши дни

* **Сарсембаев Ильяс Жазитович** - доктор политических наук Франции, Главный научный сотрудник отдела проектов в сфере международного сотрудничества ФКУ НИЦ ФСКН России

известен многим, если не каждому. Причиной тому послужило опасное соседство с Афганистаном, который медленно, но верно превращается в крупнейшее в мире наркогосударство – производитель героина и опия планетарного масштаба.

Предпринимаемые меры правительства Хамида Карзая по ограничению роста наркопосевов в Афганистане, и борьбе с наркопреступностью на территории страны сталкивается с объективными трудностями.

Одна из них, достаточно слабый контроль за ситуацией в горных районах страны, недостаточно техническая оснащенность, общая слабость и низкий уровень профессиональной подготовки афганских правоохранителей.

Конечными пунктами поступающего из Афганистана героина являются страны, через которые проходит «Северный маршрут», то есть Таджикистан, Киргизия, Узбекистан, Казахстан и, собственно, Российская Федерация.

При этом наши союзники по ОДКБ на центрально-азиатском направлении предпринимают значительные усилия по борьбе с организованной преступностью на своей территории.

Российская сторона, в частности органы ФСКН России, через межведомственное оперативное взаимодействие с национальными службами Казахстана, Таджикистана и Киргизстана, а также рабочие механизмы ОДКБ, КСОПН и Совет командующих Пограничными войсками (СКПВ СНГ), прилагает максимум усилий для того, чтобы эта борьба велась с большей эффективностью.

На сегодняшний день России противостоит прекрасно организованная, оснащенная по последнему слову техники вооруженная сила международных наркосендикатов, базирующихся в Афганистане. При этом, руководители большинства наркосиндикатов находятся вне пределов

Афганистана, и живут в том числе в странах западной демократии, пользуясь ее благами.

Следует отметить, что число граждан вовлеченных в наркопроизводство постоянно растет за счет пополнения рядов наркопреступности крайне обедневших слоев местного населения.

Наряду с этим, по обобщенным данным отечественных правоохранительных ведомств и спецслужб, в Центрально-Азиатском регионе действует 500 нарколабораторий и 147 крупных наркоформирований, специализирующихся исключительно на российском направлении, которое носит название «Северного маршрута» [1].

В 2011 году мировой оборот афганских опиатов оценивался приблизительно в 60 млрд. долларов, в 2012 году он вырос до 70 млрд. долларов. Причем конфискуется всего менее 1 процента денежных средств от их реализации, остальные «грязные деньги» фактически беспрепятственно вливаются в международную финансовую систему. Немалая часть этих средств подпитывает террористическую деятельность. По оценкам Международных сил содействия безопасности в Афганистане, только за последние три года Талибан уже получил около 360 млн. долларов от оборота наркотиков[2].

Соответственно сегодня необходимо говорить об адекватном ответе на ту угрозу, которую представляет международная наркопреступность, окопавшаяся на территории Афганистана.

В сложившейся сегодня ситуации перед Российской Федерацией и всеми правоохранительными органами государства, а также партнерами России по ОДКБ, на повестки дня стоит вопрос об усилении взаимодействия по выявлению и блокированию международных преступные группировки и финансовые потоки, напрямую связанные с оборотом афганских наркотиков.

Успешность по осуществлению этих мер будет работать на подрыв финансово-экономической базы наркоиндустрии.

С учетом этого значительно возрастает актуальность консолидированного участия заинтересованных государств в борьбе с развивающейся сетью преступных транснациональных группировок, отмываюни доходов наркосиндикатов, существованием «офшорных зон, где возможно прятать наркоденьги», особенно если учесть, что существующие международно-правовые институты и организационные структуры в силу ряда причин не в достаточной степени эффективно влияют на наркоугрозы, имеющие устойчивую тенденцию к дальнейшему усилению.

Объединение усилий всех государств, постепенно приобретая надфункциональный характер, становится основой интеграции, способствуя развитию процессов по установлению более тесных связей как на национальном, так и на межгосударственном уровнях.

Следует отметить, что данный процесс не может быть совершен на скорую руку и требует детальной проработки, в том числе и по унификации двусторонних и многосторонних правовых механизмов и законодательства на уровне взаимодействия стран СНГ, Таможенного Союза, на линии взаимодействия стран в рамках «Большой восьмерки» и «Большой Двдцатки», выходя на уровень принятия единого решения по афганским наркотикам в Совете Безопасности ООН.

Сегодня силами экспертного сообщества ведется поступательный поиск оптимальных конфигураций правоприменительных практик и методов оперативного взаимодействия различных государств[3].

Если говорить собственно о деятельности ФСКН России по пресечению афганского наркотрафика, то следует также упомянуть о проведении ряда совместных операций на

территории самого Афганистана, в которых антинаркотическое ведомство России выступило в качестве источника информации о субъектах и объектах незаконного наркооборота, а также наблюдателем при проведении операций по пресечению их деятельности.

Так ещё в октябре 2010 г. общими усилиями ФСКН РФ и антинаркотического ведомства США DEA при поддержке МВД Афганистана было уничтожено четыре нарколаборатории в уезде Ачин афганской провинции Нангархар. В качестве инициаторов операции выступил ФСКН России, предоставивший DEA США и МВД ИРА данные о местоположении лабораторий.

Представители ФСКН России в Афганистане также активно участвовали в дополнительных разведывательно-поисковых мероприятиях в отношении объектов совместной заинтересованности и разработке плана совместной операции по их уничтожению.

В результате проведения совместной операции была вскрыта устойчивая инфраструктура производства наркотиков, на базе которой было обнаружено и задокументировано 4 нарколаборатории (3 героиновые и 1 морфиновая), 932 кг героина, 157 кг опиума, 50 кг хлорида аммония, 10 л уксусного ангидрида, 10 кг каустической соды, 40 кг специального угля, 2 больших и 2 малых прессы и другое оборудование.

Как отметил Виктор Иванов, благодаря совместным действиям антинаркотических ведомств «Центрально-азиатский рынок наркотиков не досчитался порядка 200 миллионов разовых доз (героина)».

В период с декабря 2010 по конец февраля 2011 г. было проведено ещё четыре подобные совместные операции. В общей сложности в ходе проведённых оперативных действий было ликвидировано 124 кг кристаллического героина,

1275 кг высококачественного героина, 297 кг опиума, 450 л уксусного ангидрида, 75 килограммов хлорида аммония.

Все специальные операции были проведены по разработкам в отношении организаторов наркогруппировок, контролирующего производство героина в нарколабораториях, расположенных в провинции Нангархар, и Ходжи Лаванга, контролирующего производство и сбыт высококачественного героина, а также организацию поставок прекурсоров в Афганистан.

Еще четыре нарколаборатории было уничтожено в ходе совместной российско-американо-афганской операции, проводившейся с 30 апреля по 15 мая 2012 г. Общее количество изъятий составило почти 3 т гашиша, это больше, чем за год изымается в России, более 400 кг опиума, 410 кг героина, 150 кг морфина и около 4 т прекурсоров. В рамках подготовки к данной операции с августа 2011 г. афганским партнерам были переданы данные по 41 лаборатории с предполагаемыми GPS координатами, а также адресами и телефонами афганских наркодельцов [4].

Самой последней совместной операцией стало уничтожение 6 нарколабораторий в провинции Бадахшан в сентябре текущего года, в ходе которой из незаконного оборота было изъято 180 кг героина, 1500 кг морфина, 1200 кг опия, 200 кг семян опийного мака, 700 кг прекурсоров.

Таким образом, 2 года проведения совместных операций по уничтожению нарколабораторий в Афганистане показали свою высокую эффективность, предотвратив поступление на российский рынок около 10 тонн наркотических средств.

Примеры подобных международных операций наглядно демонстрируют возможность и необходимость проведения мероприятий по выявлению и ликвидации всего канала поставки наркотика от производителя до конечного

потребителя в случае, если в их основе лежат согласованные совместные действия.

И всё же, несмотря на имеющиеся трудности, международные организации, действующие на территории Центральной Азии, а также антинаркотические ведомства России и стран данного региона задали правильный вектор в деле противодействия афганской наркоугрозе и ликвидации наркопотока по «Северному маршруту».

Последним подтверждением этого стало успешное проведение 23 ноября 2012 г. ФСКН России беспрецедентной по масштабам полицейской операции «Картель»[5], в ходе которой была ликвидирована разветвленная транснациональная международная сеть по поставкам высококонцентрированного героина из Афганистана в Российскую Федерацию.

Основные звенья сети базировались в Афганистане, Средней Азии и ряде государств Персидского залива, что ещё раз подтверждает необходимость объединения усилий антинаркотических ведомств всех стран, столкнувшихся с наркоугрозой.

Резюмирую, - За последние три года, с 2010 по сегодняшний день, компетентные органы России, США и Афганистана совместно спланировали и уничтожили на афганской территории за последние три года 22 нарколаборатории и 24 тонны опиатов в героиновом эквиваленте.

Это является прекрасным примером скоординированной и эффективной работы, которая обязательно должна быть продолжена и в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

[1] *Хатаев А.* Об интеграции правоохранительных систем государств – участников СНГ в противодействие

транснациональному наркобизнесу и наркопреступности. // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Международное сотрудничество государств-участников СНГ в борьбе с незаконным оборотом наркотиков и противодействии наркомании – Москва, 2012. // ФКУ НИЦ ФСКН России

[2] *Корчагин О.* Создание системы раннего выявления и предупреждения новых видов наркотиков и наркомании в рамках СНГ как один из основных факторов противодействия незаконному обороту наркотиков на территории государств – участников СНГ // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Международное сотрудничество государств-участников СНГ в борьбе с незаконным оборотом наркотиков и противодействии наркомании – Москва, 2012. // ФКУ НИЦ ФСКН России

[3] *Кирушев А.* Взаимодействие антинаркотических ведомств России и стран Центральной Азии в проведении оперативно-розыскных мероприятий и пресечении международного наркотрафика // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Международное сотрудничество государств-участников СНГ в борьбе с незаконным оборотом наркотиков и противодействии наркомании – Москва, 2012. // ФКУ НИЦ ФСКН России

[4] *Диченко А., Носов А., Колесников К.* Взаимодействие антинаркотических ведомств России и стран Центральной Азии в проведении оперативно-розыскных мероприятий и пресечении международного наркотрафика // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Международное сотрудничество государств-участников СНГ в борьбе с незаконным оборотом наркотиков и противодействии наркомании – Москва, 2012. // ФКУ НИЦ ФСКН России

[5] *Диченко А., Носов А., Колесников К.* Взаимодействие антинаркотических ведомств России и стран Центральной Азии в проведении оперативно-розыскных мероприятий и пресечении международного наркотрафика // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Международное сотрудничество государств-участников СНГ в

борьбе с незаконным оборотом наркотиков и противодействию наркомании – Москва, 2012. // ФКУ НИЦ ФСКН России

АФГАНИСТАН И БОРЬБА СТРАН ЕВРАЗИИ С УГРОЗОЙ ИСЛАМИЗМА

Шах М.:

Приближается 2014 г., в котором предвидится три важных политических события в Афганистане, имеющих влияние непосредственно в регионе и в мире, это вывод иностранных войск, президентские выборы, рост урожая маковых полей и наркотики, усиление и активизация движение Талибан к власти.

Важно отметить что, с 2010 г. неустойчивость стран Евразии стала увеличиваться. Многие аналитики связывают эту неустойчивость с развитием воинствующего исламизма, который начал набирать свои обороты с 2010 г.

Однако нельзя утверждать, что воинствующие исламисты несут основную ответственность за нестабильность в Центральной Азии, поскольку такие факторы, как политика и экономика, играют не последнюю роль в неустойчивости данного региона.

Но если такие факторы, как политика и экономика, которые не являются основной целью джихадистов, становятся причиной большей части недавней террористической активности в регионе, то предстоящий вывод американских войск из Афганистана, который намечен на 2014 г., может поставить Центральную Азию лицом к лицу с угрозой воинствующего исламизма в будущем.

· **ШАХ МАХММУД** –к. п.н., доц.фак-та Международных отношений МГИМО(У), ст.н. сотрудник Института Востоковедения РАН, Член Российской ассоциации политической науки (РАПН)

В сочетании с предстоящей сменой руководства в ряде государств Центральной Азии, вывод американских сил из Афганистана может осложнить и без того сложную картину безопасности региона.

Необходимо подчеркнуть, что последние несколько лет исламские экстремисты из Центральной Азии начали вновь укрепляться в Северном Афганистане, одновременно устанавливая союзы с возвращающимися туда силами движения Талибан. В результате начала возрастать террористическая угроза центральноазиатским государствам и России.

В связи с этим власти стран Центральной Азии начали усиление борьбы с террористической угрозой.

Так, в Таджикистане в конце 2010 - начале 2011 гг. была проведена крупная операция по уничтожению боевиков в Раштской долине.

Благодаря ликвидации ряда бандформирований и их лидеров, несколько повысился уровень безопасности от террористических угроз в этой стране. Однако говорить о достижении силовыми органами Республики Таджикистан необходимого уровня безопасности еще рано, т.к. границы Таджикистана с Афганистаном все еще остаются недостаточно оснащенными, а государственные структуры в этой стране чрезвычайно слабы, что, в частности, проявляется в высоком уровне их вовлеченности в наркоторговлю. Из средств, полученных от торговли наркотиками, в т.ч., финансируется и деятельность исламских экстремистов. Последние события июля-августа 2012 г. в Горном Бадахшане, приведшие к вооруженным столкновениям, как раз и показывают всю сложность ситуации в стране.

Политика, проводимая властями Узбекистана по борьбе с религиозным экстремизмом и терроризмом, традиционно является чрезвычайно жесткой. В то же время и узбекские экстремистские структуры (особенно, Исламское Движение

Узбекистана) – самые сильные, напористые и агрессивные в регионе.

Следует отметить то, что глубинные причины роста экстремизма в этой стране кроются в политических, социально-экономических и межэтнических проблемах, особенно характерных в современных условиях для наиболее густонаселенных районов Ферганской долины.

Ферганская и Каратегинская долины являются также удобными районами для скрытой деятельности террористических формирований [3- С.- 335.]

В Казахстане в связи с рядом событий (взрывы в Актобе и Астане, вооруженные столкновения в г.Жанаозень) также активно обсуждается проблема роста потенциала террористической деятельности. В Казахстане, как и в Центральной Азии в целом, главными проводниками идей террора являются исламистские течения и организации.

В этой связи для минимизации их воздействия на сознание жителей республики руководство Казахстана предприняло ряд мер по усилению работы, направленной на повышение религиозного образования, а также духовного развития казахстанского общества. Для этого в республике было создано специализированное ведомство – Агентство по делам религий.

Предпринимаемые Казахстаном меры по борьбе с указанными негативными проявлениями, а также проводимая руководством страны политика толерантного отношения ко всем конфессиям и национальностям в целом способствуют сохранению в стране безопасности [6]

Для южной части Киргизии традиционной угрозой является перенос деятельности экстремистских групп из соседнего Таджикистана и Узбекистана. Одной из причин этого является слабость правоохранительных структур этой страны.

В основном речь идет о жизни узбекской диаспоры, сами киргизы вовлечены в эту деятельность сравнительно слабо, в основном из-за низкого уровня исламизации. Однако деятельность псевдопросветительских групп, типа "Хизб-ут-Тахрир" (формально не ставящих задачу вооруженной борьбы, но включенных в списки террористических организаций, одобренных специальными службами ключевых государств мира), широко охватывает и киргизов.

Лишь для Туркменистана угроза радикального исламистского экстремизма может рассматриваться как малозначимая из-за высокой степени контроля спецслужб над населением страны и традиционно низкого уровня мусульманской религиозности туркмен.

Однако ситуация может измениться в случае слишком резкой дестабилизации обстановки в соседних Афганистане или Иране (в обеих странах есть большие туркменские диаспоры).

В связи с этим, можно указать на то, что угроза со стороны исламистских террористических групп, базирующихся в странах Центральной Азии, довольно высока, и для противостояния ей необходимо объединить усилия России и ее партнёров по ОДКБ и ШОС.

Усиление деятельности экстремистских и террористических организаций в Центральной Азии представляет собой серьезную угрозу для России. Центральная Азия и Афганистан могут превратиться уже в краткосрочной перспективе во второе направление «наступления» террористов на РФ после северокавказского.

Под ударом террористов могут оказаться такие уязвимые в силу малой плотности населения и важности трубопроводной инфраструктуры регионы, как Западная и Восточная Сибирь, Урал. Кроме того, в «группе риска» крупные городские агломерации типа «большой» Москвы и Санкт-Петербурга.

Этому способствуют такие тенденции, как бесконтрольные потоки мигрантов и рост наркоторговли по маршруту экспорта Центральная Азия-Россия-Европа. Наркоторговля традиционно используется центральноазиатскими террористами как канал финансирования, для чего они тесно сотрудничают с организованными преступными группами.

Слабый контроль над миграционными потоками способствует тому, что экстремисты, вытесняемые с территории центральноазиатских государств, переселяются в Россию. Вполне вероятно, по мере формирования единого экономического пространства России с Казахстаном и, особенно, в связи с подключением к этому пространству Киргизии бесконтрольность миграционных потоков только усилится. Такие меры, как возможная сдача экзаменов по русскому языку, вряд ли создадут преграду для передвижений террористов через границу.

Некоторые эксперты также отмечают, что среди мигрантов из Центральной Азии идет рост исламистских настроений. В частности, это происходит под влиянием тяжелых условий труда и его низкой оплаты, из-за преследований со стороны коррумпированных правоохранительных органов, давления ксенофобских настроений. Так, председатель Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) Мухиддин Кабири заявил 24 сентября 2011 г. на IX съезде партии в Душанбе, что эта политическая организация перестала быть республиканской и завоевывает симпатии трудовых мигрантов в России, выходцев из Средней Азии [4 - С. 193].

Многие из групп таджикских и узбекских рабочих организованы по принципу джамаатов, во главе с лидером, являющимся одновременно бригадиром, родовым старейшиной и религиозным авторитетом.

Кроме того, на территорию России без регистрации (на краткие сроки) приезжают религиозные авторитеты из стран

Центральной Азии для проведения разных ритуальных служб и проповедей.

Оба канала могут легко послужить цели распространения экстремистских настроений.

Как известно, в конце февраля - начале марта 2013 г. в палате представителей конгресса США прошло слушание по поводу угрозы вооруженного исламизма в Евразии.

В определенной степени данное слушание прошло на фоне визита в государства Центральной Азии помощника госсекретаря США Роберта Блейка и поездки в Узбекистан конгрессмена-республиканца от штата Калифорния Дана Рорабахера и его встречи с президентом Узбекистана И. Каримовым.

Представителями США предельно откровенно рассматривался вопрос о реальности захвата власти в государствах Центральной Азии со стороны исламистских организаций. В связи с этим большинство выступающих пришли к выводу, что реальность захвата власти со стороны исламистских террористических организаций в Центральной Азии не существует, а существующие опасности могут быть подавлены местными силовыми структурами.

В то же время обращают внимание, что в основном анализ касался исламистских организаций, ведущих вооруженную борьбу на территории Афганистана и Пакистана, в частности, Исламского Движения Узбекистана (ИДУ), Исламского Движения Туркестана (ИДТ) и Союза Исламского Джихада (СИД), при этом абсолютно игнорировалась возможность связи этих организаций с находящимися в подполье государств Центральной Азии таких экстремистских и террористических организаций, как Салафия, Акромия, Джамаат Таблиги, Хизб ут-Тахрир аль-Ислами и других.

В целом сценарий развития ситуации в регионе рассматривал возможность взаимодействия с государствами

Центральной Азии после вывода основной части американских войск после 2014 г. Достаточно оптимистичны прогнозы о невозможности захвата власти в этих странах исламистами, заявлял в том числе заместитель координатора Госдепа по вопросам борьбы с терроризмом Джастин Сайберелл. На этой встрече основное внимание уделялось вопросам взаимодействия США и Узбекистана, в том числе, возможность перевооружения узбекской армии на американское вооружение.

В связи с вышеуказанным для Российской Федерации предельно важным является понимание интересов России в Центральной Азии в контексте национальной безопасности и возможности расширения «таможенного союза». Как известно, при оценке перспектив расширения таможенного союза вопросы наркоугрозы и терроризма отходят на второй план после так называемой экономической и политической целесообразности, что может впоследствии иметь крайне отрицательные моменты для национальной безопасности Российской Федерации.

В связи вышеизложенным, представляется крайне необходимы проанализировать реальное состояние дел в Центральной Азии, основное внимание уделив таким вопросам, как:

- возможность взаимодействия террористических группировок типа ИДУ, СИД и так далее, находящихся в основном на территории Афганистана и Пакистана, с исламистским подпольем на территории центральноазиатских государств;

- имеющиеся разногласия идеологического и богословского плана между различными организациями террористического и экстремистского характера;

- их наличие на территории Российской Федерации и, соответственно, взаимодействие между группировками,

находящимися в Пакистане, Центральной Азии и находящимися на территории Российской Федерации;

- взаимодействие организаций исламистского характера центральноазиатского происхождения со своими идеологическими и религиозными «собратьями» российского происхождения;

- нахождение всех вышеуказанных группировок под влиянием различных организаций саудовоарабского и катарского происхождения.

По мере оценки вышеуказанной ситуации и деталей анализа России необходимо определиться с политикой как в целом в Центральной Азии, так и в отдельных государствах, в том числе определиться с «базовой» страной в Центральной Азии, тесно сотрудничая с которой Россия могла бы предпринимать экономические, политические, военные и специальные мероприятия, направленные на защиту своих национальных интересов.

Необходимость подобного анализа диктуется также активизацией американского присутствия в Центральной Азии и, по сути, выработкой США своей позиции в этих государствах, которые впоследствии могут быть использованы для нарко- и террористической угрозы, направленной против национальной безопасности России.

Однако ныне изучая внутреннюю политику и социально-экономическое положение в странах Центральной Азии, можно предположить, что Афганистан, не является самым главным фактором нестабильности в Евразии - более опасной можно считать проблему передачи власти в странах региона. Назарбаеву 73 года, Каримов тоже немолод (президенту Узбекистана 75 лет). Когда мы перечисляем проблемы безопасности, то мало кто учитывает этот момент. А он, создает гораздо больше неопределенности в Центральной Азии, чем та же ситуация в Афганистане. С уходом Назарбаева из политики может создать прецеденты для

бесконечной клановой борьбы. В соседнем Узбекистане эта же проблема стоит еще острее.

Напомним, что Нурсултан Назарбаев и Ислам Каримов руководят своими республиками еще с советских времен, еще с конца 1990-х и в начале 2000-х гг., то есть, более 23 лет.

Центральная Азия стала важным регионом для исламистских боевиков. Во времена Советского Союза многие религиозные группы ушли в подполье. Эти группы и лица сосредоточились в Ферганской долине, которая является демографическим ядром Центральной Азии. Долина разделена между Узбекистаном, Таджикистаном и Кыргызстаном. Исламисты были особенно распространены в Узбекистане, в котором находятся несколько важных религиозных и культурных городов, таких как Самарканд и Бухара.

Исламистские элементы, которые действовали в подполье центрально-азиатского общества во времена Советского Союза, вышли на свободу, набирая набирать свою мощь. С распадом Советского Союза способность новых центрально-азиатских режимов контролировать и подавлять исламистские движения была ослаблена. В результате некоторые исламистские группировки начали призывать к созданию региональных халифатов, которые регулировались бы законами шариата.

Среди этих групп были Исламское движение Узбекистана и «Хизбут-Тахрир». Обе группы ориентировались на афганских моджахедов, которые воевали с Советским Союзом с 1979 по 1989 гг. Обе группировки объединяло то, что выступали за свержение президента Узбекистана Ислама Каримова. В то время, как Исламское движение Узбекистана использовало насилие для достижения своих целей, «Хизбут-Тахрир» преследовал другие методы. Другие группы, такие, как «Акромия», позже переняли тактику Исламского

движения Узбекистана для достижения своих целей, но придерживались идеологии «Хизбут-Тахрир».

С начала 1990 гг. И. Каримов подавлял эти группы, но Исламское движение Узбекистана смогло получить убежище в Таджикистане, который был ослаблен после гражданской войны, длившейся с 1992 по 1997 годы. Из-за вакуума власти и протяженной границы с Афганистаном, Таджикистан стал основной базой для Исламского движения Узбекистана. В конце 1990 и начале 2000 гг. Исламское движение Узбекистана, которое базировалось в Таджикистане, совершило серию террористических актов по всей Ферганской долине, на юге Кыргызстана и в Узбекистане.

В 2001 г. США начали проводить операцию в Афганистане в рамках операции «Несокрушимая свобода», начатой в ответ на террористический акт 11 сентября 2001. До вторжения в эту страну ультраконсервативный режим талибов, предоставлял как материальную, так и идеологическую поддержку исламистским группировкам Центральной Азии. Однако эффективность вторжения американцев в Афганистан ограничило деятельность джихадистов и их амбиции в Центральной Азии. С помощью американских военных, в том числе американского спецназа, Исламское движение Узбекистана было вытеснено из Центральной Азии. Движение нашло убежище на афгано-пакистанской границе, а «Хизбут-Тахрир» ушел в подполье.

После вторжения американцев в Афганистан центрально-азиатские режимы, особенно режим И. Каримова, смогли сломить оставшихся исламистских боевиков. В течение следующего десятилетия нападения исламистов стали редкими, поскольку воинствующие исламистские группы боролись за выживание в оккупированном Афганистане.

Нападения боевиков в центрально-азиатском регионе участились в июне 2010 года, когда на юге Кыргызстана в Ошской и Джалал-Абадской областях разразились

межэтнические столкновения. Вышеуказанные области Кыргызстана также расположены в Ферганской долине. В результате межэтнических столкновений кыргызские власти провели зачистки с целью восстановления безопасности в указанных областях и искоренения подозреваемых воинствующих исламистов. Со времени распада Советского Союза подобные межэтнические беспорядки происходили периодически.

Подобное развитие ситуации можно увидеть и в Таджикистане. После гражданской войны правительство и исламистские боевики согласились на примирение. В состав нового таджикского правительства вошли некоторые члены Партии исламского возрождения Таджикистана и сил безопасности этой страны, в то время, как Исламское движение Узбекистана и другие элементы джихадистов оставались вне закона. В августе 2011 г. из тюрьмы г. Душанбе был совершен побег около 24 заключенных, которые считались бывшими членами Исламского движения Узбекистана. Они бежали в Раштскую долину, которая расположена на востоке Таджикистана. Раштская долина, в которой находились боевики Исламского движения Таджикистана, была осаждена таджикскими силами безопасности. В свою очередь боевики ответили нападениями на таджикские военные колонны, а правительство Таджикистана обвинило в нападениях исламистских боевиков.

Скорее всего, эти боевики имели отношение к элементам таджикской оппозиции, которая появилась во времена гражданской войны, а не к джихадистским боевикам. Этот побег из тюрьмы стал причиной - или простым симптомом – возобновления политической борьбы за власть между таджикскими кланами

Кроме того, продолжающиеся военные операции в Горно-Бадахшанской области можно рассматривать в аналогичном

свете. Таджикские силы безопасности были развернуты в регионе после того, как боевики полевого командира и бывшего лидера оппозиции Толиба Айомбекова убили высокопоставленного офицера безопасности региона. Но Айомбеков не убивал офицера из какой-либо религиозной мотивации. Скорее всего, причиной убийства офицера и начала операций таджикских служб безопасности в регионе послужили связи Айомбекова с прибыльной региональной контрабандной сетью, а также его сопротивление режиму Эмомали Рахмона. Наподобие воинственности в Кыргызстане, большая часть воинственности в Таджикистане, по всей вероятности, является результатом политического и этнического соперничества, а не религиозного экстремизма.

Казахстан аналогично оспаривает теорию того, что воинственность исламистов в этом регионе постоянно растет. С учетом географического отделения от Ферганской долины и сравнительно менее религиозного общества, в Казахстане в 1990-2000 гг. деятельность исламистских боевиков не наблюдалась. Тем не менее, впервые за новейшую историю этой страны в 2011 г. Казахстан стал свидетелем нападений боевиков. Нападения, которые совершались с применением разной тактики по всей стране, включая город Алма-Ата, Атырау, Тараз, имели свою аномалию.

Правительство Казахстана обвинило исламских боевиков, которые по сообщениям местных СМИ действовали по всей стране. Тем не менее, время, выбранное для вышеупомянутых нападений, вызвало у многих людей вопросы, поскольку они совпали с активизацией политической борьбы за кресло президента страны Нурсултана Назарбаева. Из этого следует, что эти действия, которые произошли в Казахстане, не были вдохновлены исламским радикализмом, которого практически не наблюдалось за последние 20 лет независимости этой страны. Скорее всего, это была борьба за власть между различными лицами или группами, которые

хотели позиционировать себя на роль преемника Н.Назарбаева.

Примечательно, что джихадистская группа под названием «Солдаты халифата» взяла на себя ответственность за некоторые теракты, в том числе взрывы, которые произошли в октябре 2011 г. в городе Атырау. Вышеупомянутое заявление стало свидетельством наличия подлинной боевой угрозы исламистов в Республике Казахстан. Однако группа не была известна до 2011 г., и информации о членах и руководстве данной группы мало.

Власти Узбекистана и Туркменистана практически не говорят о нападениях и о деятельности боевиков. Это говорит о том, что внутренняя ситуация в этих странах относительно стабильна, и что их правительства находятся в достаточной безопасности для того, чтобы не использовать исламский радикализм для оправдания своих репрессий и действий сил безопасности.

Узбекистан был более стабильным государством по сравнению с соседями по Ферганской долине. Тем не менее, в ноябре 2011 года в Узбекистане произошел взрыв на железной дороге, которая проходит неподалеку от границы с Таджикистаном. Правительство Узбекистана назвало взрыв делом рук террористов. Поскольку взрыв произошел в отдаленном районе, который не представляет стратегического значения, многие полагают, что правительство Узбекистана инициировало атаку для того, чтобы остановить движение и поток товаров в Таджикистан, с которыми у Ташкента есть несколько нерешенных споров.

Тем временем, в Узбекистане идет борьба за власть, и это может привести к нестабильности в этой стране. Действительно, в последнее время появились сообщения об акциях протеста в провинции Андижан, в которой в 2005 г. силы безопасности этой страны убили сотни людей. Напомним, что Андижан также находится в Ферганской

долине. Опять же, в данном случае, правительство обвинило Исламское движение Узбекистана и исламистские боевые элементы. Однако, как и в Кыргызстане и Таджикистане, это наверняка стало результатом борьбы за власть внутри страны.

Руководство государств стран Центральной Азии зачастую возлагает всю ответственность за нестабильность в своих странах на деятельность исламистских боевиков. Таким образом, конфликты и нестабильность в центрально-азиатских странах принимают транснациональный характер, а не локализованный, в котором принимают участие политические силы.

Конечно, джихадистские группы и их элементы в Центральной Азии существуют, но большое количество данных свидетельствует о том, что серьезные джихадисты были ликвидированы, маргинализированы или вытеснены в Афганистан и Пакистан, где продолжается борьба с ними. Тем не менее, вывод американских войск из Афганистана может спровоцировать возрождение джихадистов в регионе. Вакуум в сфере безопасности, который возможно создастся после ухода американских и международных сил содействия безопасности, также может дестабилизировать ситуацию в Афганистане, поскольку различные внутренние силы начнут борьбу, чтобы заполнить появившуюся пустоту.

В связи с близостью стран Центральной Азии к Афганистану и существованием горных и плохо охраняемых границ между Афганистаном и Таджикистаном, есть большая вероятность того, что насилие и нестабильность перекинется на Центральную Азию. Самым беспокойным фактом для центрально-азиатских режимов являются исламистские боевики, которые действуют на афгано-пакистанской границе, потому что они выживали и набирались опыта в боях против западных сил. Тем не менее, нередко появлялись сообщения в печати, о том, что лидер Исламского движения Узбекистана Абу Усман Адиль был убит 4 августа во время

удара с американского беспилотного летательного аппарата. Также есть предположения о том, что его группа может продолжить свою борьбу за выживание даже на афгано-пакистанской территории.

Степень активности исламистских боевиков в Центральной Азии во многом будет зависеть от вывода американских войск и той мощи, которую наберет Исламское движение Узбекистана к тому времени. До тех пор любые изменения на боевом фронте в регионе необходимо будет рассматривать в контексте внутренней борьбы за власть и политической динамики в каждой стране, которые будут дополнены исламистским фактором. Только в этом случае деятельность боевиков в Центральной Азии можно будет действительно предопределить.

На состоявшихся президентских выборах в Таджикистане, в ноябре 2013, снова победил 61-летний Э. Рахмон. В 1999 году по итогам референдума срок президентских полномочий был увеличен с четырех до семи лет и таким образом Э. Рахмон будет находиться у власти еще семь лет. Кроме того в 2003 г. на очередном референдуме в Таджикистане одобрили поправки, разрешившие президенту занимать еще два семилетних срока подряд.

В дипломатических телеграммах США, обнародованных WikiLeaks, правление Э. Рахмона охарактеризовано двумя словами: «кумовство и коррупция» - Рахмон и его семья контролируют основные предприятия страны, включая крупнейший банк, и они заинтересованы только в том, чтобы защищать интересы своего бизнеса, как бы это ни сказалось на национальной экономике.

Граждане Таджикистана почти поголовно голосовали за Э.Рахмона из-за страха перед политическими изменениями, которые, как полагают с учетом своего исторического опыта жители страны, могут вести только к худшему.

Страна пережила кровопролитную гражданскую войну 1992—1997 гг. Эта трагедия до сих пор накладывает отпечаток на внутривнутриполитическую ситуацию. Люди не хотят повторения войны, поэтому голосуют за стабильность и преемственность власти.

При этом накануне выборов оппозиция предприняла попытку сформировать единый блок из социалистов, демократов, представителей других мелких оппозиционных партий. Но светские оппозиционеры и исламисты не смогли прийти к консенсусу.

Среди факторов нестабильности можно упоминать периодические вооруженные конфликты в Горно-Бадахшанской автономной области, проблему неравномерного развития регионов, а также «наследство от гражданской войны», разделившей общество на сторонников исламско-демократической оппозиции и правительства.

ЛИТЕРАТУРА

[1] *Белокреницкий В. Я.* Восток в мирополитических процессах. Москва 2010. Стр. 277.

[2] *Воскресинский А.Д.* Конфликты на востоке. Москва 2008. Стр. 316.

[3] *Карякин В.В.* Геополитика третьей волны: трансформация мира в эпоху Постмодерна. Москва 2013.

[4] *Наумкин В. В., Мумиджанов Х.* Пресса Таджикистана о постконфликтном развитии республики. Москва 2012. Деловой Иран . N – 7 2013. Ст. 11.

[5] --(۲۰۱۲ کابل ښار کې مولانا تاليف . چه پست اسلام)- Кабул 2013.

[6] WikiLeaks

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОДКБ В ОБЛАСТИ БОРЬБЫ С АФГАНСКОЙ НАРКОУГРОЗОЙ: ПОЗИЦИЯ РОССИИ

Н.И. Шапиро*

Резкий рост экспорта афганских опиатов в Россию в 2000-е гг., в результате которого Россия стала главным рынком сбыта афганского героина (по разным оценкам, от 70 до 80 тонн в год) [18; 9. С. 15], (1) совпал по времени с периодом пребывания в Афганистане военных контингентов США и НАТО и (2) вывел афганскую наркопроблему на уровень приоритетной задачи российской внешней политики в области безопасности [6. С. 217; 13. С. 544, 548; 7. С. 15, 22-23].

Как отмечается в Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года (утверждена указом Президента РФ № 690 от 9 июня 2010 г.), первое место среди «главных стратегических угроз» России занимает «контрабанда афганских опиатов и каннабиноидов из стран Центральной Азии» [10. С. 7]. Для достижения «генеральной цели» Стратегии – существенного снижения «незаконного распространения и немедицинского потребления наркотиков, масштабов последствий их незаконного оборота для безопасности и здоровья личности, общества и государства» – предусмотрена реализация комплекса мер, направленных на сокращение предложения наркотиков и спроса на них, а также «развитие и укрепление международного сотрудничества в сфере контроля над наркотиками» [10. С. 3]. При этом среди международных организаций, потенциал которых необходимо использовать для развития регионального сотрудничества в области

* Шапиро Наталья Игоревна – старший преподаватель факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова, Hubert H. Humphrey Fellow.

контроля над наркотиками, первое место отведено **Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)** [10. С. 19].

Центральная роль ОДКБ в качестве основного инструмента противодействия региональным вызовам и угрозам, включая борьбу с незаконным оборотом наркотиков, зафиксирована в целом ряде концептуальных документов, принятых в 2008-2013 гг. [6. С. 217-218; 11. С. 281; 7. С. 23-24].

С учетом прогнозируемой дестабилизации в Афганистане после вывода военного контингента Международных сил содействия безопасности (МССБ) и сокращения военного присутствия США в 2014 г., а также возможного увеличения объема афганского наркотрафика, актуализируются следующие вопросы. Во-первых, какие *новые факторы* могут способствовать росту экспорта опиатов из Афганистана. Во-вторых, каковы возможности ОДКБ в области противодействия афганской наркоугрозе.

Афганская наркопроблема во внешней политике России: новые факторы

Некоторые новые факторы дают основания прогнозировать дальнейший рост производства и экспорта афганских опиатов, что в первую очередь представляет прямую угрозу для сопредельных государств и России.

Один из наиболее существенных факторов – возобновление культивирования опийного мака на севере и северо-востоке Афганистана в 2011-2012 гг. [9. С. 20]. По данным Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН), за последние 5 лет наблюдается пятикратный рост нарколабораторий, специализирующихся на производстве наркотических веществ для поставок в Россию по «северному маршруту» (через страны Центральной Азии). Около двух тысяч таких лабораторий функционируют на севере Афганистана [14]. В первую очередь, речь идет о северных и северо-восточных провинциях Бадахшан, Тахар,

Кундуз, Балх, где сосредоточены основные мощности по производству героина. Только в провинции Бадахшан (рядом с границей Таджикистана) работают 763 лаборатории [1]. Причем для транзита опиатов в регионе действуют специализированные ОПГ: примерно 1,9 тыс., из которых около 1,2 тыс. сформированы по этническому признаку [14].

Беспокойство Москвы вызывает высокая концентрация боевиков на севере и северо-востоке Афганистана, особенно в провинциях Бадахшан и Кундуз, а также в провинции Бадгис [3]. Как отмечает З.Н. Кабулов, спецпредставитель Президента РФ по Афганистану, количество боевиков за последние 3-4 года увеличилось с 1000 до 7-8 тысяч человек, в том числе за счет боевиков, переселившихся из Пакистана [4. С. 16-17]. Особую активность проявляет Исламское движение Узбекистана (ИДУ), которое в перспективе может стать катализатором кризисных явлений в регионе. С ИДУ сотрудничают все местные командиры талибов, помогая им в создании и укреплении опорных баз в качестве плацдарма для дальнейшей деятельности в ЦА [4. С. 17; 3].

Второй фактор – расширение территорий, которые контролируются талибами, племенными авторитетами, не имеющими «четко выраженной политической окраски», бандитами и наркодилерами [4. С. 14]. Ввиду низкого уровня боеспособности афганских сил безопасности продолжается дальнейшее неконтролируемое распространение афганской наркоугрозы. Это, в частности, подтвердили результаты исследования Управления по наркотикам и преступности ООН (УНП ООН), обнародованного в ноябре 2013 г. Как отмечают эксперты УНП ООН, тесная взаимосвязь между высоким уровнем криминальной активности и высоким уровнем наркопроизводства характерна для наиболее нестабильных районов Афганистана, в первую очередь для южных и западных провинций. [17. С. 25].

Третий фактор – беспрецедентный по масштабам и темпам рост площадей маковых посевов в текущем году. По сравнению с 2007 г., когда был зафиксирован исторический пик (193.000 га), площади маковых посевов в 2013 г. достигли рекордных 209.000 га. По сравнению с 2012 г. производство опиума увеличилось вдвое и составило 5.500 тонн. При этом количество провинций, свободных от наркопроизводства, где площадь маковых посевов не превышает 100 га, сократилось с 17 до 15. Это произошло в результате незначительного повышения уровня культивации в северных провинциях Балх и Фаряб [17. С. 3-10].

По оценкам УНП ООН, в настоящее время 89% наркопроизводства сконцентрировано в 9 провинциях на юге и западе Афганистана, где сохраняется высокий уровень нестабильности. С 2004 г. главным центром культивации опийного мака является провинция Гильменд (100.693 га в 2013 г. или 48% от общей площади маковых плантаций), на втором месте – провинция Кандагар, где площадь маковых посевов в 2013 г. увеличилась на 16% и составила 28.335 га. Это резко контрастирует с *чрезвычайно низким уровнем уничтожения* наркопосевов как на юге Афганистана, так и в стране в целом. Например, в провинции Гильменд в 2013 г. было уничтожено лишь 2% маковых посевов (2.162 га), в то время как общее количество уничтоженных в Афганистане наркопосевов сократилось на 24% (до 7.348 га в 2013 г.) [17. С. 6-7, 18].

В восточных районах Афганистана также наблюдается рост культивации опийного мака, которая сконцентрирована в провинции Нангархар. С 2008 г., когда провинция была признана свободной от наркопроизводства (poppy-free), площадь маковых посевов увеличилась в 5 раз и в настоящее время составляет 15.719 га. [17. С. 12-13].

По данным опроса афганских фермеров, *высокая закупочная стоимость* опийного мака, как и прежде, является

главным стимулом для его культивации. Рост закупочных цен на фоне снижения производства опиума в 2012 г. привел к резкому увеличению плантаций мака в текущем году [17. С. 20]. Ситуация усугубляется существенным сокращением донорских программ, направленных на социально-экономическое восстановление Афганистана, включая внедрение наркозамещающих сельскохозяйственных культур. В этих условиях фермеры рассматривают выращивание опийного мака в качестве единственного надежного источника дохода. В то же время основной причиной *отказа* от наркопроизводства являются религиозные убеждения (18% респондентов), запрет правительства на выращивание опийного мака (15%) и опасения относительно неурожая, вызванного в прошлом году болезнью, поразившей маковые посевы (12%) [17. С. 20-23].

Помимо вышеуказанных факторов критически важное значение для наркоситуации в Центральной Азии и России имеет значительное снижение уровня перехвата наркотиков в ЦА (опиума – на 36%, героина – на 25%). Это свидетельствует об ослаблении способности стран ЦА бороться с афганской наркоугрозой и о росте коррупции, связанной с наркоторговлей [9. С. 21].

Возможности ОДКБ в области противодействия афганской наркоугрозе

Масштабы афганской наркоугрозы и ее неконтролируемое распространение вывели на первый план необходимость укрепления системы безопасности в Центральной Азии и повышения эффективности антинаркотической деятельности ОДКБ. В сложившейся ситуации роль ОДКБ как главного инструмента обеспечения безопасности в зоне ее ответственности существенно возрастает. Каковы же возможности и пределы ОДКБ в сфере борьбы с афганской наркоугрозой?

По мнению председателя КСОПН государств–членов ОДКБ, директора ФСКН В.П. Иванова, в настоящее время одной из приоритетных задач Организации является создание *евразийской системы антинаркотической безопасности*, одним из ключевых элементов которой является центральноазиатская подсистема [2]. Так как евразийское пространство безопасности является «фрагментарным и размытым», а «отдельные его элементы не только не гармонируют, но и конкурируют друг с другом» [12], проект *евразийской системы антинаркотической безопасности* – по крайней мере, в настоящее время – представляется малореалистичным. Однако это не означает, что ОДКБ не обладает потенциалом в области создания *центральноазиатской* (под)системы антинаркотической безопасности.

Возможности ОДКБ на этом направлении обусловлены несколькими факторами.

Во-первых, в рамках ОДКБ с 2003 г. накоплен большой практический опыт противодействия афганской наркоугрозе. Регулярно проводятся операции на основных маршрутах транспортировки афганских наркотиков и их прекурсоров (оперативно-профилактические операции «Канал», «Канал-Кавказ», оперативно-тактические учения «Гром-2012, «Гром-2013»). В 2004 г. был утвержден План мероприятий по координации деятельности государств-членов ОДКБ в области постконфликтного обустройства Афганистана, один из разделов которого был посвящен афганской наркопроблеме. В 2005 г. был создан Координационный совет руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков (КСОПН) [8. С. 53-54.]. Важное направление деятельности КСОПН – организация и координация работы антинаркотических ведомств стран-членов ОДКБ для противодействия незаконному обороту афганских наркотиков.

С 2007 г. началось формирование финансовых поясов безопасности вокруг Афганистана. Первым шагом в этом направлении было использование данных финансовых разведслужб в рамках операции «Канал», которая в 2008 г. была признана УНП ООН самой эффективной в противодействии афганскому наркотрафику [8. С. 53-54.]. Как заявил Генеральный секретарь ОДКБ Н.Н. Бордюжа в июне 2013 г., в результате проведения операции «Канал» было перехвачено свыше 400 тонн афганских наркотиков. В ходе учения «Гром-2013», которое прошло в сентябре текущего года в Киргизии, впервые в антинаркотическом мероприятии подобного масштаба была использована авиационная техника Минобороны РФ, находящаяся на авиационной базе «Кант», – 2 штурмовика Су-25. С учетом мирового опыта борьбы с наркотрафиком, руководство ОДКБ планирует активнее использовать авиацию в антинаркотических мероприятиях [15].

Во-вторых, 28 ноября 2013 г. на заседании КСОПН в Минске было утверждено положение о создании Центра антинаркотических операций (ЦАО) ОДКБ. Это позволит перейти от реализации отдельных антинаркотических проектов к осуществлению долгосрочных программ на основе комплексной антинаркотической стратегии. Основное направление деятельности ЦАО – разработка, планирование и проведение совместных антинаркотических операций с использованием всех ресурсов стран-членов ОДКБ, включая Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР) [16].

В-третьих, в настоящее время центральноазиатский сегмент является наиболее проработанным в антинаркотической деятельности ОДКБ. Рост наркопроизводства и криминальной активности на севере Афганистана, а также угроза распространения нестабильности на территорию стран ЦА требуют еще большей концентрации ресурсов и усилий стран-членов

ОДКБ на центральноазиатском направлении. Это, в свою очередь, приведет к закреплению тенденции на опережающее развитие центральноазиатской подсистемы антинаркотической безопасности (по сравнению с кавказской и европейской).

Наряду с возможностями, существуют ограничения для наращивания антинаркотической деятельности ОДКБ в Центральной Азии, в первую очередь неравенство потенциалов стран-членов внутри организации. Так как ни одно из государств-членов Организации не сопоставимо с Россией по уровню военных расходов, ВВП и прочим показателям, развитие ОДКБ осуществляется преимущественно за счет усилий России. Например, Киргизия и Таджикистан по-прежнему зависят от России как от основного внешнего спонсора [5]. Однако, будучи локомотивом ОДКБ, Россия на данном этапе не обладает достаточным потенциалом, чтобы вывести ОДКБ на качественно новый уровень развития и превратить ее из (суб)региональной структуры в структуру, действующую на евразийском пространстве [8. С.79].

Во-вторых, по сравнению с другой многосторонней структурой безопасности, которая ведет активную деятельность в регионе (НАТО), ОДКБ отличается ресурсной ограниченностью, т.к. не имеет сопоставимого с НАТО военного бюджета и военно-технических возможностей. *В-третьих*, центральноазиатские государства по-разному оценивают угрозы, исходящие из Афганистана, несмотря на то, что осознают их опасность. Киргизия и Таджикистан рассчитывают на помощь России и других стран-членов ОДКБ. Узбекистан, членство которого в ОДКБ приостановлено в декабре 2012 г., полагается на собственные силы, хотя не исключает возможность договориться с Россией в случае кризиса. Туркмения, являющаяся нейтральным государством, надеется договориться с любой властью в

Афганистане [3]. *В-четвертых*, в обозримой перспективе ликвидировать источник афганской наркоугрозы, т.е. наркопосевы в самом Афганистане, не удастся. Поэтому максимальный результат антинаркотической деятельности ОДКБ – это ограничение наркотрафика, поступающего в Россию по «северному маршруту».

В целом, интересам России отвечает мирный, стабильный, экономически самодостаточный Афганистан. Однако процесс быстрого перекалывания ответственности на афганские силы безопасности, а также «политика устранения» западных стран от решения проблем Афганистана, включая сокращение донорской (западной) помощи, приводят к усугублению социально-экономической и военно-политической обстановки в стране. Это, в свою очередь, негативно влияет на безопасность в Центральной Азии. Поэтому усилия российской антинаркотической дипломатии в первую очередь направлены на наращивание антинаркотического потенциала ОДКБ за счет силовых мер (перехвата, уничтожения посевов и лабораторий), укрепление региональной безопасности и обеспечение устойчивого социально-экономического восстановления Афганистана, включая проекты внедрения наркозамещающих культур.

Особую тревогу вызывают (1) наращивание производства опиатов на российском направлении, (2) беспрецедентные темпы роста площадей наркопосевов на фоне существенного сокращения перехвата опиатов в ЦА, (3) опасность полной потери контроля над югом и западом Афганистана – главными центрами наркопроизводства – со стороны слабого центрального правительства.

Ввиду масштабов афганской наркоугрозы, необходимо укреплять сотрудничество региональных и международных структур, чтобы объединить их усилия с целью уменьшения, а в отдаленной перспективе и ликвидации наркопроизводства в Афганистане. Необходимо ужесточить антинаркотические

меры (силовые, международно-правовые, финансово-экономические), а также снизить стоимость антинаркотических программ путем повышения их технологической составляющей.

Так как национальное примирение является залогом мирного урегулирования в Афганистане, стратегическая задача российской дипломатии – содействовать вовлечению всех этнических группировок и оппозиционных сил в переговорный процесс относительно будущего Афганистана.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Выступление председателя КСОПН государств–членов ОДКБ, директора ФСКН России В.П. Иванова на тринадцатом заседании Координационного совета руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности. 2 июля 2013 г., г. Москва // Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков Режим доступа: http://fskn.gov.ru/includes/periodics/speeches_fskn/2013/0702/133925073/detail.shtml
- [2] Выступление председателя КСОПН государств–членов ОДКБ, директора ФСКН России В.П. Иванова на закрытии международной антинаркотической операции «Канал-Кавказ» государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности. 4 октября 2013 г., Ереван. Режим доступа: http://fskn.gov.ru/includes/periodics/speeches_fskn/2013/1004/151526556/detail.shtml
- [3] Кабулов: в Афганистане воевать не собираемся // РИА-Новости. – 20.11.2013. Режим доступа: <http://ria.ru/interview/20131120/978260672.html>
- [4] Кабулов З. США уйдут из Афганистана, чтобы усилить присутствие в АТР // Индекс Безопасности. – Осень-зима 2012. – № 3-4 (102-103), Том 18. С. 11-18.

- [5] *Казанцев А.* «Афганская угроза» - вызов для ОДКБ // МГИМО-Университет. – 24.10.2013. Режим доступа: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document242700.phtml>
- [6] Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом российской Федерации Д. А. Медведевым 12 июля 2008 г. // Внешняя политика России: 2000-2020: научное издание в 3-х томах / Росс. совет по межд. делам [под общ. ред. И.С. Иванова]. – М.: Аспект Пресс, 2012. Т. 3. – 552 с.
- [7] Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d447a0ce9f5a96bdc3.pdf>
- [8] *Никитина Ю.А.* ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. – М.: Навона, 2009. – 200 с.
- [9] *Степанова Е.* Афганистан после 2014: перспективы для России / *Russie. NEI Visions.* – № 71. – Париж: Ifri, май 2013. – 26 с.
- [10] Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года. Режим доступа: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1285491>
- [11] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Внешняя политика России: 2000-2020: научное издание в 3-х томах / Росс. совет по межд. делам [под общ. ред. И.С. Иванова]. – М.: Аспект Пресс, 2012. Т. 3. – 552 с.
- [12] Тезисы выступления генерального секретаря ОДКБ Н.Н. Бордюжи на V международной научно-практической конференции «Место и роль Организации Договора о коллективной безопасности в формирующейся архитектуре международной безопасности, перспективы развития ОДКБ». – Москва. – 20 января 2005 г. Режим доступа: <http://www.dkb.gov.ru/d/azze.htm>
- [13] Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» // Внешняя политика России: 2000-2020: научное издание в 3-х томах / Росс. совет по межд. делам [под общ. ред. И.С. Иванова]. – М.: Аспект Пресс, 2012. Т. 3. – 552 с.
- [14] ФСКН: в наркотрафик из Афганистана в Россию вовлечены около 100 тыс. человек // *Aghanistan.ru.* – 13.09.2013. Режим доступа: <http://www.afghanistan.ru/doc/64170.html>

[15] 20 сентября 2013 года в Кыргызской Республике прошло международное комплексное специальное учение подразделений антинаркотических ведомств и служб, внутренних войск и органов внутренних дел (полиции), выделенных в состав формирований сил специального назначения Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ. // Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков. Режим доступа: <http://fskn.gov.ru/includes/periodics/international/2013/0920/164126112/detail.shtml>

[16] 28 ноября на заседании КСОПН в Минске утверждено положение о Центре антинаркотических операций ОДКБ // Организация Договора о коллективной безопасности. 29.11.2013. Режим доступа: http://www.odkb-csto.org/news/detail.php?ELEMENT_ID=3098

[17] Afghanistan Opium Survey 2013: Summary Findings // UNODC. November 2013. Режим доступа: http://www.unodc.org/documents/crop-monitoring/Afghanistan/Afghan_report_Summary_Findings_2013.pdf

[18] International Narcotics Control Strategy Report (INCSR). March 1, 2013. Volume I: Drug and Chemical Control. U.S. Department of State: Bureau of International Narcotics and Law Enforcement Affairs. Режим доступа: <http://www.state.gov/j/inl/rls/nrcrpt/2013/vol1/204048.htm#Afghanista>
n

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ И НАРКОТРАФИК КАК УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

А.А. Мамонов*

В настоящее время, в международных отношениях происходят значительные изменения и трансформации. Мировое сообщество, как и десятки лет назад встречается практически с ничем не сдерживаемым, гипертрофированным применением военной силы в рамках решения сложных региональных проблем, где политико-дипломатические средства подчас вовсе отодвигаются на задний план. Так было в Югославии, Ираке, Ливии. К большому сожалению, это не только не уменьшает уровень напряженности, а более того придает дополнительную конфликтогенную динамику другим негативным субрегиональным процессам возникающим в столь взаимозависимом на сегодняшний день мировом сообществе. В реалиях сегодняшнего дня, когда многие проблемы зачастую носят выраженную транснациональную окраску, существенно затрудняется поиск соразмерного, взвешенного государственного ответа. Исходя из этого, первостепенное значение для страны представляет обеспечение высокоэффективных мероприятий по выявлению и купированию угроз влияющих на национальную безопасность.

Говоря о конкретных примерах угроз необходимо выделить в первую очередь -международный терроризм, который по сегодняшним оценкам экспертов: «превратился в многоаспектный, в высокой степени опасный и долговременный фактор развития современного общества».

* **Мамонов Александр Александрович** – студент кафедры Теории и истории международных отношений РУДН. Научный руководитель – д.ф.н., профессор кафедры ТИМО, А.В. Шабага

[24.С.4]. Меняющийся мировой порядок диктует необходимость учета новых изменений, связанных с глобальным характером терроризма. Прежде всего, неординарность, а отсюда и сложность данного явления проявляется в его наднациональном уровне, где действуя за рамками общественно-признанных международно-правовых стандартов наряду, с другими факторами в условиях глобализации он превращается все более в грозную и опасную силу. Другим примером открыто выраженной перманентной угрозы являются растущая наркотическая экспансия. Самое главное, что угрозы, исходящие от данного явления для государства реципиента сводятся не только к тому, что гибнет огромное количество его граждан от наркотиков, но и к тому, что разрушается генофонд всей нации. К современным тенденциям необходимо отнести и перемещающиеся потоки наркотиков, учитывая при этом, что «...неотъемлемым следствием, а по сути, атрибутом, магистрального перемещения героина и кокаина является стремительное разрастание экстремистской и террористической активности в государствах наркотранзита». [2]. В глобальном мировом измерении вышеуказанные угрозы, безусловно, переплетаются между собой, образуя мощный вектор нестабильности. Именно на это прямо указывает обеспокоенность международного сообщества выраженная в резолюции СБ ООН 1373 (2001) подтверждающей тесные связи международного терроризма с транснациональной организованной преступностью, незаконными наркотиками, отмыванием денег, незаконным оборотом оружия и других смертоносных материалов. [18].

С учетом этих качественно-новых изменений государственные задачи и геополитические интересы также регулируются, но обеспечение национальной безопасности не только не меняет прежних приоритетов, но и выходит еще на более ответственный уровень. В Российской Федерации этому

уделяется особое внимание, как по внешнеполитическим линиям (МИД РФ), так и по другим ведомствам, чьи полномочия входят в сферу обеспечения государственной безопасности и которые в свою очередь находятся в тесном взаимодействии с территориальными подразделениями внутри самой страны. Согласно официальному правовому регулированию в этой плоскости, а именно доктрине РФ – «национальная безопасность» есть состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства; [20]. Осуществление вышеуказанных жизненно-важных установок на практике должно, безусловно, опираться на реальный спектр существующих на сегодняшний день угроз, тем более что их в современном мире не стало меньше.

В связи с учетом сложившейся мировой обстановки принципиально важной задачей является рассмотрение угроз национальной безопасности России на стратегически важном для Москвы южном направлении. Необходимо проследить за теми тенденциями, которые имеют место в проблемных точках региональных государств находящихся на южной стороне. А также с учетом уже произошедших событий, оценить непосредственное сегодняшнее оказываемое влияние на безопасность, стабильность и благосостояние Российской Федерации как Великой евразийской державы и как одной из наиболее влиятельных стран на мировой арене.

Как уже было отмечено ранее число конфликтов и проблем не только не снижается, но и более того возрастает. Южное направление, находящееся в зоне небольшой удаленности от границ Российской Федерации, также не является устойчивым в плане безопасности. Огромную роль играет отсутствие полной урегулированности конфликтных ситуаций, а также

перманентной политической нестабильности в Центральной Азии и на Ближнем Востоке. В последнее время эта картина стала еще более опасной в плане перспективы развития событий в регионе. В связи, прежде всего, с двумя международными событиями: выводом значительных военных сил НАТО из кризисного Афганистана в 2014 году и существующим затяжным кризисом в САР. Возникает логичный вопрос, каковы конкретные связи между этими двумя регионами и каково их влияние на безопасность России? Ответ на этот вопрос не так уж сложен, если знать сегодняшнее положение в этих точках на глобальной карте мира. Также необходимо учитывать то, что в международных делах текущие проблемы, как правило, имеют под собой застарелые конфликты и противоречия.

Именно по прошествии лет можно увидеть реальные, уже давно существующие, вызовы безопасности РФ, на которые многие возможно закрывали глаза. Не нужно считать, что события минувших дней канули в Лету и больше не представляют интереса, наоборот они представляют особую важность для определения обоснованности в непосредственно сегодняшних опасениях и вызовах. Безусловно, учет сегодняшней расстановки сил в международном плане и влияние трансграничных проблем также важно при данном рассмотрении.

В 2013 году на специальном заседании Совета Безопасности ООН российской стороной была озвучена серьезная обеспокоенность фактом вплетения терроризма в ткань современных региональных и иных вооруженных конфликтов. Эта транснациональная угроза сейчас особенно набирает силу в особенности в САР, где происходят военные действия. Ведь, как известно, воюющие против суверенного государства боевики, как правило, не останавливаются даже при успешных для них результатах, в пространстве одной страны. Это хорошо понятно многим экспертам и

государственным деятелям, особенно тем, кто занимается непосредственно обеспечением безопасности. Сегодняшнее политическое нагнетание обстановки в этой стране, ровно как и во всем Ближневосточном регионе, наряду с возможным наращиванием интервенционных военных планов является взрывоопасным развитием событий. Очевидным фактом является то, что в случае внешнего вмешательства стран в затянувшийся конфликт, перегруппировка сил участвующих в боевых действиях может оказаться слишком опасной. В частности принципиально важным являются опасения, выраженные в докладе Комитета по Национальной Безопасности и Подкомитета по борьбе с терроризмом и разведкой США, где дана следующая характеристика воюющей против правительства Башара Асада группировке: Фронт «Джабхат ан-Нусра» уже создал штаб-квартиру и региональные сети с военными и религиозными лидерами для организации операций, закупки оружия и других материалов. Кроме того, они уже накопили внушительный арсенал оружия, что делает их одним из самых вооруженных филиалов Аль Кайды в мире. [34. Р. 4].

Эти события и данные не могут не вызывать опасений для официальной Москвы. Тем более, что кризисное положение в Сирии для безопасности РФ действительно представляет угрозу. По словам первого замдиректора ФСБ Сергея Смирнова на заседании антитеррористической структуры ШОС «порядка 300-400 человек с территории нашей в Сирию выехали, вернутся естественно. И это представляет большую опасность».[5]. Существует мнение о том, что такие цифры слишком малы для того чтобы представлять серьезную угрозу безопасности страны, но на деле - это большое заблуждение. Во-первых, эти люди, если они действительно принимают свое непосредственное участие в вооруженном конфликте - приобретают определенный опыт, навыки, которыми в обыденной жизни им бы пришлось овладевать с трудностями.

Можно, например, отнести сюда: владение несколькими видами стрелкового оружия, обучение минно-подрывному делу. Во-вторых, если мы вспомним количественный состав тех преступных бандформирований, которые захватывали школу в Беслане и столичный театр на Дубровке мы увидим, что их численность не превышала и полусотни. Последствия же для нашей страны были огромными. В-третьих, борьба с терроризмом внутри собственной страны явно не может быть эквивалентна войне понимаемой всеми нами зачастую в обыденном смысле. Асимметричность данных действий очевидный факт: «Террористические группы стремятся подорвать морально-психологический потенциал противника без контакта с его военной машиной. При этом для своих ударов они выбирают самые уязвимые цели в той или иной стране, попросту «обходя» все военные преграды и защитные механизмы, в создание которых так много вкладывали современные общества ради обеспечения своей безопасности». [1. С. 86-89]. Учитывая данные обстоятельства, можно прийти к выводу, что государству приходится вкладывать огромные усилия и средства для достижения плодотворных результатов в области обеспечения безопасности на данном направлении.

Особую настороженность и угрозу для безопасности государства представляет факт того, что в последнее время: «Выступая под флагом сепаратизма, террористы напрямую угрожают территориальной целостности государств, подрывают тем самым основы международного мира и безопасности». [17]. В полной мере данные слова могут быть отнесены к событиям в Российской Федерации, где после распада СССР начались сдвиги почти тектонического характера и масштаба, которые затем вылились в деструктивные процессы на границах новообразованного государства и в военные действия на территории Северного Кавказа. Следует уделить этому моменту особое внимание.

Касаясь краткой информационной характеристики, стоит сказать, что в 90-ые годы сложившаяся на территории РФ ситуация представляла отчетливую угрозу для безопасности и процветания граждан страны. Совершались насильственные действия, всевозможного рода притеснения и криминал. Более того: «Под руководством эмиссаров «Аль-Каиды» действовали лагеря подготовки террористов. Самозванный Конгресс народов Ичкерии и Дагестана провозгласил своей целью создание радикального по своей сути, так называемого халифата – от Чёрного до Каспийского моря». [16]. На фоне этого лейтмотива совершались ужасные террористические преступления, как в региональном уровне, так и за его пределами в других субъектах федерации. Мало кто сомневался тогда, что на карту поставлена не просто судьба региона российского государства, но и территориальная целостность самой страны.

Особую важность для сегодняшнего понимания угроз с юга представляет то, что помимо сложной внутренней обстановки в самой стране, серьезнейшую тревогу представлял и тот уровень координации среди международных террористических формирований, сконцентрированных уже тогда на южном направлении. Что же это были за формирования? Какие вызовы и непосредственные угрозы для страны они могли нести за собой? Примерно в 1994 г., в Афганистане возникает и укрепляется движение Талибан. События по своему значению подчас оказалось не тривиальным и практически с самого начала стало оказывать долгосрочное воздействие не только на Центральную Азию, но и на сопредельные территории: «Этот факт оказал большое влияние на образование в апреле 1998 г. Международного фронта джихада (МФД), объединившего радикальные клерикальные организации и группировки из ряда стран традиционного распространения ислама (Пакистана, Ирана, КСА, Египта, ОАЭ, Филиппин и Индонезии), а также

расширению деятельности тесно связанной с ним Аль-Кайды». [25]. Из этого всего прекрасно видно, что движение явно не собиралось мирно существовать в роли лишь внутригосударственного актора. Оно носило ярко-выраженный трансграничный характер и представляло серьезную угрозу, проявляющуюся, прежде всего в их тесных связях и координациях совместных действий с международными террористическими организациями. При таком раскладе трудно было представить их бездействие по отношению к событиям в РФ, где российские войска уже вели борьбу с радикальным террористическим бандподпольем на своей собственной территории. Важным моментом в этой связи является заявление, сделанное одним из самых авторитетных американских экспертов в Белом Доме и бывшим директором по терроризму в СНБ о том, что: «Начиная со времен вывода советских солдат из Афганистана, бен Ладен начал рассматривал Чечню как один из фронтов в глобальной войне». [29]. Это оказались не просто декларативные заявления или какие-то мнимые желание лидера террористического движения. России пришлось столкнуться с этим в реальности. Тем более плацдарм и фундамент для этого уже был заложен ранее. А возможность периодически отправлять новые силы, тем самым пополняя и укрепляя террористическое подполье в РФ, существовала с территории Афганистана. Это подтверждают опубликованные данные Комитета СБ ООН по Аль-Кайде и движению Талибан, в которых говорится о том, что: «К августу 1995 года значительное число участников боевых действий против российских войск составляли «афганские арабы». [19]. Это не удивительно, если учесть данные из доклада комиссии созданной конгрессом США, в котором прямо указано, что по тогдашним оценкам разведки, общее число бойцов, прошедших обучение в лагерях Бен Ладена в

Афганистане с 1996 до 11 сентября составляло от 10000- до 20000. [36].

В контексте угроз национальной безопасности России на тот период, помимо прочего необходимо выделить еще один важный аспект, который будет определяющим и в дальнейшем рассмотрении. Это тесная связь международного терроризма с потоками наркотиков, которая имела место быть. В первую очередь данная линия была хорошо налажена в рассматриваемом Центральноазиатском регионе, где по оценкам экспертов: «После прихода к власти талибов в Афганистане наблюдается небывалый бум наркобизнеса: расширяются посевные площади опиумного мака, наращивается производство опиума и героина. Официальные цифры просто поражают: «Еще в 1996 г. талибы увеличили площади посевов наркосодержащих культур на 33% и стали контролировать более 96% территорий, где произрастает опиумный мак». [23. С. 143]. Набирающий обороты преступный бизнес в условиях нестабильности и войны с терроризмом в России играл, безусловно, важную роль. В тот период по некоторым данным: «К незаконным операциям с наркотиками подключились практически все действовавшие в Центральноазиатском регионе организованные преступные группировки. Наиболее структурно оформившиеся ОПГ осуществляли полный цикл наркобизнеса: от контрабанды из Афганистана до транзита в конечные пункты, главным образом, на территории РФ». [10].

Данное переплетение транснациональных факторов оказывало сильнейшее воздействие на снижение безопасности российского государства. Прежде всего, существование разветвленной интернациональной сети различных коммерческих предприятий непосредственно поддерживающих международный терроризм на территории РФ имело под собой влияние двух факторов.

Во-первых, централизованную систему по финансовой подпитке террористического бандподполья путем финансовых поступлений со всего мира. Примечательно, что пунктами отправления этих денежных потоков были зачастую европейские страны. Более того, некоторые из них продолжают существовать. Так, по словам заместителя руководителя аппарата—начальника Управления «И» Национального антитеррористического комитета В.И. Орлова: «За рубежом насчитывается более 60 организаций, поддерживающих северо-кавказских сепаратистов и террористов. Из них только в США—20, в Турции—14, в Иордании—4, в Бельгии—2, Дании—3, Польше—2, Финляндии—4, Франции—1, ФРГ—3, в Азербайджане и Украине по 2, в Грузии—1, в Великобритании—члены т. н. правительства Ичкерии». [13. С. 289].

Прямым следствием такой обширной поддержки является то, что она позволяет пролонгировать военные действия боевиков - путем закупки оружия, боеприпасов и выплаты им «жалования» или как часто делалось соответствующей «награды» за определенные «успехи» в своих убийствах. Во-вторых, через выстроенную многоуровневую сеть организаций можно было без труда произвести «очистку» денег добытых преступным путем. В тот период 90-ых годов, по словам влиятельного американского специалиста, свыше 10 лет возглавлявшего Оперативную группу по терроризму и специальным методам ведения войны при правительстве США Йозефа Бодански, использовалась разветвленная система коммерческих предприятий, которые оперировали большими суммами денег. По его словам делается это не сложным образом: «Отмытые ими афганские наркодоллары вместе с оружием возвращаются назад и поступают исламским боевикам по всему миру, в том числе и в Чечню». [23. С. 147].

В конечном счете, вышеуказанная, широкая взаимосвязь среди террористов и общий враг для них в лице Москвы заставили их объединиться уже на официальном уровне: «В ходе визита чеченской делегации во главе с З.Яндарбиевым в Кабул в январе 2000 г. талибами было объявлено о признании «независимой Ичкерии». В феврале того же года руководство Исламского Эмирата Афганистан через радио «Голос Шариата» передало обращение к мусульманам мира выступить в поддержку Чечни и объявить России джихад». [12. С. 266]. В совокупности вышеуказанные свидетельства еще раз подтвердили опасения Москвы о непосредственной угрозе национальной безопасности всему государству и правильность действий по активному купированию данной проблемы. Нет сомнений, что лишь решительными действиями, возведенными в приоритетный ранг государственной политики, удалось впоследствии, нивелировать уровень данных транснациональных угроз, обеспечить безопасность граждан РФ и нанести серьезный ущерб террористическому интернационалу. Терроризм в самом проблемной и нестабильной точке в этом плане, при активной и громадной сделанной работе сотрудниками правоохранительных и силовых структур действительно серьезно сократился. По сегодняшней информации представленной секретарем Совета безопасности РФ Николаем Патрушевым: «Впервые в этом году наметилась реальная тенденция снижения террористической активности на Северном Кавказе, количество преступлений террористического характера снизилось на 43%».[6]. Минимизация такого рода угроз крайне важна для стабильности всего государства, для возможности повышения уровня благосостояния граждан как на территории СКФО, так и на территории всей державы, что в принципе является одним из критериев успешного обеспечения национальной безопасности. Но возможен ли дальнейший спад

террористической активности в обозримой перспективе? Собственно именно для ответа на этот вопрос и важны направления Афганистан – Сирия, где сейчас разворачиваются ключевые события.

Хотелось бы конечно сегодня вообще просто взять и забыть о таких словах как талибы, международный терроризм, наркотики. Но значит ли, что если мы забудем о сегодняшних угрозах, просто закроем глаза на них, то завтра мы рискуем проснуться уже не в суверенном, великом государстве Россия? Безусловно, значит. Поэтому необходимо оценивать объективно те события, которые происходят вокруг нас сегодня и относиться с уважением к деятельности тех людей, которые занимаются непосредственно обеспечением купирования исходящих каждый день угроз.

Не так давно, Президент РФ В.В.Путин выступая на заседании Совета Безопасности, выразил серьезную обеспокоенность сложившейся ситуацией в Афганистане: «Есть все основания полагать, что в ближайшей перспективе мы можем столкнуться с осложнением ситуации. Международные террористические и радикальные группировки не скрывают своих планов по экспорту нестабильности и будут пытаться перенести подрывную деятельность на территорию сопредельных государств». [15]. Чем вызваны данные опасения у высшего руководства страны? Есть ли уже подтверждающие данные опасения факты? К сожалению, необходимо признать, что действительно они существуют. В международном сообществе все активнее и активнее обсуждается тезис о возрождении талибов. Это не кажется надуманным, если учесть что присутствие одной из сильнейших стран мира США в Афганистане не принесло значительной стабильности. Однако действительно если брать во внимание первые несколько лет войны в Афганистане, то активные военные операция МССБ под руководством НАТО привели к

некоторому спаду деятельности талибов и боевиков «Аль-Кайды». Однако через некоторое время, и эти разговоры об успехи оказались преждевременными. Сценарий, по которому Талибан смог бы вернуть себе прежние позиции вновь вышел на первое место. Это случилось практически сразу после вторжения США в Афганистан когда: «В конце 2002 года многие талибы ушли в нетронутые американцами лагеря по подготовке и стали готовиться к выступлению против присутствующей коалиции сил в Афганистане. Уже в 2003 году американский спец-посланник в Афганистане предупредил, что возрождение сил Талибов и Аль-Каиды представляют собой серьезную угрозу для реконструкции мирной жизни в Афганистане. [26. Р. 55]. Внутри страны различные боевые группы, связанные с талибами занялись активной террористической подрывной деятельностью. В результате к 2005 году число террористических актов внутри страны составило 494, в ходе которых погибло 1557 человек. [30]. Таким образом, можно увидеть и проследить значительное увеличение насилия в стране, связанное с террористическими актами талибов, после того как США вступили на Афганскую землю и уже непосредственно во время их нахождения там.

Что из себя они представляют сейчас? Если руководствоваться объективными соображениями и посмотреть в статистику Государственного Департамента США, то можно увидеть серьезнейшее положение. Согласно ежегодной таблице по терроризму, публикуемой США - движение Талибан заняло первое место в 2012 году среди преступных групп, а также по количеству смертоносных атак рассматривая их в мировом соотношении: 1023 (атак) и 2632 убито соответственно. [28]. Почему так резко увеличилось количество атак, а самое главное, почему талибам удалось в этом списке даже перегнать АКАП (Аль-Каиду на Аравийском полуострове)? Все становится более понятным,

если учесть тот факт, что талибы в последнее время стали значительно сильнее, следовательно, получили дополнительные способности к активизации своих действий. Это подтверждают и слова экспертов, которые побывали в Афганистане и сделали заявления, расходящиеся со словами о стабильности высказанные не так давно Б.Обамой. Как заявила Дайэн Файнстайн, председатель сенатской комиссии по разведке США в интервью Fox News Sunday: «Мы оба считаем, что «Талибан» стал сильнее». Председатель специальной постоянной комиссии по разведке палаты представителей Майк Роджерс, который также участвовал в интервью, выступил в поддержку этого заявления». [31]. Важнейшее и во многом определяющее значение как для безопасности Центрально-Азиатского региона, так и для близлежащих государств играет и другой фактор – борьба с незаконным оборотом наркотиков, которая как говорилось ранее, играет некую роль подпитки других негативных транснациональных процессов. Присутствие военного контингента во главе с США в Афганистане не принесло значительных результатов по данному вектору. По оценкам многих видных российских экспертов: «Более миллиона человек в мире погибли от афганского героина с начала операции НАТО "Несокрушимая свобода", в результате которой производство наркотика в стране выросло в 40 раз». [3]. Вопрос - почему такое произошло, лежит уже в другой плоскости - сугубо геополитической. Удивительными является оценки директора ФСКН РФ: «В Аргентине, Боливии, Чили, Колумбии, Эквадоре, Перу и Венесуэле в 2011 году было уничтожено более 9 тыс. нарколабораторий кокаина и других производных коки. В случае же с Афганистаном, не только наркопосевы не уничтожаются, но и лаборатории бесперебойно функционируют». [21]. Впрочем, стало давно очевидным фактом то, что США не собирались активным образом бороться с наркотической угрозой в Афганистане. По

недавним заявлениям главы НАТО Андреас Фог Расмуссена: «задача борьбы с наркотиками в этой стране - это задача правительства Афганистана». [4]. Ответа на вопрос, каким образом правительство этой страны будет бороться с этим в условиях, когда оно не контролирует более половины своей территории, видимо не ставился. Для официальной Москвы в отличие от Вашингтона этот вопрос имеет первостепенное значение. Важную для понимания масштабности статистику демонстрирует в одном из своих докладов ЮНОДК (Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности): «За последние четыре года (2005-2008 годы) движение "Талибан" получило в общей сложности 450-600 млн. долл. США в виде налогов на культивирование опийного мака и торговлю опиумом в Афганистане». [27. Р. 3]. Можно только догадываться, сколько прибыли получают командиры от такой возросшей в разы торговли к 2014 году, и в какой оборот попадут вырученные ими деньги. По аналогии с предыдущими историческими этапами можно смело утверждать, что при наличии конфликтных точек на территории России эти деньги могут сыграть определяющую роль. Также очень важным моментом является взаимодействие афганских террористов с группировками, базирующимися на Ближнем Востоке: «Вызывает серьезную обеспокоенность факт того, что часть доходов от продажи наркотиков Талибами направляется в страны Персидского Залива». [35. Р. 11]. На деле эта существующая «линия поддержки» доходя до адресата, укрепляет существование бандформирований в регионе и их дальнейшую деятельность. Отмеченные выше регионы, безусловно, столкнулись с серьезнейшей транснациональной угрозой. Которая при худшем варианте развития событий будет иметь еще более серьезный фактор в глобальном масштабе. Пролонгирование существующих в Афганистане и Сирии кризисов в свою очередь оказывает дополнительное

дестабилизирующее влияние: «Растет также проблема использования территории России, в частности Москвы, для вербовки наемников и террористов, особенно из числа центральноазиатских трудовых мигрантов, в том числе, даже для боевых действий в Афганистане, Пакистане, Сирии». [9. С. 16]. Последствия могут быть очень серьезными и региональная взаимосвязь здесь налицо. Стоит вспомнить события 2013 года, когда спецслужбы провели операцию по пресечению теракта, планировавшегося в центре Москвы. Тогда: «В НАК (Национальный Антитеррористический Комитет) заявили о том, что боевики являются гражданами России, прошедшими подготовку в афгано-пакистанском регионе».[7]. Более того уже в самом «форпосте безопасности РФ» - постсоветском пространстве стали проявляться опаснейшие тенденции связанные со свободным пересечением террористами близлежащих регионов: «Практически во всех вооруженных конфликтах, произошедших на пространстве ОДКБ, в составе бандформирований действовали выходцы из ближневосточных стран, причем нередко они были отнюдь не рядовыми бандитами». [8].

Данную озабоченность подтверждают и оценки экспертов: «Имеется прямая угроза превращения Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии и сопредельных территорий в арену бесконечных военных действий». [11. С. 6]. Эти слова кажутся близкими к реальности если учесть то, что новый виток терроризма на юге уже и так сопровождается растущим влиянием терроризма по всему миру. [22], [32], [33]. В виду этого представляется, что существует высокая вероятность того, что те успехи и тот упомянутый серьезный задел по борьбе с терроризмом проведенный на территории РФ, может быть попросту подорван. В конечном счете, на рубежах РФ могут возникнуть крупнейшие очаги нестабильности, что естественным образом скажется на всей системе безопасности

государства и потребует дополнительных ресурсов на купирование этих угроз.

Рассмотрев взаимосвязь уже существующих и потенциально-возможных угроз России на южном направлении, можно заключить, что глубокие опасения РФ не являются мнимыми или надуманными. А факт того, что наркобизнес, исламский фундаментализм, экстремизм и покровительство терроризму становятся обыденностью не может не вызывать широкую обеспокоенность. Всем ясно, что такие явления по своей природе не могут оставаться в пределах одного государства и всегда носят трансграничный характер, поэтому утверждать, что если данные процессы существуют лишь в одном Кабуле или Дамаске и никак не смогут перекинуться куда-либо еще - просто безответственно. В связи с этим поиск действенной формулы национальной безопасности является крайне затруднительным, но жизненно-важным. Тем более, что в истории взаимоотношений террористов движения Талибан и тех, кто действовал на российской земле, уже были попытки завязать серьезные контакты, объединиться воедино против нашей страны. Развитие таких контактов в будущем нельзя исключать. Вдобавок, не стоит забывать и про то, что «вспомогательным фактором», который увеличивает их потенциал - являются наркотики. В сегодняшнем глобализованном мировом пространстве усиливается данная тенденция и это без всяких сомнений отразится на безопасности страны. Тем более, что объем наркотрафика существенно повысился, а соразмерного ответа пока выработать не удалось. В частности недавно, Генеральный прокурор РФ Юрий Чайка заявил, что: «...Меры по борьбе с распространением наркотиков в России пока неадекватны масштабам наркоэкспансии в нашу страну. Так, до трети всех выявляемых наркопреступлений остаются нераскрытыми». [14]. Таким образом, на данном направлении государству

также придется действовать все более эффективно, возможно придется выработать новые соглашения с пограничными государствами для укрепления своих границ. От успехов на данном направлении будет зависеть дальнейшая работа по пресечению каналов наркотрафика на территорию страны. Также, в случае дальнейшего ухудшения ситуации, объективно возможным представляется участие террористических группировок на постсоветском пространстве. В связи с этим на государственном уровне потребуются принятия решительных действий, которые очевидно будут включать военную составляющую и активное привлечение всего арсенала возможных превентивных мер по линии таких организаций как ОДКБ, ШОС. В конечном счете, действенное обеспечение национальной безопасности будет зависеть от той конфигурации, которая сложится в этих конфликтных точках, но все же выработка и внедрение эффективных механизмов борьбы с угрозами на данных направлениях, безусловно, поможет избежать тяжелых последствий при неблагоприятном развитии событий.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Дериглазова Л.В.* Парадокс асимметрии в международном конфликте» // *Международные процессы*, Т.3, №3 (9), сентябрь — декабрь 2005 - С.86-89.
- [2] Доклад директора ФСКН России, председателя ИДЕС-XXX В.П. Иванова на XXX Международной конференции правоохранительных органов по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, Москва, 5 июня 2013 года/ [Электронный ресурс]. Режим доступа: // http://www.fskn.gov.ru/includes/periodics/speeches_fskn/2013/0605/140424482/detail.shtml
- [3] Информационное Агентство ИТАР-ТАСС. «Производство героина с начала операции НАТО "Непоколебимая свобода" в Афганистане выросло в 40 раз» <http://www.itar-tass.com/c11/694841.html>

- [4] Информационное Агентство ИТАР-ТАСС. «После Афганистана НАТО не будет искать новые цели - Андерс Фог РАСМУССЕН» <http://www.itar-tass.com/c49/786432.html>
- [5] Информационное Агентство РИА Новости: «ФСБ: несколько сотен выходцев из России воюют в Сирии наемниками». http://ria.ru/arab_riot/20130920/964662999.html#13803072442623&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration
- [6] Информационное Агентство РИА Новости. «Патрушев: терроризм на Северном Кавказе впервые за годы стал снижаться». / [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ria.ru/defense_safety/20130529/940150688.html#13777086114734&message=resize&relto=login&action=removeClass&value=registration
- [7] Информационное Агентство РИА Новости. «Теракт предотвращен в Москве: двое боевиков уничтожены, один задержан» http://ria.ru/defense_safety/20130520/938404863.html#13777079820233&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration
- [8] Информационное Агентство РИА Новости. «Бордюжа: события на Ближнем Востоке могут вызвать конфликтную эпидемию». / [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ria.ru/interview/20130709/948373359.html#13775251480663&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration>
- [9] *Казанцев А.* Сценарии и тенденции эволюции ситуации в центральноазиатском регионе коллективной безопасности ОДКБ после 2014 года / А. Казанцев ; ИМИ МГИМО (У) МИД России, Аналитический центр. - М. : МГИМО-Университет, 2012. –С.16
- [10] *Комиссина И.* Северный маршрут смерти. Трафик афганского героина через Центральную Азию – прямая угроза безопасности России. <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1362808740>
- [11] *Кременюк В.А.* РОССИЯ И США ПОСЛЕ АФГАНИСТАНА: СОТРУДНИЧЕСТВО И/ИЛИ СОПЕРНИЧЕСТВО? США - Канада. Экономика, политика, культура, № 1, Январь 2013.-С.6.
- [12] *Лалетин Ю.П.* Ситуация в Афганистане и ее воздействие на южный фланг СНГ / Ю. П. Лалетин // Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: Возможности и вызовы для России/ Под ред. М.М. Наринского, А.В. Мальгина; МГИМО (У) МИД России; ИНО-Центр. – М.: Логос, 2003. – С.266.
- [13] Материалы Четвертой международной научной конференции по проблемам безопасности и противодействия терроризму. Московский государственный университет им.М.В. Ломоносова. 30–31 октября 2008 г. Том 1. Материалы пленарных заседаний. Материалы Первой всероссийской научно-практической конференции «Формирование

устойчивой антитеррористической позиции гражданского общества как основы профилактики терроризма».—М.: МЦНМО, 2009.- С.289.

[14] Новостное издание Российская Газета: «Чайка. Борьба с контрабандой наркотиков в Россию ухудшилась». <http://www.rg.ru/2013/09/27/narkotiki-anons.html>

[15] Новостной портал Вести. «Путин предостерегает от экспорта терроризма из Афганистана» / [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1082714>

[16] Официальный сайт Кремля. Выступление президента РФ В.В. Путина на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года» / [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2008/02/159528.shtml>

[17] Официальный сайт МИД РФ. Выступление специального представителя Президента Российской Федерации по вопросам международного сотрудничества в борьбе с терроризмом и транснациональной организованной преступностью А.В.Змеевского на специальном заседании Совета Безопасности ООН / [Электронный ресурс].
Режим доступа: //

http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/D851917151D4AB5344257AF60026523C

[18] Официальный сайт ООН. Резолюция 1373 (2001), принятая Советом Безопасности на его 4385-м заседании 28 сентября 2001 года / [Электронный ресурс]. Режим доступа: // [http://www.un.org/Docs/journal/asp/ws.asp?m=S/RES/1373\(2001\)](http://www.un.org/Docs/journal/asp/ws.asp?m=S/RES/1373(2001)).

[19] Официальный сайт ООН. Организации, связанные с «Аль-Каидой» / [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://www.un.org/russian/sc/committees/1267/NSQE10003R.shtml>

[20] Официальный сайт Совета Безопасности РФ. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года / [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>

[21] Официальный портал ФСКН. Выступление председателя КСОПН государств-членов ОДКБ, директора ФСКН России В.П. Иванова на тринадцатом заседании Координационного совета руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности (2 июля 2013 г., г. Москва) http://www.fskn.gov.ru/includes/periodics/speeches_last/2013/0702/133925073/detail.shtml

[22] Официальный сайт ФСБ РФ. «ФСБ России отмечает активизацию террористов от Дальнего Востока до Европы». / [Электронный ресурс].
Режим доступа: //

<http://www.fsb.ru/fsb/comment/remark/single.htm?id%3D10436900%40fsbComment.html>

[23] *Сажин В.И.* АФГАНИСТАН СЕГОДНЯ – УГРОЗА МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ Ближний Восток и современность. Сборник статей (выпуск восьмой) М., 1999.-С.143-147.

[24] *Устинов В.* Обвиняется терроризм. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – С.4.

[25] *Хлобустов.О.М* Терроризм в России в начале XXI века/ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hrono.ru/statii/2008/hlob_terr.html

[26] Countering Terrorism Can We Meet the Threat of Global Violence? Michael Chandler and Rohan Gunaratna.-P.55.

[27] Crime and insurgency. The transnational threat of Afghan opium .Copyright © United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC), October 2009 Acknowledgements.-P.3

[28] National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism: Annex of Statistical Information // Office of the Coordinator for Counterterrorism. Country Reports on Terrorism 2012Report.May 30, 2013 <http://www.state.gov/j/ct/rls/crt/2012/210017.htm>

[29] National review online. Jihad @ Work: Behind the Moscow-theater Attack. By Mark Riebling and P.R.Eddy/ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://old.nationalreview.com/comment/comment-riebling102402.asp>

[30] National Counterterrorism Center: Annex of Statistical Information // Office of the Coordinator for Counterterrorism/ Country Reports on Terrorism 2009. Report/ August 5, 2010<http://www.state.gov/j/ct/rls/crt/2009/140902.htm>

[31] News-agency Reuters. «Taliban stronger than before U.S. troop surge: lawmakers». http://www.reuters.com/article/2012/05/06/us-usa-afghanistan-taliban-idUSBRE84509G20120506?feedType=RSS&feedName=topNews&rpc=71&google_editors_picks=true

[32] Prepared testimony of Director of National Intelligence (DNI) James R. Clapper, in U.S. Congress, Senate Select Committee on Intelligence, Current and Projected National Security Threats to the United States, S.Hrg. 112-481,112th Cong., 2nd sess., January 31, 2012 (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 2012.

[33] Prepared testimony of DNI Clapper, in U.S. Congress, Senate Select Committee on Intelligence, Worldwide Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community, 113th Cong., 1st sess., March 12, 2013.

[34] Seth G. Jones Associate Director, International Security and Defense Policy Center The RAND Corporation. The Terrorist Threat from Syria // Before the Committee on Homeland Security Subcommittee on Counterterrorism and Intelligence May 22, 2013.-P.4

- [35] Terrorism and Transnational Crime: Foreign Policy Issues for Congress
John Rollins Specialist in Terrorism and National Security Liana Sun Wyler
Analyst in International Crime and Narcotics June 11, 2013.-P.11
- [36] The National Commission on Terrorist Attacks Upon the United States. /
[Электронный ресурс]. Режим доступа: //
<http://govinfo.library.unt.edu/911/report/index.htm>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Дегтерев Д.А. , Джангириян В.Г.</i> Традиции и инновации в исследовании Афганистана	3
<i>Шпаковская М.А.</i> Афганист мирового уровня.....	8
<i>Пластун В.Н.</i> Памяти В.Г. Коргуна.....	10

I. Ситуация в Афганистане после 2014 г.

Коргун В.Н. Афганистан. Дорога в никуда.....	12
<i>Наджибулла Ш.</i> Новый этап в истории Афганистана	19
<i>Слинкин М.М.</i> К вопросу о периодизации вооруженной борьбы в Афганистане в начале XXI в.....	27
<i>Карякин В.В.</i> Текущая военно-политическая обстановка в Афганистане и сценарии её развития после 2014 года	38
<i>Кравцов В.Б.</i> Разделение Афганистана как утопия региональной стабильности.....	47
<i>Байболова М.Е.</i> К вопросу о военно-политической ситуации в Афганистане.....	57
<i>Сугралинов М.М.</i> Особенности президентской предвыборной кампании 2014 в Афганистане.....	67

II. Афганистан в стратегиях мировых и региональных держав

- Мельник А. Л.**
Перспективы урегулирования ситуации вокруг Афганистана в условиях новых геополитических реалий.....98
- Топычканов П.В.**
Влияние военных операций в зоне племен Пакистана на региональную безопасность.....113
- Серенко И.Н.**
Афганистан-Пакистан: модернизация образования как фактор развития современной экономики.....130
- Умнов А.Ю.**
Пакистанский аспект афганского урегулирования..... 142
- Пойя С.**
Варианты урегулирования ситуации в Афганистане.
Роль и место иностранных государств
в урегулировании ситуации в Афганистане..... 144
- Мотуз Г.В.**
Проблема Афганистана в трансатлантических отношениях в первый президентский срок Барака Обамы (2009-2012 гг.).....155
- Тетерюк А.С., Чижевский Я.А.**
Количественные методы оценки эффективности контртеррористической кампании: казус Афганистана... 165
- Шершах А. М. Х.**
Геополитика: США в Афганистане.....196
- Бутова А.И.**
Изучение афганского кризиса аналитическими центрами США и Европы204
- Бойко В.С.**
Стамбульский процесс и регионализация афганского конфликта в начале 2010-х гг.....211

Пластун В.Н. Куда ведёт «новый шёлковый путь»?.....	219
---	-----

III. Ситуация в Афганистане и интересы России

Арунова М.Р. Из истории советско-афганских отношений и афганской политики США	236
Гаспарян А.Л., Джага А. М. Перспективы развития ситуации в Афганистане и интересы России	274
Голишников О.Н. О возможных угрозах и вызовах для Центральной Азии после вывода войск МССБ из Афганистана в 2014 году...	281
Конаровский М.А. Афганистан и Центральная Азия: феномен 2014.....	298
Пономаренко А.П. Проблема усиления военного присутствия США и НАТО в Центральноазиатском регионе.....	312
Сарсембаев И.Ж. Афганистан после вывода натовского контингента в 2014 году. Стратегия борьбы с мировым центром наркопроизводства – Вызовы России.....	325
Шах М. Афганистан и борьба стран Евразии с угрозой исламизма к 2014 году.....	333
Шапиро Н.И. Деятельность ОДКБ в области борьбы с афганской наркоугрозой: позиция России.....	349
Мамонов А. А. Международный терроризм и наркотрафик как угрозы национальной безопасности России.....	361

Научное издание

**СИТУАЦИЯ В АФГАНИСТАНЕ
И ФОРМИРОВАНИЕ
РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
БЕЗОПАСНОСТИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Издание подготовлено в авторской редакции

Технический редактор *Н.А. Ясько*
Дизайн обложки *М.В. Рогова*

Подписано в печать 10.09.2014 г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 22,55. Тираж 120 экз. Заказ 1605

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41

Для заметок
